

Глава 1

Надсадно выла сирена. В маленьких низких домах от ее звука мелко дребезжали стекла. Петька, сбросив с себя ветхое одеяло, сел на кровати, коснувшись голыми ногами пола, прислушался. Из черного репродуктора, висящего на столбе, на противоположной стороне улицы усталый голос повторял:

«Тревога... Товарищи, спешите в бомбоубежище... Воздушная тревога! Курсом на город идут бомбардировщики...»

Петька, протерев кулаком глаза, встал, отодвинул маскировочную штору, сшитую из старого черного бабушкиного халата, посмотрел в окно. Густые облака закрывали солнце, но дождя не было.

Мальчик стал быстро одеваться. Подпоясал ремнем заплатанные на коленях штаны, одним махом набросил рубаху. Застегнул пуговицы.

Петькина рубаха походила на солдатскую гимнастерку, и поэтому вызывала зависть у всех мальчишек на улице. Весной, когда в городе у них стояла 161-я Сибирская стрелковая дивизия, солдаты, видя, что у Петьки совсем порвалась курточка, подарили ему гимнастерку. Она оказалась велика, и Петькина бабушка сшила из нее целых две рубахи и пришила к ним маленькие военные пуговицы.

Положив в карман большой складной нож, компас, снятый с немецкого самолета, и зажигалку, сделанную из винтовочной гильзы, Петька поспешил на улицу. Теперь выло уже несколько

сирен. Посреди заросшей лебедой улицы стоял дряхлый дед Андрей. Опираясь худыми руками на толстую самодельную трость, подняв вверх седую косматую голову, смотрел в пасмурное утреннее небо. Тяжело дыша, сказал Петьке:

— Беги, сынок, в убежище. Вишь, воронье проклятое опять летит к нам...

Петька побежал в переулок, а дед так и остался на пустынной улице и смотрел в небо, откуда уже доносился нарастающий гул вражеских самолетов. Но Петька спешил не в убежище. Он давно потерял всякий страх, и даже во время вражеских обстрелов, когда фашистские хваленые «фердинанды» пытались бить прямой наводкой по оружейному заводу, мальчик бегал по улицам, не пригибаясь и не прячась за углы домов. Пренебрежительно он относился и к вражеским бомбардировкам. Сейчас Петька спешил к хлебному магазину. Там еще рано утром его бабушка заняла очередь за хлебом. Петька сменял ее в очереди, потому что в восемь часов утра она должна быть уже на работе.

Петькина бабушка, Вера Ивановна, была мамой Петькиному отцу. К ним в Краснокардонск она приехала перед самой войной в гости. А когда Петькиного отца призвали в армию, а мама по приглашению военкомата уехала работать на химический завод, бабушка осталась с Петькой навсегда и пошла сторожить музей. Все сотрудники музея ушли на фронт, и она считалась и за директора, и за экскурсовода, и за сторожа. Она хотела увезти внука к себе на Байкал, но Петькина мама заплакала и умолила тогда не уезжать из Краснокардонска. Она говорила, что война долго тянуться не будет, а в тайге с ребенком невесть что может случиться.

Петька года четыре назад, когда еще собирался идти в первый класс, ездил с отцом к бабушке на Байкал. И жил на берегу в поселке Большие Коты. Он запомнил огромные скалы и горы, с которых, в какую сторону ни смотри, все тайга и тайга, и такие же горы.

Петька переходил улицу Арсенальскую, когда справа, там, где находился главный пункт противовоздушной обороны, резко затараторил пулемет. Сразу же заухали зенитки. За городом, где было Мертвое болото, раздался тяжелый взрыв фугасной бомбы. Петька понял: нарвавшись на заслон, стервятники,

чтобы спасти свою шкуру и удрать, освобождались от груза — сбрасывали бомбы, куда попало.

— Бомбите болото, — злорадно улыбнулся Петька, — оно терпит.

В просвете облаков мелькнула тройка наших истребителей. Горбоносые бомбардировщики, увидев их, заходящих со стороны солнца, бросились было наутек, но опоздали. Закрутилась невероятная карусель. Вдруг из-за туч вынырнул четвертый ястребок, незаметно подошедший к месту схватки. Блеснув на солнце, он с огромной скоростью бросился на один из бомбардировщиков. В упор дал длинную очередь, штопором прошел через центр круга и снизу полоснул очередями длинное черное брюхо второго крестоносца. Смердно дымя, как старые галоши на костре, бомбардировщики падали на землю. Немного спустя раздалась почти одновременно глухие взрывы.

«Лежать вам теперь в болоте веки вечные», — вспомнил Петька поговорку деда Андрея.

Внезапно Петька заметил, как один из вражеских самолетов, уклонившись в самом начале от схватки, пошел низко-низко в сторону леса. Издалека казалось, что брюхом он задевает макушки деревьев. Потом из открытого люка выпал какой-то продолговатый предмет, похожий на бомбу. Петьке бомба показалась странной: белая и, кажется, не совсем круглая.

«Раз. Два. Три. Четыре... — считал про себя Петька, ожидая взрыва, — пятнадцать, шестнадцать...» Он досчитал до двадцати восьми, но взрыва не было. Странная бомба молчала.

Вспомнив о бабушке, которая его ждет, Петька вихрем помчался к магазину, решив: «Завтра обязательно схожу посмотрю бомбу, где она лежит, и почему не взорвалась».

Очередь за хлебом была, как всегда, большая и растянулась на целый квартал. Стояли старики, мальчишки такие же, как Петька, и пожилые женщины. Все крепко сжимали в руках хлебные карточки. Отыскав бабушку почти у самых дверей, Петька пролез к ней в очередь.

Бабушка не ругала за опоздание, а только сурово посмотрела на внука и сказала одноному старику:

— Я иду на работу. Он будет брать вместо меня. Он тоже Жмыхин.

Старик посмотрел в список, прочитал вслух Петькину фамилию и укоризненно сказал:

— Ты что же бабушку подводишь?

Петькина очередь подошла только к двенадцати часам дня. Получив четыреста граммов хлеба, на себя и на бабушку, он дождался, когда продавщица вырежет из хлебных карточек два квадрата, обозначающие, что сегодняшняя норма хлеба Жмыхиным выдана, и подошел к окну. Петька аккуратно завернул хлеб в белую полотняную тряпку, выбрался из очереди и поспешил к бабушке на работу.

В историческом музее, в бабушкиной вахтерской комнатухе, они всегда варили чай в тяжелом чайнике, на боку которого старинными буквами было написано: «Обереги очаг свой от ворогов». Бабушка Вера Ивановна уверяла, что чайнику больше двухсот лет и что принадлежал он дружинникам Александра Невского, которые разбили псов-рыцарей. Кипяток из музейного чайника мальчику всегда казался вкусным.

По дороге к музею Петьку от голода слегка пошатывало, потому что из свертка, который он крепко держал в руках, аппетитно пахло свежим хлебом. Поднимаясь по узкой музейной лестнице в комнатуху к бабушке, Петька опять вспомнил о странной бомбе, которая почему-то не взорвалась.

Глава 2

Выпив железную кружку подслащенного чая, заваренного чешуйками сушеной моркови, которую бабушка покупала в аптеке, Петька стал есть хлеб. Его он ел всегда отдельно после чая. Откусывая помаленьку, долго жевал, чтобы протянуть удовольствие, и каждый раз перед тем, как откусить, с сожалением замечал, что ломоть уменьшается.

Петька часто думал о хлебе. Бабушка говорила, что когда кончится война, карточки ликвидируют, и хлеб свободно будет продаваться в магазине, каждый сможет купить себе, сколько захочет. Слушая бабушку, Петька представлял, как он зайдет в любой магазин, ну скажем, в «каменушку» на

улице Польских Повстанцев, и купит целую буханку хлеба или даже две. Правда, он сомневался, что две буханки хлеба навряд ли продавец отпустит в одни руки. Ну, пусть даже одну буханку. Петька нарежет ее большими мягкими ломтями, поставит на стол солонку, и они будут сидеть с бабушкой и весь день пить чай.

— Закройся и посиди здесь один, а я схожу к военкому, сдам носки и перчатки, — сказала бабушка.

Вера Ивановна, неся свою вахтерскую службу, одновременно вязала на длинных спицах теплые шерстяные носки и перчатки, затем сдавала их бесплатно в военкомат для бойцов Красной Армии.

По узкой винтовой лестнице они стали спускаться вниз, к альенькой толстой двери, выходящей во двор.

Закрыв обитую железом скрипучую дверь на длинный, чуть ли не с Петьку ростом, крючок, мальчик стал подниматься по боковой лестнице в верхний зал, или, как его до войны называли, «зал истории оружия».

Топоры, длинные стрелы с каменными неуклюжими наконечниками, всякие там «тесалы и кресалы» Петьку не привлекали. Он равнодушно прошел мимо них и поднялся по маленькой чугунной лестнице во флигелек, в отдел огнестрельного оружия. Здесь, если рассматривать экспонаты один за одним начиная от двери, можно узнать всю историю здешнего оружейного завода. Первыми в витрине лежали пистолеты. Их было шесть: два длинных, двустольных, и четыре короткоствольных, с курками, похожими на красивых лебедей. Однажды Петьке разрешили поддержать их в руках. На современные пистолеты они нисколько не походили: не было у них ни затвора, ни обоймы, ни самих патронов — порох засыпался прямо в дуло. Такие пистолеты завод выпускал сто лет назад.

Петька подошел к старинным пушкам, рукой залез в ствол. Там, как и прежде, лежали круглые металлические шарики, картечь. Назывались орудия «единорогами» и могли стрелять и бомбой, и картечью, и ядрами.

После пушек в музее стояли пулеметы всяких заграничных марок. Краснокардонский завод их не выпускал в гражданскую войну, их отбили у врангелевцев. Заводскими числились только

два пулемета «максим». Но сейчас их здесь не было. Как только началась война, пулеметы взяли в штаб противовоздушной обороны, установили на вращающуюся железную площадку на крыше Петькиной школы и метко стреляли по вражеским самолетам.

Своим заветным уголком Петька считал небольшую мансарду с круглым маленьким оконцем. Сюда бабушка не поднималась, потому что скрипучая приставная лестница могла переломиться от ветхости. В мансарде пол был выложен дубовым паркетом, как и во всем большом здании. У глухой темной стены стояла широкая железная кровать с тяжелыми, литыми из чугуна головками. Ржавыми от времени болтами она крепилась к полу. Прямо под кроватью, в полумраке, виднелась чугунная крышка люка, замкнутая на старинный замок. Говорили, что это какой-то тайных ход, но куда он ведет, Петька не знал.

Раньше дом принадлежал владельцам оружейного завода. В мансарде тогда сам хозяин-старик из единственного маленького окошечка наблюдал за территорией своего завода. Сейчас здесь склад неоприходованных экспонатов: найденный на чердаке завода мушкет, бивень мамонта, два кривых меча-ятагана и куча различных кинжалов с серебряными ручками, но без ножен. Кинжалы когда-то принадлежали Жмыхиным, потому что нашел их Петька. Случилось это так.

Петькин отец, собираясь в экспедицию на ловлю сусликов и барсуков, не взял с собой сына, как обещал. Петька очень обиделся и, чтобы не видели его слез студенты, которые помогали отцу упаковывать капканы и ловушки, забрался на чердак старого амбара и там горько плакал... Внутри двойной стены сарая Петька заметил что-то блестящее. Забыв про обиду, стал внимательно разглядывать. Предмет походил на нож или на конец старой сабли. Отодрав от пола чердака щепку, Петька засунул ее в щель и стал шевелить. Посыпались желтые гнилые опилки, и к щели подкатился блестящий короткий кинжал. Взять его рукой Петька не смог, не пролезла рука, а когда вытащил щепку, внутри стены что-то зашуршало, и он увидел еще несколько чуть заржавленных лезвий. Мальчик вихрем слетел по гнилой лестнице вниз.

Бросив приготовления, отец легко взобрался на чердак, а потом позвал туда студента дядю Колю. Они оторвали доски, и оттуда посыпалась груда кинжалов, затем два совсем новых револьвера, какие-то планшеты и полевая сумка. В истлевшей сумке обнаружили кусок самодельной непонятной карты, лафтак бересты с какими-то знаками и толстую исписанную тетрадь. Она была пробита пулей и залита кровью, побуревшей от времени. Студент дядя Коля прочитал в тетради несколько записей и сказал, что это дневник красного командира, по-видимому, убитого в гражданскую войну. Найденное оружие и сумку с документами сдали в милицию. Экспедиция биологов в тот раз задержалась на несколько дней, а потом мама уговорила отца взять Петьку с собой.

Вернулись они осенью. Через несколько дней Петька пришел в школу, и оказалось, что о его находке знали почти все. Старую кожаную сумку вместе с кинжалами передали в музей.

Петька подошел к висящей над графской кроватью сумке. Ее тоже не оприходовали. Сейчас в ней документов не было. Их перед самой войной взял под расписку Петькин отец. Он изучал записи убитого командира, и Петька помогал ему разбирать стершиеся, едва заметные следы слов. О том, что Петькин отец изучает обстоятельства гибели командира, знали в Краснокардонске многие. Об этом несколько раз писалось в газете.

Глава 3

Петька слышал гул в пустых комнатах музея и не сразу понял, что это внизу, на первом этаже, стучат в дверь.

По узким лестницам и темным переходам Петька бросился вниз.

— Ты оглох, что ли? — бабушка барабанила худыми кулаками в дверь. Петька поднял крючок, распахнул дверь и тут же сощурился от солнечного света.

— Письмо нам из Сибири пришло, — бабушка показала большой самодельный конверт. — Придем сейчас домой, прочитаем.

Замкнув музей и по привычке проверив замки на всех дверях, бабушка и Петька пошли домой. Опять где-то выла сирена. Репродукторы предупреждали о возможном налете фашистских бомбардировщиков. Торопливо шагая рядом с бабушкой, Петька рассказывал об утреннем воздушном бое и попросил отпустить его завтра посмотреть сбитые самолеты. Про бомбу он не стал говорить, потому что смотреть ее и подходить к ней бабушка никогда бы в жизни не разрешила.

Дома бабушка сразу же распечатала письмо от своих земляков, взяла с кухонного стола очки с длинными веревочками вместо дужек, не спеша намотала веревочки на уши и стала читать, рассуждая над каждой фразой.

— ...Зовут к себе. Да доедем ли мы с тобой, Петька? Отощали мы сильно, а дорога, не дай бог, какая длинная.

Бабушка положила письмо на стол.

— Поезда теперь идут все на запад, на фронт, да и кто нас кормить в дороге станет? Пишут, что там к осени будут грибы, ягоды, орехи — это все правильно, но ведь мне, Петенька, чуть ли не сто лет! — Опять взяла письмо в руки, отыскивала нужную строчку и, положив на нее палец, чтобы не потерять, стала говорить: — А вдруг в дороге беда какая случится, ведь ты, Петька, пропадешь без меня! — Вера Ивановна выговаривала Петьке свою обиду, как будто он в чем-то виноват. — Тебя сразу надо было увезти на Байкал, как началась война, я же маме твоей говорила, застряли мы с тобой, Петька. Вон фашистские налеты опять начались, боюсь, не уберегу я тебя!

— Ничего, бабушка, не случится. Краснокардонск фашистам все равно не взять, а страну нашу тем более.

— Ты прав, унывать пока нечего, другим еще хуже живет. Вон Танюшке Котельниковой, например. Совсем сиротой осталась, и родители погибли, и дед погиб, и брат где-то пропал. — Вера Ивановна прочитала первый листок письма, положила его на стол, разгладила худой почерневшей рукой. — Война проклятая. Ох, горе, горе. — Она посмотрела на внука как-то странно и сказала: — Слушай, Петр...

Петька удивился, потому что бабушка никогда не называла его так по-взрослому.

— Я вот о чем подумала: на Байкал мы поедем втроем, нельзя бросать Танюшку. Как ты считаешь, Петр?

— Конечно, возьмем. Разве можно бросать человека в беде.

— Хороший ты у меня, Петька.

Второй листок письма был написан графитным карандашом и предназначался для Петьки. Писал ему Валерка Рубцов, двоюродный брат. Петька видел его только один раз, когда гостил у бабушки в Больших Котах. Валерка был немного старше Петьки. Он водил Петьку в тайгу, учил разводить костер, ставить капканы, показывал целебные травы. Ночевали они всегда в пещере. Валерка и другие мальчишки, живущие на Байкале, разжигали там огромный костер и показывали маленькому Петьке всяких мамонтов и носорогов, нарисованных на шершавых мрачных стенах. Валерка говорил, что зверей нарисовали первобытные люди. Петька, слушая их рассказы, пугался и с ужасом смотрел в темную даль пещеры, боясь, как бы не вышли оттуда эти самые первобытные люди. Хитрый был Валерка. Он чувствовал, что Петька боится, и рассказывал еще страшнее и с такими подробностями, что как будто сам лично знал пещерных людей и охотился с ними на мамонтов.

Сейчас Валерка сообщал, что его приняли в комсомол и что он работает в Иркутске на заводе и готовит «подарочки» для Гитлера.

Читая вслух письмо, Петька очень завидовал и жалел, что ему, Петьке Жмыхину, так мало лет. Будь ему сейчас пятнадцать или хотя бы четырнадцать, он бы пошел к себе на оружейный завод и тоже бы готовил «подарочки» для Гитлера. А когда тебе двенадцать и когда тебя никуда не пускают, как можно помочь родной армии? В разведку не берут. В морскую пехоту нельзя. На фронт нельзя. И на заводе загвоздка вышла. Петька приходил туда с товарищами и просил, чтобы ему позволили укладывать готовые снаряды в зеленые ящики. Всем разрешили, а Петьку, даже не спросив, сколько ему лет, прогнали. То, что Валерка написал на другой стороне листка, окончательно расстроило Петьку... «Мы, иркутские комсомольцы, собрали три миллиона рублей, и на деньги, заработанные на субботниках, была построена танковая колонна. Назвали мы ее «Иркутский комсомолец»...

Заканчивая письмо, Валерка крупными буквами написал: «Здесь, в Сибири, мы все от мала до велика помогаем фронту».

Наступила ночь, а Петька все еще не спал. И все из-за письма.

В городе опять завывала сирена. Петька видел, как в небе шарили лучи прожекторов, а когда они гасли, за окном становилось еще темнее. Петька встал с кровати и опустил маскировочную штору. «Три миллиона рублей собрали». Петька почти воочию видел зеленые приземистые танки, построенные на эти деньги. Ему даже казалось, что он слышит лязг стальных гусениц и грозный рокот моторов.

Петька лежал в темноте с открытыми глазами. «Иметь бы сейчас три миллиона и тоже бы построить на них танки. И надпись сделать: «Подарок фронту от пионера Петьки Жмыхина». И шли бы Петькины танки лавиной, били бы фашистов не жалеючи, и отомстили бы за всех погибших и за Таню Котельникову, за то, что она теперь осталась совсем одна. Три миллиона — найти бы их где-нибудь. Здесь можно бы поискать. Город старинный, фабриканты да купцы жили, прятали награбленное, — рассуждал сам с собой Петька. — А там, в Сибири, на Байкале, разве что найдешь, там самому потеряться можно.

Вдруг Петька сбросил одеяло, прыгнул на пол, в темноте ударившись о стол. «Как же я забыл! Там же, в тайге, отряд погиб с золотом. Командир убитый писал: «Спасите достоинство Советской республики». Щупая руками стену, Петька вышел из комнаты, закрыл за собой дверь и ощупью направился на кухню. Там, в старом шкафу в отцовском ящике, лежали документы, взятые из сумки командира. Петька достал тугой сверток бумаги, аккуратно перевязанный шпагатом, так же тихо вернулся в постель и положил его под подушку. «Возьму документы с собой на Байкал. Организую отряд и найду золото, спрятанное командиром Биль-Былинским. Танки построим и самолеты». Петька повернулся на другой бок и, засыпая, подумал: «А если никто не захочет идти со мной, пойдем с Таней вдвоем».

Петька почти спал, когда ему стало чудиться, что в темном дворе кто-то ходит. Он стал прислушиваться и решил, что это шумит ветер, разгоняющий дождевые тучи.

Глава 4

Утром Петька вышел во двор. Дождик уже давно кончился. Светило солнце. В маленькой луже у крыльца отражались быстрые белые облака. Ночью, наверно, дул сильный ветер, потому что в сарае были распахнуты двери, а оконные рамы, прислоненные к стене, в которой Петька когда-то нашел оружие и сумку командира, лежали теперь на земле. Доска у стены, самая нижняя, была оторвана, земля под стеной взрыхленная, как будто кто-то копал там лопатой. Петька хотел пройти к сараю и посмотреть: кому это понадобилось там шариться. Но тут его окликнула бабушка.

— Я пошла за хлебом. Как придешь со своей самолетной свалки, сразу же иди ко мне в музей. Железяк всяких оттуда не приноси, а то их складывать некуда.

— Бабушка, сколько золото может пролежать в земле и не испортиться?

— Сколько угодно, Петька. Потому оно и золото.

Бабушка ушла. Петька, сунув в карман корку хлеба, заготовленную с вечера, взял сверток из-под подушки, прошел на кухню, остановился, о чем-то, глубоко подумав, положил его в старинный рукомойник, давно не действующий. Рукомойник был сделан в виде тумбочки из дорогого красного дерева. В задней стенке тумбочки был плоский медный бачок — Петькин тайник.

Петька вышел на крыльцо, захлопнул тяжелую скрипучую дверь и навесил замок. Выходя за ворота, он посмотрел еще раз в глубь двора, заросшего высокой крапивой. Увидел распахнутую дверь сарая, и ему стало как-то не по себе, потому что там, в сарайной темноте, как будто что-то мелькнуло... «Собака какая-нибудь прибилась. Вечером надо будет посмотреть, а то отцовы коллекции перевернет».

Он перебежал дорогу и подошел к дому Котельниковых.

— Та-ня! Та-ня! — Петька кулаком постучал в закрытые ставни, послушал: «Ушла она куда-то, что ли?» — Ко-те-ль-ни-ко-ва! — «Может, случилось что?»

Петька стал бить босыми пятками в наглухо запертые ворота. Наконец железная щеколда соскочила, и в распахнутую

калитку он увидел Таню. В самом конце огорода она рвала какую-то траву.

— Что, Петька, случилось?

— Ничего. Пойдем со мной в Калякинский лес. Там вчера я видел бомба упала и почему-то не взорвалась.

Таня тяжело вздохнула.

— Не могу я, Петька, сегодня идти. Суп надо сварить, — она показала на пучок сорванной крапивы. — Я есть очень хочу.

— Пойдем, а суп сварю вечером. — Петька залез в свой бездонный карман, вытащил корку хлеба. — Ешь, я для тебя захватил. По дороге я тебе такое интересное расскажу. Мы уезжаем в Сибирь, и ты с нами тоже поедешь. Хорошо?

Таня кивнула, а в глазах появились слезы.

Они шли по разбитой бомбами старой дороге, когда Таня, обходя большую лужу, спросила:

— Петька, я вот уеду с вами, а если мой брат найдется? Если он не погиб? Он же приедет сюда, меня будет искать.

Петька ответил словами бабушки:

— Оставим записки в военкомате и на заводе, и всем соседям, что ты живешь у нас на Байкале, в поселке Большие Коты. А когда фашистов разобьют, вернемся сюда все трое.

...После вчерашней бомбежки Петька не узнал знакомого леса: березы и осины лежали кучами, корнями кверху. Вырванные взрывом зеленые кусты перемешались с черной землей. Многие деревья стояли без макушек. Тропинка, по которой они шли, и луг, где дед Андрей собирался косить сено, были засыпаны зелеными ветками, листьями и огромными комками красной глины. Без веток и листьев лес казался мертвым и просвечивал насквозь. Не было птиц и даже кузнечики здесь не стрекотали.

— Петька, смотри, нашу березу убило!

Они подошли к большой березе. Ударом осколка ее переломило надвое, и, как слезы, крупными тяжелыми каплями тек березовый сок. В пне торчали осколки фашистских бомб.

Вскоре они добрались до старой огромной сосны, высоко поднявшей в небо свою единственную ветвь, похожую на костлявую руку. Оставив Таню на лужайке у сосны, Петька

раздвигал и осматривал кусты, спускался к ручью, разрывал руками толстый мох, но бомбы нигде не было. Мальчик вытер пот со лба.

— Таня, пойдём к ручью. Там попьёшь воды, а я ещё немного поищу.

У холодного родника Таня села на корточки и, черпая загорелыми ладошками воду, стала пить. Петька стоял рядом и смотрел на кусты, деревья и болотные кочки. Ему было очень досадно, что бомбу не удалось обнаружить. «Лежит где-нибудь здесь, в болоте, толстая, как свинья, и попробуй ее найди». Петька снова перешел полянку. «Не может же она, такая длинная, исчезнуть бесследно. Если найду — доложу в штаб, что мы с Таней бомбу обнаружили. Капитан Ладейщиков поедет ее взрывать и, может, нас с собой возьмет».

Капитана Ладейщикова в Краснокардонске знали все дети. В школе он преподавал физику и мастерил с ребятами всякие интересные приборы. Еще в гражданскую войну беляки отрубили ему саблей ногу, он как-то спасся, но остался калекой. На фронт драться с фашистами его не взяли, а причислили к городскому штабу противовоздушной обороны.

Петька услышал быстрые шаги, оглянулся и испугался: лицо у Тани было белое-белое, а глаза от страха стали круглыми.

— Пе-ть-ка! Пе-ть-ка, та-а-ам, там кровь человеческая и рубаха...

— Где? — шепотом спросил Петька.

Таня испуганно спряталась за спину мальчика и рукой показала на место, где она только что сидела и пила воду.

— Там, под бревном, в кустах!

Петька почувствовал, как у него слегка задрожали коленки. Пригибаясь, он побежал к бревну. За толстым, прикрытым кустами бревном лежало торопливо сложенное белое шелковое полотнище с яркими пятнами крови. В одном месте на материи остался кровавый отпечаток маленькой, как будто детской ладошки.

— Парашют! Таня, это парашют был, а не бомба! На нем кто-то спустился вчера... — Петька говорил срывающимся голосом: — Надо... Ладейщикова... Срочно!..

Через кусты и лужайки, теперь не по старой дороге, а прямо по болоту, первым неся Петька Жмыхин. За ним, всхлипывая,

мчалась Таня. Через час они сидели уже в кабинете начальника контрразведки, куда по распоряжению капитана Ладейщикова доставили их на зеленом военном мотоцикле.

Выслушав Петькин рассказ, начальник контрразведки спросил Таню, не заметила ли она еще что-нибудь. К удивлению Петьки, Таня спокойно сказала:

— На краю бревна я заметила глинистый след от ботинка. След был тоже маленький, как будто какой-то мальчишка наступил. Чуть больше моей ноги.

Начальник контрразведки поднял телефонную трубку. Выслушав кого-то, он ответил:

— Да, мальчика берем с собой.

У Петьки зазудились ладошки. Посмотрев на Таню и переборов стеснение, он спросил:

— А Таню можно с собой взять?

Начальник контрразведки погладил девочку по голове:

— Таню мы пригласим потом, а сейчас она отнесет записку твоей бабушке, Вере Ивановне, чтобы тебя не теряла.

— Ждите меня в музее, мы скоро вернемся, — шепнул Петька.

Девочка не пробежала еще и площади имени Кирова, как, обогнав ее, промчались два зеленых мотоцикла с красной звездой на боку. У военных на груди висели автоматы. В коляске рядом с огромной овчаркой сидел Петька, прищуривая глаза от бьющего в лицо встречного ветра.

Мотоциклы подвезли автоматчиков почти к самому ручью. Петьке было приказано сидеть в коляске и на землю не ступать. Ручей, парашют и маленький след на бревне военный, ехавший на первом мотоцикле, сфотографировал два раза. К парашюту подвели собаку. Понюхав кровавую материю, собака слегка взвизгнула и дернулась.

— Ищи, Кирам, ищи! — Собака натянула поводок и опять встала в нерешительности. Проводник слегка подтолкнул ее рукой. — Вперед, Кирам, ищи, ищи!

Собака, нюхая землю, медленно шла вперед к лежащей впереди куче валежника. Изредка поднимая голову вверх, она, шумно втягивая воздух, принюхивалась. Автоматчики быстро разворотили кучу валежника. Начальник контрразведки поднял какой-то ящичек с толстыми стенками:

— Противоударный футляр от маленького радиопередатчика. В кармашке футляра обнаружили небольшую батарейку.

— Диверсант, по-видимому, очень нервничал, если с запасной батарейкой выбросил, — сказал офицер-фотограф.

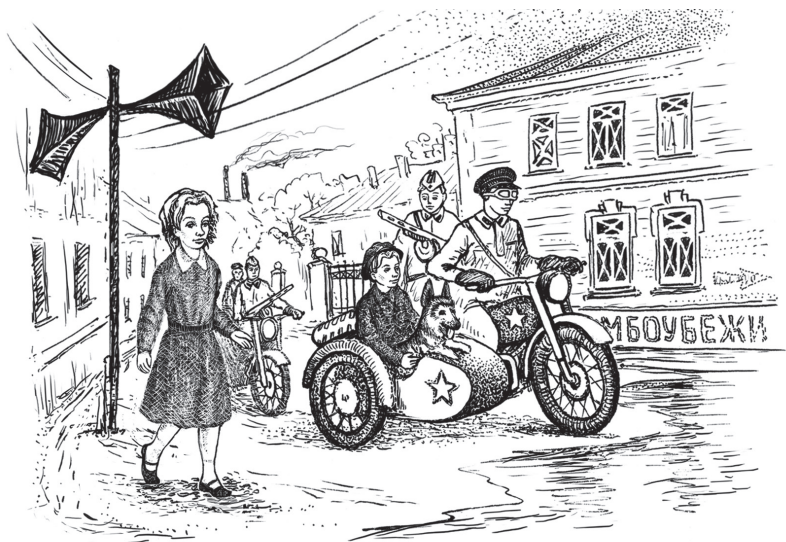
На голубом футляре виднелись кровавые отпечатки маленьких рук. В валежнике были найдены испачканные кровью обрывки бинта.

Кирам обошел кучу валежника и сильно потянул в сторону ручья. Нюхая вязкий ил, он зашел в воду и встал; потоптавшись на месте, поднял голову и заскулил. Следы диверсанта терялись. Офицер водил Кирама и вверх по ручью и вниз, но ни на том, ни на другом берегу следов не было.

— Не мог же он в ручье остаться, — сказал совсем молоденький солдат-мотоциклист.

— А он и не оставался. Шел прямо по ручью до озера и наверняка там, не ступая на сухую землю, ушел к городу, — произнес начальник контрразведки.

Автоматчики, обшарив лес, вернулись тоже ни с чем. След диверсанта, казалось, исчез навсегда.

В коляске рядом с огромной овчаркой сидел Петька

Через два часа отряд вернулся в город. Петьку на мотоцикле подвезли прямо к музею. Пожав ему руку, как взрослому, мотоциклист круто развернул свою машину и умчался. Подходя к каменному крыльцу музея, Петька удивился: на ступеньках сидели бабушка и Таня. Увидев мальчика, радостно заулыбались.

— Ну, слава богу, хоть ты-то пришел, — облегченно вздохнула Вера Ивановна. — Пойдем наверх, а то у нас здесь история непонятная случилась, и мы боимся.

В вахтерской комнатухе, дав Петьке кусочек хлеба и налив в кружку чаю, бабушка тихо сказала:

— У нас в музее кто-то чужой был.

— Когда?

— Замок на маленькой двери кто-то отомкнул, она была раскрыта настежь. Что похитили — непонятно. Здесь внизу мы посмотрели, вроде все на месте, а туда, — бабушка показала рукой на потолок, — подниматься с Танюшей забоялись. Вдруг он там. Ударит чем попало, много ли нам надо.

Петька взял с полки тяжелую бронзовую трость.

— Пойдемте, посмотрим.

Осторожно прошли по темному коридору в противоположный конец здания. Поднялись наверх. Осмотрели затемненный зал на втором этаже, но ничего не обнаружили. Все лежало на месте. Через узкую дверь в толстой стене прошли в низкую комнату, где на полках лежали черепа и кости ископаемых животных. В комнате было еще две двери, одна была замкнута на старый замок и никогда не открывалась, другая вела к узенькой лестнице в мансарду, где лежали кинжалы и стояла чугунная графская кровать. Вера Ивановна, тяжело переводя дыхание, сказала:

— Ты бы не лазил туда, Петька. Не дай бог, если там кто есть.

Но у Петьки уже давно прошла дрожь в коленках, и он молча стал подниматься по лестнице. Набрав воздуха, он прыгнул на последние ступени и залетел в комнатуху. Заметил: экспонаты на месте. Взглянул на противоположную стенку и здрогнул: на гвозде над кроватью не было сумки командира. Петька не поверил своим глазам. Может, упала. Может, вчера он ее небрежно повесил. Он посмотрел под графскую кровать и в ужасе откатнулся: открытый люк тайного

хода дышал прохладной темнотой. На чугунной крышке явно отпечаталась маленькая подошва. Вскрикнув, Петька подскочил к двери и кубарем скатился к ногам Тани и бабушки.

— Сумка исчезла! Командирская! Там следы! Надо срочно сообщить!

Все трое с опаской посмотрели на дверь под потолком и стали торопливо спускаться на первый этаж по запасной мраморной лестнице. Вера Ивановна расстроилась окончательно:

— Как я могла прокараулить. В ней же документы лежали ценные. По ним твой отец спрятанное командиром золото хотел найти.

— Бабушка, не волнуйся, документов там не было. Они у нас дома спрятаны.

Бабушка с Таней пошли домой, а Петька помчался к капитану Ладейщикову. Ключ от большой двери музея Ладейщиков взял себе. Петька бросился домой.

Открывая калитку, он вспомнил, что утром хотел посмотреть, кто это отпер дверь сарая, и кто там утром копошился. Бабушка с Таней по деревянному тротуару пошли к крыльцу, а Петька помчался к сараю. Подбежал и опешил: двери оказались закрыты так же, как и прежде. Оконные рамы без стекол кто-то поднял и поставил на место, а толстую нижнюю доску вновь придвинул к стене. Открыв дверь, Петька заглянул в сарай. Ничего подозрительного: разошедшаяся большая кадушка с упавшими обручами, отцовские особые клетки для ловли степных птичек, ящики с коллекциями — были не тронуты. Показалось. Конечно, утром спросонья показалось. Петька обвел глазами огромный пустой сарай и замер. На доске, лежащей у самого входа, отпечаталась маленькая подошва.

— Петь-ка! — в голос звали его Вера Ивановна и Таня.

Петька забежал в дом и не поверил своим глазам: все перевернуто вверх дном. Кто-то опрокинул этажерку с книгами, раскидал коллекции трав, сорвал карту и репродукции со стены. Пол разворотили. Совсем вырвали две крашенные доски. Кто-то, по-видимому, спускался в подполье. Старая большая печь, красиво обложенная плитками, тоже была разворочена. Вверху у самого потолка в ней пробили дыру. Вынутые сухие кирпичи валялись тут же на полу.

— Петенька, ты посмотри, в кухне-то что наделали: разбили шкаф и отцовские записи про зверей и птиц, и пакеты, которые он хранил пуще глаза, разорвали и свалили в одну кучу.

Петька побежал в кухню, перелез через лежащий на боку шкаф, подскочил к рукомойнику, засунул руку в медный бак: рука наткнулась на тугой сверток.

— Здесь! — вырвалось у него.

В проеме двери появилась Таня. Постукивая зубами, словно ее трясло от простуды, шепотом спросила:

— Петька, что «здесь»?

— Дневник командира!

Во дворе слышались тяжелые шаги и голос капитана Ладейщикова:

— Разрешите войти, хозяева!

Глава 5

Осматривая усадьбу Жмыхиных, следовательно, прибывший с Ладейщиковым, обнаружил небольшую ямку у задней стены сарая. Из нее, возможно, вынули какой-то четырехугольный предмет, что-то вроде маленького ящичка. В крапиве у забора Таня обнаружила цинковую коробку. Сверху коробка была почерневшая, а изнутри блестела через пробитую дыру, как зеркало. На боку был нарисован летящий Змей Горыныч с раскрытой пастью. Пустую коробку следовательно вложил в ямку. Коробка точно вошла в углубление. Подошел Ладейщиков.

— В вашей усадьбе, Вера Ивановна, по-видимому, были тайники, в которые для диверсантов кто-то несколько лет назад положил снаряжение и документы.

В кухне, коридоре и комнате военные осмотрели каждый предмет. Отодвинув в сторону оторванные доски, следовательно с пистолетом в руке спустился вниз, в подполье.

— Ух, какая темень, — донеслось оттуда.

Петька слышал, как следовательно там пошел куда-то, что-то задел где-то, вроде уж и не под домом, чем-то зашуршал и потом вдруг совсем затих. Петька, лежащий на полу, сначала видел тусклое пятно его фонарика, но потом, когда не стало слышно

шагов, фонарик как будто погас. Свесив голову вниз, в темную щель, Петька испуганно позвал:

— Дядя, а дядя!

Но из подполья никто не ответил. Слушая тишину, Петька уже хотел бежать во двор, звать на помощь капитана Ладейщикова, но услышал внизу шаги, увидел тусклый свет фонарика. Через минуту в просвете показался следователь. Он тяжело поднял на вытянутых руках что-то черное и большое.

— Мальчик, прими-ка!

Петька схватил перетянутый веревкой узел какой-то одежды и с трудом втащил его в комнату. Следователь, опершись худыми руками в доски пола, подтянулся и вылез. Сел на пол, опустил ноги в темное подполье и, еле переводя дыхание, сказал вошедшему Ладейщикову:

— По-видимому, он переоделся. Здесь целый склад одежды. Много старого оружия и ходы. Чуть в них не заблудился.

В сенях заскрипела дверь. Послышался кашель, и в комнату вошел начальник контрразведки с двумя незнакомыми Петьке офицерами.

— Вера Ивановна, вы не помните, где держал ваш сын документы, взятые из сумки командира? — спросил один из офицеров.

— Не знаю. Он мне только говорил, что после войны хочет организовать экспедицию из своих студентов и выехать к нам, в байкальскую тайгу. Рассказывал еще, что какую-то тайну разгадал, и теперь, мол, легко можно будет найти пещеру с драгоценностями, но я, простите, точно ничего не помню. Может, Петьку, внука моего позвать, он, наверное, знает.

— Не надо, Вера Ивановна. Пока не надо.

Офицеры, следователь и начальник контрразведки вновь спустились в подземелье. Громко переговариваясь, они уходили куда-то вдаль. Потом их голоса совсем затихли.

Петька складывал на кухне разбросанные книги и документы, когда услышал, что его зовет Таня. Он зашел в большую комнату и поразился: у окна лежала гора всякого оружия, слегка тронутая ржавчиной: винтовки, пистолеты, кинжалы, револьверы, карабины. У развороченной печки валялись кучи одежды, желтых ботинок и легких сапог. Такую обувь в гражданскую войну носили интервенты и белые офицеры.

В дальнем углу зала начальник контрразведки тихо, почти шепотом, объяснял Вере Ивановне сегодняшнее происшествие.

Ограбление музея, погром квартиры, поиски в сарае — это все сделано одним человеком, прыгнувшим накануне с фашистского самолета. Просмотрев архивные документы и сопоставив данные, сотрудники установили, что человек — известный органам убийца-рецидивист. Фамилия его Мулеков. Маленький, ловкий, с короткими руками и ногами, он за кордоном получил кличку Хорек. Одно из главных преступлений против Советской власти он совершил в гражданскую войну. Когда японцы оккупировали Дальний Восток, из Катусhevска таежными тропами ушел отряд. Командовал им комиссар Михаил Биль-Былинский. В отряде было много лошадей, груженных выюками со слитками золота, серебра, платины... После гражданской войны подсчитали, что секретный отряд Биль-Былинского вывез более трех тонн благородных металлов. Отряд был вооружен, люди проверены, но, как ни странно, ни в Иркутск, ни в Верхнеудинск, ни в какой другой поселок или город он не пришел. Отряд исчез бесследно в суровой сибирской тайге. Много лет страшная загадка волновала людей. Позже иркутская контрразведка установила, что проводник отряда жив и находится в Японии. Новая кличка — Хорек. Диверсант — уроженец Краснокардонска. Его дядя являлся владельцем дома, в котором жили теперь Жмыхины. В 1924 году дядя и племянник организовали убийство директора завода Ивана Железнова и скрылись.

Перед Великой Отечественной войной, когда Петька Жмыхин обнаружил сумку командира, кое-что прояснилось. По дневнику Биль-Былинского составили примерный маршрут, и шесть иркутских экспедиций почти одновременно ушли в тайгу на поиски спрятанных сокровищ. Но вернулись они ни с чем: шифровку Биль-Былинского разгадать не удалось. Лесник, на которого он ссылался в своем дневнике, погиб. Поиски сокровищ после всех неудачных попыток были прекращены. Таким образом, единственным обладателем тайны стал Хорек.

Его японских хозяев, а может, теперь и гитлеровских, золото, спрятанное комиссаром Биль-Былинским, по-видимому, снова забеспокоило. Не исключено, конечно, что Хорек послан с другим заданием, документами заинтересовался попутно. Есть предположение, что здесь, в Краснокардонске, он не задержится, потому что открыто оставил свои следы: парашют, поиски в музее, квартиру, сарай. Конечно, это может быть и отвлекающий маневр, но слишком уж рискованный. Несомненно, что в городе у него есть сообщники или были, ведь откуда-то он узнал, что сумка командира находится в музее.

На улице прогромыхал грузовик и остановился возле Петькиного дома.

— Вера Ивановна, когда вы собираетесь ехать в Сибирь? — громко спросил начальник контрразведки.

Бабушка тяжело вздохнула:

— Желание у нас хоть сегодня, да возможности... — она замаялась. — Какие нынче возможности?

— Мы вам поможем. Завтра к вечеру будьте готовы. За вами заедет наш шофер. Продуктов на дорогу дадим и на поезд посадим. Я сегодня разговаривал с Иркутском. Вас там встретят и помогут добраться до Байкала, до ваших Больших Котов.

В комнату вошли двое рабочих и, беря винтовки и карабины охапками, как березовые дрова, стали выносить их на улицу и складывать в кузов старого автомобиля. Уходя, один из офицеров сказал бабушке, что в Петькином доме до конца войны хорошо бы разместить штаб рабочей дружины.

— Что же вы меня спрашиваете, — ответила Вера Ивановна, — размещайте. Да и нам с Петькой в таком доме страшно было бы жить. Под домом вон обнаружилось целое подземелье, придут ночью бандиты, что я буду делать, как Петьку защищать?

Поздно вечером к Жмыхиным приехал на военном мотоцикле офицер и привез полную наволочку сухарей.

Таня с Петькой, укладывая рассыпанные Хорьком книги, с удовольствием вдыхали вкусный запах сушеного пшеничного хлеба. Петька взял подгоревшую маленькую корочку, подал ее Тане.

— Ешь.

— Нельзя, Петька. — Таня положила корочку обратно. — Без бабушкиного разрешения нельзя, а то нам на дорогу не хватит. — Таня вздохнула. — До Сибири ехать, Петька, теперь придется долго.

В последнюю ночь в Краснокардонске Петьке спалось плохо. Сначала думалось, что мешает сирена, но потом, когда она затихла, Петька все равно не мог заснуть. Ему стало казаться, что под домом кто-то ходит, оставляя на досках маленькие следы ног и отпечатки ладошек, запачканных кровью.

«Хорек — кровожадный и коварный зверь, поэтому и бандита так называли. Весь отряд загубил, на золото позарился. Комиссара убил, негодяй. Попадись он мне! — засыпая, думал Петька. — Расправлюсь я с ним по-своему».

Петьке снилась байкальская тайга, бесконечные цепи гор и пещера на головокружительной высоте, куда командир Биль-Былинский перед гибелью умудрился спрятать золото. Снились танки. Приземистые и грозные, построенные на золото, которое обнаружил он, пионер Петька Жмыхин. И опять снился Мулеков, похожий на Хорька. Он ехидно улыбался и тянулся окровавленными руками к Петькиной тонкой шее. Петька в страхе просыпался, но, пощупав под подушкой тугой сверток с документами Биль-Былинского, успокаивался и снова затихал.

— Петька! Вставай же, Петька!

Мальчик открыл глаза, непонимающе посмотрел на Таню.

— Ты заболел, что ли?

— Я никогда не болею. Просто во сне видел...

Таня грустно улыбнулась.

— Дед Андрей меня похвалил за то, что я с вами еду. Привет, говорит, передай сибирякам, смело они бьют фашистов.

Бабушка пришла через час и удивилась: в квартире было хорошо и чисто, а возле порога стояли три маленьких узелка с вещами: бабушкин, Танин и Петькин. В каждом узелке лежало по десять сухарей.

— На всякий случай так делается, — говорила бабушка, — если в ночной суматохе кто из нас потеряется, так хоть с голоду не пропадет.

Потом они обошли всю усадьбу: закрыли колодец тяжелой, белой от дождей деревянной крышкой, забили ржавыми гвоздями дверь в сарай, подперли ворота длинной железякой, чтобы не упали осенью от сильного ветра. А вскоре приехал военный шофер на старой машине со скрипучим кузовом.

— Сейчас грузить будем. Где ваши вещи?

Тяжело роняя слова, бабушка сказала:

— Сыночек, ведь война идет! Какие могут быть вещи?

Молоденький шофер, поняв свою оплошность, смутился.

Глава 6

На вокзале, у железных ворот с красной звездой на перекладине, машину задержал солдат с автоматом в руках. Он долго проверял документы у молоденького шофера, а, возвращая их, устало сказал:

— К железнодорожному полотну идите, пешком, на машине нельзя.

Бабушка, Таня и Петька, взяв из кузова свои узелки, прошли к рельсам. Справа, где заводской двор примыкал к вокзалу, грузили на платформы военную технику. Подъемный кран осторожно поднимал пушки с длинными стволами, рабочие легко их разворачивали в воздухе, сигналили флажком крановщику, и он мягко ставил пушки на платформу. Для маскировки боевую технику закрывали пятнистыми огромными брезентами.

Послышался шум поезда, старое, изуродованное осколками кирпичное здание вокзала задребезжало лопнувшими стеклами. Полным ходом станцию проходил тяжеловесный состав. От напора воздуха углы брезента на платформах кое-где поднимались, трепетали, оголяя рубчатые гусеницы тяжелых танков.

— Из Сибири прет, — прокричал шофер на ухо Петьке.

А через минуту тихо, без шума к вокзалу подошел санитарный поезд. Почти на каждом вагоне был нарисован огромный красный крест. Петька знал, что такие же кресты есть и на крышах вагонов, чтобы видели все летчики. По международному положению никто не имел права причинять вред такому поезду. Это было законом для всех людей на земле. Для всех, кроме фа-

шистов. Они бомбили беспомощные поезда. Глубокие шрамы от осколков виднелись по бокам всех вагонов.

Таня, бабушка и Петька ждали, когда из вагонов вынесут тяжелораненых, забинтованных с головы до ног. Петька со страхом подумал, что это выносят мертвых, потому что никто из них не стонал. Но, подойдя ближе к носилкам, которые стояли на асфальте, увидел, как из-под кровавых бинтов на него глянули немножко грустные от боли, но живые карие глаза.

В дверях одного из вагонов показалась высокая седая женщина в белом халате — начальник санитарного поезда. Бабушка подала ей записку. Она прочитала и всех троих пригласила в вагон.

— Мы поместим вас в нашем маленьком медицинском складе. В вагонах, к сожалению, все заставлено носилками.

В тамбуре она обняла Таню и спросила ласково:

— Вы с братом умеете петь или стихи рассказывать?

— Умеем.

Бабушке начальник поезда пояснила:

— У нас целый вагон раненых детей, с ними надо поговорить, развеселить их, чтобы не думали о своем горе.

— Понятно, доченька, понятно. — Бабушка положила узелок на пол, о чем-то подумала, поправила руками волосы: — А я разве не сгожусь? В гражданскую мы по окопам ходили: агитировали, песни пели. Детишкам я могу сказку рассказать, Таня споет, Петька стихи наизусть знает, в школе в самодеятельности участвовал.

Петька, бабушка и Таня прошли в маленькую кладовочку в конце вагона. Когда поезд, дав короткий гудок, мягко тронулся с места, к ним через узенькую дверку протиснулся солдат в белом халате, с перевязанной рукой. Он поставил на пол большой алюминиевый чайник с кипятком, на столик положил три ломтика хлеба и три кусочка сахара. И пояснил:

— К обеду вы опоздали, а на ужин мы вас зачислим. — Он подмигнул Петьке: — Так что кашу вечером будем есть вместе.

Вера Ивановна виновато посмотрела на солдата.

— Мы и так принесли много хлопот, а вы еще и питание от себя отрываете, разве так можно?

Солдат улыбнулся:

— Можно, мамаша, обязательно можно.

Выпив чаю, бабушка прилегла на деревянном диванчике, а Петька, глядя на плывущие за окном обгорелые трубы и печи, на исковерканные снарядами деревья, шепотом говорил Тане:

— Командира Биль-Былинского убил Мулеков, но драгоценности найти не мог никто.

— А сам Мулеков искал?

— Я не знаю, но, наверно, не искал, документы он спрятал и ждал, когда белые победят, чтобы спокойно взять золото. А когда беяков разбили, он удрал за границу.

Таня приблизила лицо к глазам мальчика.

— Петька! — зашептала она. — Я поняла, почему ты согласился ехать с бабушкой на Байкал. — Девочка оглянулась по сторонам: — Ты хочешь найти спрятанные сокровища! Да, Петька? Ну, скажи, о чем ты думаешь?

— Таня, а ты пойдешь со мной искать пещеру Биль-Былинского?

— Пойду, Петька. А если найдем, отдадим в фонд обороны. — Таня в волнении пересела с места на место. — Петька, а ты знаешь, где искать?

— Не знаю. У меня есть только дневник командира, — Петька ударил ладошкой по животу. — Под рубахой спрятан. Приедем на Байкал, дам прочитать, карту составим, а сейчас нельзя.

Вечером Вера Ивановна, Таня и Петька, надев белые халаты, пошли в детский вагон. Петька шел, высоко поднимая ноги, стараясь не наступать на полы длинного халата.

В вагоне почти на всех носилках лежали по две девочки. Многие из них не могли приподняться, чтобы посмотреть на гостей, и Вера Ивановна, Петька и Таня прошли по рядам носилок. Вера Ивановна спросила девочку с перевязанной ногой, как ее зовут. Девочка быстро и четко ответила:

— Светлана Снежникова, семь лет, Ленинград, улица Арсенальская девятнадцать, квартира тридцать девять.

Бабушка улыбнулась и погладила Светлану по голове.

— А мы жили в Краснокардонске, а сейчас едем в Сибирь, на Байкал.

Девочки стали называть свои города: Брест, Орел, Смоленск, Сталинград...

Вера Ивановна опустила на край носилок.

— Слушайте, внученьки, я расскажу вам сказку о русском богатыре Илье Муромце, который победил проклятого Соловья-разбойника.

В вагоне сразу же наступила тишина, и бабушка под стук колес стала рассказывать певучим голосом любимую Петькину сказку. Вначале Вера Ивановна называла Соловья разбойником, потом как бы невзначай окрестила фашистом, а под конец сказки величала проклятым Адольфом Гитлером.

— Илья Муромец, — сказала бабушка, — разбил племя фашистов, потому что ему помогал весь народ.

Девочки захлопали в ладоши и наперебой стали дополнять бабушкину сказку.

Когда Вера Ивановна, Петька и Таня зашли к себе, то на столике уже стояли три алюминиевых котелка с вкусной овсяной кашей. Поужинав, легли спать. Бабушка с Таней уместились на деревянном диванчике, а Петька лег на ящики, которые стояли у фанерной перегородки. За окном была жуткая темень. Вагон покачивало. Тук-тук, тук-тук, словно сердце, постукивали колеса. Петьке не спалось. Он слышал, как за фанерной перегородкой тяжело бредил, потеряв сознание, молодой танкист. То он командовал боем, то звал свою маму.

— Петька, а Петька, ты почему не спишь? — зашептала снизу Таня.

Он не ответил, потому что по щекам у него уже текли слезы.

— Ты Петька, не расстраивайся. Найдем золото и отдадим его на танки, ты же сам говорил. И танкисты отомстят, Петька, за всех убитых и раненых. Как приедем в Большие Коты, так сразу и пойдем искать. Вдвоем пойдем. Я теперь никого бояться не буду. Ты не волнуйся, Петька, и спи, наши все равно победят.

Петька от Таниных слов успокоился и затих.

...На четвертый день, когда поезд остановился в каком-то большом городе, детский вагон разгрузили и всех девочек повезли в госпиталь. Адрес госпиталя Тане и Петьке дала меди-

цинская сестра, и они пообещали написать девочкам письмо из Больших Котов.

За эти дни Петька познакомился с тяжелораненым танкистом. Лейтенанту шел двадцатый год. Он диктовал Петьке письма домой. Сообщал, что скоро выздоровеет и снова поедет бить фашистов, только жалел, что его танк подбили. Когда офицер кончал диктовать, Петька складывал листок треугольником и старательно выводил адрес. Потом осторожно раздвигал бинты на лице лейтенанта и показывал письмо. Танкист смотрел, точно ли написан адрес, и устало закрывал глаза: «Можно сбрасывать».

Набрав по вагону целую пачку писем, Петька на ближайшей остановке бежал на вокзал к почтовому ящику. Таня с бабушкой всегда боялись, что Петька не успеет прибежать обратно и поезд тронется и уйдет без него. Но Петька носился по рельсам как угорелый и всегда прибегал вовремя.

В Иркутск санитарный поезд прибыл рано утром. Его отвели на запасной путь и стали выносить раненых. Петька, бабушка и Таня, попрощавшись с врачами, пошли к зданию вокзала. Они уже перешли все рельсы, когда их нагнал старик-милиционер.

— Вы из Краснокардонска будете? На литерном? Мне приказано о вас позаботиться.

Милиционер завел их в свою комнату на вокзале, посадил на скамейку и велел подождать.

— Вы сможете в кабине грузовика доехать до Листвянки? — спросил он Веру Ивановну.

Петька знал, что поселок Листвянка находится на самом берегу Байкала. Там кончается дорога, идущая из Иркутска, а дальше в Большие Коты нужно плыть на лодке.

Бабушка твердо ответила:

— Доеду. Потихоньку доеду. Вы не смотрите на мой возраст, я еще очень крепкая.

Старый милиционер с сомнением посмотрел на худую бабушкину фигуру.

— Мы бы вас отправили поездом до станции Байкал, а там лодкой. Но ждать вам пришлось бы целые сутки, а так к вечеру доберетесь.

Милиционер вышел. Петька с Таней рассматривали на стене большой плакат. На нем был нарисован токарный станок, на котором мальчик вытачивал снаряды, рядом худой старик готовил гранаты, а бабушка вязала теплые носки при свете керосиновой лампы. Под плакатом стояла подпись: «Все для фронта, все для победы!»

Глава 7

Бабушка села в кабину. Шофер закрыл за ней старую фанерную дверку, обошел машину вокруг. Ударяя ногой по колесам, проверил, хорошо ли накачены баллоны. Заглянул в кузов.

— Девочка, садись в кабину, вдвоем с бабушкой уместитесь.

Оставшись один, Петька залез в ящик с соломой и удобно там устроился. Наконец заурчал мотор, и машина покатила по булыжной мостовой. Бочки в кузове запрыгали, и Петька испугался, что они могут его придавить. Но они, прыгая, с места не сдвигались, потому что были накрепко привязаны проволокой.

Петька стал рассматривать Иркутск. Дома почти все деревянные, но аккуратные. Солнце еще только взошло, а трубы заводов уже дымили. Вспомнив про Валеркино письмо, Петька с завистью посмотрел на удаляющиеся заводы.

Лежа в ящике, на соломе, Петька смотрел на плывущие с левой стороны высокие горы, на столбики с черными цифрами, на летящих куда-то белых чаек.

О том, что Петька собирается искать пещеру, бабушка догадалась и то ли в шутку, то ли всерьез обещала познакомить внука со стариком Торбеевым, знаменитым на Байкале таежником. Петька думал, что сначала нужно внимательно прочитать дневник, посоветоваться с Торбеевым и попытаться разгадать шифр Биль-Былинского. А пойдут они втроем, он, Таня и еще кто-нибудь. Хорошо бы, согласился неизвестный Петьке Тимка Булахов, который, как говорит бабушка, пустым из тайги никогда не возвращался.

Петька размышлял и не заметил, что машина давно уже стоит.

— Эй, ты живой там или заснул на мягкой соломе?

Петька вскочил, взглянул поверх кабины и зажмурил глаза. Впереди до самого горизонта была вода. Она играла солнечными бликами так, что веки закрывались сами, словно на поверхности качались тысячи маленьких зеркал. Прямо в воду смотрелись высокие неприступные скалы.

— Вот вам и священный Байкал! — торжественно произнес шофер.

Пожелав всем доброго здоровья, он залез в кабину. Сильнее заручал мотор, и грузовик въехал в ворота, над которыми было написано: «судоверфь».

Таню и Петьку бабушка оставила на берегу, а сама пошла в сельсовет договориться о попутной лодке. Взяв узелки в руки, ребята подошли к решетчатым воротам судоверфи. Старик с ружьем, сидящий на толстом бревне, взглянул на них добродушно и ни слова не сказал. Петька удивился, что ни одного корабля на судоверфи не было. Правда, в дальнем углу, где забор примыкал к высоким скалам, на стапелях стоял остов огромного судна. Но его тоже не строили, потому что возле него было пустынно и чисто, а брусья и доски каркаса давно почернели от дождей.

— Петька, а где наша машина?

Петька посмотрел по сторонам. Машины на территории не было, она как будто сквозь землю провалилась.

— Ну и судоверфь! — покачала головой Таня. — Ничего нет, а часовой караулит. Чудно мне, Петька. И машина куда-то исчезла.

Ребята тогда не знали, что судоверфь выполняла секретный заказ: изготавливала противотанковые мины в деревянном корпусе. Такую мину, спрятанную в земле или в траве, невозможно обнаружить. Пройдут фашистские саперы и ничего не обнаружат своими приборами. Поползут фашистские танки — мины взрываются и летят танки и всякие машины, разбитые на куски. Секретный цех на судоверфи был сделан под скалами, в глубоком ущелье.

— Вы откуда, малыцы? — спросил, наконец, дед. — Поди, из Иркутска?

— Мы, дедушка, из Краснокардонска, — ответил Таня.

— Ого! Из центра самого. Фронт, значит, видели! — Он поставил ружье на землю между колен, оперся на него руками и сказал печально: — У меня два сына под Москвой погибли.

Просился я на фронт — отплатить за них, не взяли, стар.

Дед посмотрел вдаль, на сверкающую воду Байкала:

— Знаю, что погибли, а все равно почтальона жду.

Дед увидел идущую по переулку Веру Ивановну.

— Ваша бабушка? — Он всмотрелся из-под лохматых седых бровей: — Постой, постой. Дак это же Вера Ивановна. Как же я ее не признал. А вы ее внучата?

— Да, внучата, — сказал быстро Петька.

— Вот те на, не признал, — сокрушался дед. — Ну, Вера Ивановна, богатая вскорости будешь! — Дед встал, подал шершавую руку бабушке.

— Здравствуй, Пантелей. Почему же я буду богатая?

— Не признал я тебя, как с машины-то выходили. Да где и признать, лет восемь, почитай, я тебя не видел. То ты в экспедиции, то вот, мне дед Торбеев сказывал, на запад укатила. Сейчас-то к себе в Коты едешь?

— В Коты, Пантелей, внучат везу. — Бабушка увидела выходящую из-за поворота лодку. — Пока, Пантелеймон, прощай, к лодке тороплюсь, обещали в сельсовете до Котов добросить.

Дед махнул рукой.

— Прощай, Вера Ивановна, не уедешь, дак заходите ко мне пообедать. Хлеба нынче нет, но грибы, ягоды найдутся, да и рыбой угощу.

— Спасибо, большое спасибо, но мы торопимся.

С высоченной кручи все трое спустились к воде. Дед Пантелеймон замкнул ворота на замок и тоже спустился к берегу.

— Привет там Торбееву передайте! Ты слыхала, Вера Ивановна, с ним нехороший случай случился. Не знаю, правду здесь говорят или нет, но будто приходил к нему разбойник. Угостил будто его водкой и стал требовать, чтобы тот составил ему карту, от Синей Стрелки до Волчьего коридора. Торбеев спросил зачем, а тот — не твое, мол, дело. Торбеев то ли вправду, то ли понарошку ответил, что он все забыл, помнит только, что до Волчьего коридора сорок шесть хребтов надо перейти, а в какую сторону, хоть убей, не помнит. Ночной-то разбойник стал деда страшить: «Ты, мол, не ври, я маршрут знаю, но не весь, карту мол, посеял и документы. Доведешь до Волчьего коридора, рассчитаюсь потом золотом, нет — убью сейчас

же». Стал бандит цапать Торбеева за рубаху, а потом и за горло: «Рисуй, мол карту или показывай сам». Дед отказался и хотел схватить полено, но бандит полоснул его несколько раз ножом и скрылся в тайге. Лежит теперь Тарбеев весь перевязанный, того и гляди, помрет.

— Беда-то какая! — воскликнула бабушка. Петька и Таня многозначительно посмотрели друг на друга.

Пантелеймон увидел подходивший к воротам грузовик, поспешил наверх.

— Ну, прощайте, земляки!

Подошла лодка. На ее борту белой краской было написано: «райвоенкомат». Бабушку и ребят моторист усадил посередине лодки, подал им большой кусок брезента.

— Накрывайтесь, сейчас в море выйдем, холодно станет.

Затарахтел мотор, эхом ответили ему высокие скалы. Если честно признаться, Петька с Таней немного трусили. На лодке, да еще по такому коварному морю, они никогда не плавали. Таня осторожно повернула голову, посмотрела за борт: байкальская вода просвечивала насквозь. Глубина была огромная, но через воду все равно просматривалось скалистое дно, какие-то темные ущелья и странные кусты, похожие на человеческие руки с длинными круглыми пальцами. Таня судорожно вцепилась в край скамейки. Моторист заметил Танин испуг.

— Вода у нас беда какая светлая, туда смотреть не надо. Вперед смотреть надо.

Лодка шла быстро. Встречным ветром прижимало к телу твердый брезент. Иногда в лицо летели мелкие холодные брызги. На волосах у Петьки они блестели, как крупные капли росы. Слева огромными уступами уходили в небо горы. На самом краешке скалы, почти в облаках, небольшой серый камень как будто пошевелился. Петька стал вглядываться еще пристальней и, когда лодка подошла близко к скале, понял что это дикая коза. Он хотел показать ее Тане, но увидел, что прижавшись к бабушке, она спит. Моторист козу тоже заметил.

— Все зовут ее коза да коза, и я так ее звал. А потом, когда в Иркутске учился, в пушном техникуме, узнал, что кабарга и не коза вовсе, а, однохо, олень. Самый настоящий олень, только маленький.

Петька еще раз посмотрел вверх: кабарга стояла на крохотном зубчике скалы и внимательно рассматривала проходившую вниз лодку.

— Ты не смотри по сторонам, — сказала бабушка, — с непривычки укачает еще.

Вдруг стали появляться большие волны, и лодку начало бросать из стороны в сторону. То она взбиралась на волну, как на гору, то с водяного холма стрелой скользила вниз. Летели брызги и пена. Лодку опускало и поднимало, а Петьке казалось уже, что это берег то поднимается, то плавно опускается.

— Держись, парень! Сейчас дома будем! Байкал мало-мало разгулялся — это ничего! — прокричал Петьке моторист.

Скалы на берегу вдруг расступились, как в сказке, и между ним оказался поселок. Петька насчитал двенадцать маленьких домиков. Ближе к берегу волны стали круче и злее, но с каждой волной лодка все ближе и ближе подлетала к золотистой песчаной косе.

— Выходить быстро надо, — сказал моторист, — я поплыву дальше, до вечера в Голоустной надо быть.

Таня спросонья удивленно смотрела на залитый солнцем поселок и на мальчишек, сидящих на высоком старом маяке. Наконец, лодка, брошенная волной, ткнулась в берег, зашуршала днищем по песку. Петька подхватил два узелка и пощупал сверток за пазухой, выпрыгнул на берег и сразу отскочил, потому что набегавшая волна чуть не окатила ему ноги. Спрыгнула и Таня с бабушкиным узелком. Вера Ивановна поднялась тяжело, моторист помог ей сойти на берег. Большая волна стянула лодку в воду. Затарахтел мотор, и моторист, помахав всем старой кепкой, направил лодку в море.

Мальчишки спрыгнули со ступенек старого маяка.

— Здравствуйте! С приездом! — почти хором сказали они.

Вера Ивановна улыбнулась:

— Здравствуйте, мальчики. Вот мои внучата — Таня и Петя. Вы с ними будете дружить?

— Будем, — ответили ребята.

Через полчаса Таня, Петька и бабушка крепко спали в своем домике, напившись козьего молока, которое принесла им соседка тетя Нюша.

Глава 8

На другое утро, проснувшись раньше всех, Петька, прежде всего, подошел к печурке и, запустив в нее руку, проверил сверток. Все в порядке, он заткнул печурку сухой тряпочкой, потянулся, сладко зевнул и вышел на крыльцо. Поселок еще спал. Где-то рядом в лесу куковала кукушка. Байкал был совершенно спокоен. От утренней зари вода его казалась слегка розоватой. К такой тишине Петька еще не привык. Ему все казалось, что вот-вот завоюют сирены, задрожат стекла, тяжело застучат пулеметы. Но ничего такого не было. Мягко шуршал под ногами песок, когда Петька обходил вокруг бабушкин домик, спокойно и грустно куковала невидимая в лесу птица.

Первым делом Петька решил осмотреть чердак дома и разыскать там старинные карты прибайкальской тайги, о которых рассказывала бабушка. Очень давно в доме Веры Ивановны жил лесник Потапов. О нем в своем дневнике упоминает командир Биль-Былинский. Петька навсегда запомнил его строчки: «Координаты шифрую, боюсь, что перехватит предатель, который, я теперь точно знаю, есть в нашем отряде. Расшифровать поможет лесник Потапов. Я пользуюсь его методом, составляя маршрут».

Петька подошел к дровянику, осторожно, боясь скрипнуть дверью, вытащил оттуда две сосновые чурки и поставил их к стене дома одна на другую. Придерживаясь рукой за острые обросшие мхом бревна, стал подниматься. Легко подтянувшись на руках, он головой оттолкнул маленькую узкую дверку и проник на чердак. Встав на перекрытие, обернулся и с высоты дома посмотрел на Байкал. Бесконечно вдаль уходила блестящая вода, и нескончаемо тянулись горы. На вершинах некоторых гор, высоко за облаками, лежал искристый снег. Налюбовавшись, Петька приступил к поискам потаповских карт. Старик Потапов еще до революции сочувствовал большевикам и помогал им совершать побеги с царской каторги. Когда колчаковцы пришли в Сибирь, лесник отказался вести карательный отряд через тайгу в поселок Тутура, и его тут же, на берегу, расстреляли. А Биль-Былинский, ничего не зная об этих событиях, в дневнике просил обращаться за расшифровкой к Потапову.

Незадолго до войны бабушка, обмазывая на чердаке трубу глиной, случайно в старой козьей шкуре нашла потаповские карты. Разгадав их, можно было расшифровать и записи в дневнике. Вера Ивановна возила карты в Листвянку, в сельсовет, но там какие-то новые работники, не знавшие даже об отряде Биль-Былинского, взглянув на карты, сказали, что они слишком старые и выполнены технически безграмотно. Ни севера, ни юга не указано. Вместо названий речек стояли только цифры от единицы до двадцати двух и после каждой цифры (это бабушка запомнила) стояли странные буквы: сз, слщ, сл. Карты бабушке вернули обратно. Тогда Вера Ивановна, коротко рассказав суть дела, попросила карты свозить в Иркутск, но председатель сельсовета ответил: «Не такое сейчас время, чтобы легендами заниматься». Вернувшись в Большие Коты, бабушка снова завернула карты в шкуру и положила на чердак. И забыла. И только в санитарном поезде вспомнила о них и рассказала Петьке и Тане.

В дальнем углу чердака Петька заметил ветвистые рога и отшатнулся, потому что белый череп изюбра неприятно смотрел на него пустыми глазницами. Оттащив рога в сторону, Петька обшарил темный угол, но ничего не нашел. В одном месте он нащупал какую-то мягкую вещь, вытащил из опилок, которыми было засыпано перекрытие, подошел к двери и рассмотрел на свету. Это была старая папаха с пробитой в самом центре красной ленточкой. Петька положил папаху возле выхода. Он шарил в карнизах, шарил между досками перекрытия, шарил через щель за наличниками окон — ни шкуры, ни карт не было.

— Петька, что ты ни свет, ни заря туда залез, известка с потолка сыплется, — раздался снизу голос Веры Ивановны.

— Бабушка, — почему-то шепотом сказал Петька, — здесь ничего нет, я все обыскал.

— Плохо, значит, искал. В левом переднем углу, под дощечками, надо было искать. Эх ты, Петька, Петька! Слазь-ка. Сходим, приведем козу, подоим ее, а потом с Танюшкой найдете. Много лет лежали, два часа полежат, никуда не денутся.

Петька слез и подошел к Тане.

— Знаешь, мне показалось, что там кто-то уже шарился. Дощечки, про которые говорила бабушка, разбросаны. В опил-

ках тоже ничего нет, я руками прощупал их по всему чердаку. Папаху старую нашел, а карт нету.

— Не переживай, Петька. Сейчас сходим за козой и вместе поищем. Может, бабушка забыла, куда их спрятала.

И они пошли к Подметкиным.

Коза Майка принадлежала Жмыхиным, но когда Вера Ивановна поехала в Краснокардонск, то попросила посмотреть за ней Агриппину Подметкину, заплатив ей деньги.

— Узнает Майка меня или нет? — рассуждала вслух бабушка. — Почти два года мы с ней не виделись.

Подметкины жили сразу в двух домах. Особняки стояли в лесу, у самых скал. В одном доме жили старики, а в другом Шурка Подметкин и его родители.

Вера Ивановна рассказывала, что раньше, до революции, Подметкины были богачами. У рыбаков скупали рыбу, у охотников — ценные шкурки соболей и горностаев. Пушнину продавали за границу. У них была даже своя фактория, но перед революцией старый Подметкин все продал, бумажные деньги обменял на золото и удрал за границу. Шуркины дедушка и бабушка, как говорил сам Шурка Подметкин, остались здесь, на Байкале, совсем нищими. Шурке не верили. В поселке знали, что «у Подметкиных зимой снега не всегда выпросишь».

Бабушку Шуркины родители встретили очень приветливо, пригласили в дом, но, заметив в руке веревочку, сразу стали другими.

— Сколь хлопот с косой было, не тай, коспоти, — запритаила Шуркина бабушка, — намучились мы с ней! Ат, сущий ат. — Она посмотрела в угол на икону: — Не тай, коспоти.

Вера Ивановна встала с табуретки.

— Молоко она вам давала. Козленочка вам принесла. За уход я вам заплатила, так на что же вы жалуетесь, Агриппина Федоровна?

Лицо Агриппины Федоровны совсем сморщилось.

— Ты пы, Вера, топавила еще руплей тватдать пять али хотя пы тесять.

— Сейчас у меня, Агриппина Федоровна, денег нет. Потом дам двадцать пять руплей, но козленочка заберу.

Шуркина бабка испугалась.

— Что ты, матушка? Ты итак много тала, не нато польше ничего, окромя косленочка, все-таки память будет о Майке. Молоко у ней, ну просто сливки, с нашими косами ни в какой счет не итет. Спасипо тепе, соступница!

Через калитку коза выбежала сама, но потом заупрямилась. Бабушка шла сзади, помахивая тонким прутиком, а Петька с Таней тянули козу за веревочку. Майка идти не хотела и упиралась копытцами в землю. Тогда на помощь приходил Шурка Подметкин и, бесконечно шмыгая носом, толкал козу сзади плечом. Когда Майку втолкнули, наконец, во дворик, Шурка, стоя у калитки, спросил:

— Петька, можно я с вами буду дружить?

— Можно.

— Я приду в таком разе сегодня, — Шурка галопом помчался к берегу Байкала.

Вера Ивановна вышла с небольшой кастрюлькой доить Майку. Она подвела ее к стенке дровяника, набросила на рога ременную петлю, которая много лет назад была прибита к столбику. Коза не сопротивлялась. Но стоило бабушке присесть возле нее, как она стала бить острыми копытцами в землю и мотать головой. Ласково называя ее Маечкой, бабушка попробовала доить, но только первые струйки ударили по дну кастрюли, как Майка подпрыгнула, словно угорелая, и ногой перевернула кастрюлю.

— Она боится вас, — сказала бабушка, — зайдите в избу.

Петька с Таней быстро спрятались за дверь. Коза повторяла свои дикие прыжки несколько раз, и кастрюля, звеня о камушки, катилась к крыльцу.

Бабушка позвала на помощь. Петька стал держать Майку за одну заднюю ногу, Таня — за другую. Передними ногами коза до кастрюли не доставала, и Вера Ивановна доила спокойно. Полную кастрюлю теплого молока бабушка отнесла в избу и сказала, что козу отвязывать пока не будем, пусть привыкнет к новому жилью.

Вскоре пришла тетя Нюша и еще две женщины. Одна из них принесла в кастрюльке несколько кусков жирной вареной рыбы. Рассмотрев Петьку и Таню, женщины стали разговаривать о войне.

Петька незаметно выскользнул за дверь, подождал Таню. Продвигаясь на цыпочках, чтобы не услышали гости, они снова обшарили весь чердак — старинных карт лесника Потапова не было. У Петьки ноги ослабели от волнения. Он уже хотел спускаться вниз, когда Таня вытащила из-под опилок у самой двери клубок спутанных бинтов, испачканных засохшей кровью. Таня испуганно отбросила бинты в сторону. Петька вполголоса произнес:

— Бинты Мулекова, карты унес он.

Ребята быстро спустились на землю.

— Эй, вы! — За калиткой стоял их новый знакомый Шурка Подметкин. С ним были двое мальчиков и смуглолицая девочка с узкими черными глазами: — Пойдемте с нами рыбу ловить.

Петька от расстройства ничего не ответил, а Таня подошла к самой калитке:

— У нас нет удочек.

Черноглазая девочка улыбнулась:

— У нас тоже нет удочек. Крючков и жилок нынче не продают. Мы ловим мордами.

— Чем, чем?

Шурка Подметкин пояснил:

— Мордами ловим, корзины такие из прутьев. Мой отец умеет делать, — добавил он, хвастаясь.

— Мой папа тоже умел плести, — сказала смуглая девочка, — только он нынче на фронте.

Худенький мальчик подошел к Петьке:

— Меня звать Тимка Булахов. Моя мамка у вас сидит, рыбу принесла.

Девочку с черными узкими глазами звали Люба Тороева. Тане и Петьке она понравилась. Таня пошла в избу, отпроситься у бабушки на речку. Мать Тимки Булахова сказала:

— Пушай сходят, Вера Ивановна. Мой их в обиду не даст, с ним не заблудятся.

Таня смутилась, потому что женщины внимательно на нее смотрели, а когда она в сенях брала Петькин компас и нож, то услышала, как тетя Нюша тихо сказала:

— Славная девочка.

А Тимкина мать добавила:

— В случае чего, Вера Ивановна, рассчитывай на нас, ребенку пропасть не дадим.

Таня быстро вышла на улицу. Компас и нож Петька положил в свои бездонные карманы и спросил Таню:

— Молоко пила?

— Нет.

Петька вошел в избу, налил полную кружку молока и вынес.

— Пей.

Место, где рыбачили ребята, оказалось далеко в тайге. Долго они шли по широкому распадку, потом таежная тропа вывела их к небольшому лесному озеру. Оно было мутное, потому что в него впадало сразу два ручья, вытекала широкая, но мелкая речушка. Вода в ней едва покрывала большие валуны. Речка так грохотала камнями, что ее, как сказал Тимка Булахов, прозвали Большая Шумиха. Сверху по воде плыла клочками пена.

Рыболовные морды были похожи на круглые, плетенные из тонких прутьев корзины. Отверстие в корзине закрывалось дверкой, похожей на воронку, с дырой посередине. В эту дыру, объяснил Шурка Подметкин, заходит рыба, а обратно выйти не может и попадаетеся.

Тимка, Шурка и Люба Тороева, взяв длинные палки, полезли в воду искать морды, которые они поставили еще вчера, а Петька с Таней под самой скалой разводили костер, как велел Тимка. Раздирая на кусочки бересту, Таня тихо спросила:

— Петька, мы же все равно пойдем искать пещеру, да?

— Обязательно пойдем, Таня, и позовем с собой Тимку и Шурку Подметкина. Любу не возьмем, она еще маленькая.

— А если они не пойдут?

— Пойдем с тобой вдвоем.

— Эй, помогите нам!

Ребята подняли со дна огромную морду, но вытащить из воды не могли — скользкая, она вырывалась из рук. Петька на бегу засучил штаны и по камням бросился на помощь. Вчетвером они едва-едва вытащили тяжелую морду на камни. Из всех щелок текла вода, а внутри тяжело билась рыба. Вторая морда стояла почти у самого берега и оказалась пустой, если не считать двух маленьких налимчиков. Рыбу Тимка вывалил на берег,

осмотрел ловушки, поправил их и, положив приманку, опустил снова в воду у самых коряг.

— Завтра, если ветра не будет, налимь попадутся, — улыбнувшись Тане, сказал он.

Больших рыбин Тимка раздал ребятам, каждому по две штуки.

— А мелких слопаем сейчас.

Маленьким складным ножичком Тимка с Любой стали чистить рыбу. Ножичек был совсем тупой, и Петька достал из кармана свой трофейный.

— Ого, какой ножище! — воскликнул Шурка. — Твой?

— Мой, в сбитом немецком самолете нашел. У меня еще одна штука есть, — и Петька показал им компас, снятый с фашистского бомбардировщика.

Рассматривая Петькины трофеи, ребята спрашивали о войне, о танках, о фашистах.

— Собраться бы всем мальчишкам да на фронт, — сказал Тимка, — да надавать им...

— Руками фашиста не сразу остановишь, — с горечью произнес Петька. — Нужны самолеты и танки.

Таня заметила, что у Шурки и Тимки глаза стали суровые, а маленькие кулаки крепко сжались.

Трещал костер. Искры летели высоко-высоко в голубое небо. Блики огня отражались в черных глазах ребятешек.

Люба Тороева обняла Таню и сказала Тимке:

— Рыбу надо жарить, а то я, однако, с голоду помру.

Тимка судорожно вздохнул и стал орудовать Петькиным ножом. Каждую рыбу он рассекал пополам, вдоль хребта, и подавал Шурке, а тот нанизывал половинки на острые палочки и втыкал палочки в землю, наклонив их над костром, чтобы рыба была в огне. Тимка, посыпая рыбу солью, поворачивал куски то одной стороной к огню, то другой. Когда рыба поджарилась и стала золотистой, первый кусок Люба подала Тане. Рыба вкусно пахла костром.

Домой вернулись под вечер, и Таня сразу легла отдохнуть. А Петька долго сидел с бабушкой на крыльце. Он смотрел на Байкал, на горы и не говорил ни слова.

— Петька, ты почему сегодня неразговорчивый?

— На чердаке карт нету. Их, наверное, кто-то давно выбросил.

Чтобы не напугать бабушку, Петька не сказал про бинты и про свои подозрения на Мулекова.

Вера Ивановна молчала и следила, как над Байкалом в сумерках мечутся какие-то птицы. Вечерний ветерок приносил тонкий запах цветов. Тайга засыпала.

— По одному дневнику ты навряд ли составишь маршрут. Сколько экспедиций...

Петька вздрогнул:

— Значит, не искать?

— Не горячись. Ты весь в своего отца, никогда не выслушаешь. — Бабушка пододвинулась к внуку: — Была я сегодня у Торбеева. Рассказала ему о дневнике командира и о твоих планах.

— А если он кому-нибудь...

— Да ты что такой недоверчивый стал? Я Торбеева шестьдесят лет знаю. В гражданскую войну он с твоим дедом каппелевцев бил, белочехов бил, барона Унгерна бил... — Вера Ивановна перевела дыхание. — Так вот, Петька, он попросил прочитать ему дневник. Может, говорит, удастся расшифровать маршрут Биль-Былинского. Я бы, мол, тогда сам с ребятами прошелся по тайге-матушке.

— Это же хорошо, бабушка!

— Я и сама знаю, что хорошо, но раны-то у него еще кровоточат. Подождать, Петька, надо.

— А мы подождем, когда он полностью поправится.

На крыльцо вышла Таня, ладошкой протерла глаза.

— Я лежала, лежала, да и заснула, а сейчас проснулась и не знаю, утро теперь или ночь? Мне без вас вдруг страшно сделалось.

Сумерки сгустились. В траве прямо у крыльца трещали кузнечики. В дровянике мирно спала коза Майка. Вдруг откуда-то вырвалась черная птица, обогнула домик, крыльями чуть не задев лица сидящих, и так же стремительно скрылась в темноте. Таня не успела испугаться и только прижала руки к груди.

— Танечка, что ты, — бабушка обняла девочку.

— Я только что сон про птицу видела. Как будто все мы птицы. Петька — птица, я птица и вы тоже птица. И как будто вы из гнезда улетели, а мы с Петькой остались одни и мне

страшно-страшно стало. Я хотела проснуться и не могла, а черная птица такая же, которая только что пролетела, ходит вокруг нас и на дощечках следы от лапок оставляет.

— Глупые мои, — поднялась на ноги бабушка, — куда же я от вас улечу, да еще черной птицей. Пойдемте-ка лучше спать.

Глава 9

Едва только солнечные лучи заскользили по Байкалу, Петька вышел во двор и занялся домашним хозяйством. Мелко расколол десять тяжелых чурок, сложил дрова и два раза сходил к берегу за водой. Вспомнив бабушкин наказ, починил старую метелку и аккуратно подмел двор. Устав, сел на крыльцо и слушал, как в лесной тишине кукует кукушка. Стал считать вслух: «Один, два, три, четыре, пять...» Птица куковала не останавливаясь.

— Ого, — воскликнул Петька, — целых сорок лет проживу.

Услышав Петькин голос, коза Майка завозилась в дровянике и даже тихонько мекнула. Петька посмотрел на нее в щель сарая. Коза тоже посмотрела на Петьку. И Петька заметил, что глаза у Майки карие, а ресницы длинные и черные. Майка затрясла торчащим вверх коротеньким хвостиком и стала легонько бить рогами в дверь.

— Майка, может, ты есть хочешь?

Коза подошла к щели, через которую они смотрели друг на друга, и понюхала Петькин нос. Петька почувствовал ее теплое дыхание и засуетился:

— Сейчас, Майка, сейчас! Я нарву тебе травы, и водички холодной дам.

В ответ на Петькино обещание коза со всей силой ударила рогами по двери, просясь на волю.

— Сейчас, Маечка, сейчас!

Петька перескочил через ограду. Там, между изгородью и скалой, росла сочная кудрявая трава с какими-то крохотными белыми цветочками. Петька нарвал целую охапку и, прижав ее обеими руками к себе, перелез через изгородь обратно в ограду. То, что он увидел, очень удивило его. Дверь сарайчи-

ка была открыта настезь, а коза Майка стояла возле крыльца и аккуратно, стараясь не замочить черную бороду, пила из ведра воду, которую Петька только что принес с Байкала. Заметив Петьку, Майка тряхнула бородой, подошла к нему и стала есть траву прямо из рук. Убегать к Подметкиным она, видно, не собиралась. Петька положил траву на землю, еще раз восхищенно посмотрел на Майку и пошел в дом.

Коза Майка удивила еще больше, когда Петька, Таня и бабушка пришли ее доить. Увидев зеленую кастрюлю, коза сама подошла к сарайчику и встала, прижавшись боком к стенке. Стояла она спокойно, даже ремень на рога не пришлось надевать. И пока бабушка доила ее, жевала траву и мелко трясла хвостиком.

Напившись парного козьего молока, Петька с Таней пошли к деду Торбееву читать дневник командира. Избушка деда стояла на самом краю поселка прямо в лесу. Она была маленькая, но крепкая, сделанная из толстых почерневших бревен.

Чердака у избушки не было, крыша лежала прямо на домике и засыпана была толстым слоем земли. А сверху росла трава и даже маленькая березка.

По гладкому бревну, зеленому от водорослей и тины, они перешли через тихий ручеек. Он вытекал струйкой тут же, из трещины в скале. На крылечке домика лежала большая тощая собака. Она спала, но ее уши слегка шевелились. Когда Петька и Таня, остерегаясь, подошли почти вплотную, собака встала на длинные ноги и хрипло тявкнула. Потом, крутя головой, понюхала воздух и спокойно отошла к двери, чтобы не пугать ребятишек. Петька заметил, что губы у нее седые, как будто в пудре, зубы желтые, клыки почти стертые.

Деда в избушке не оказалось. На маленьком столе из толстых досок стояли две железные кружки с какой-то напаренной травой. Печка была сложена не из кирпича, а из камней-валунов. Над ней висели пучки цветов, похожих на ромашку. Вместо кровати у Торбеева стояла широкая полка из толстых досок. На ней лежала старая медвежья шкура и одеяло, сшитое из шкур какого-то белого зверя.

Шепотом Таня спросила:

— А где же дедушка Торбеев, может, он под своим меховым одеялом лежит?

Петька громко сказал:

— Дедушка, здравствуйте, мы пришли.

Под одеялом никто не шевелился.

Подождав немного, Петька подошел к нарам и осторожно поднял огромное меховое одеяло. Под ним никого не оказалось, а лежал только большой охотничий нож.

Таня заволновалась:

— Петька, а вдруг с ним опять что-нибудь случилось? Может, Мулеков сюда второй раз...

Она не договорила. На крыльце залаяла собака, забила хвостом о дверь.

— Небось, Гильза, рада, что я глухарика добыл. Вишь, какой красавец! Гостей нынче угощать будем. А то у нас с тобой житье-то без хлеба, да и без мяса.

Торбеев тяжело поднялся на крыльцо и с трудом отворил дверь. Увидев Таню и Петьку, улыбнулся:

— О, гостей проворонил! Запоздал я вернуться с охоты. Стар стал да от нападения бандита контузию получил. — Дедушка Торбеев положил добычу у порога. — Сейчас глухарика поставим варить и делом займемся.

Петьку он попросил принести из ручейка воды и дров, которые лежали сразу за стеной.

— Собаку не трусьте, — сказал он, — Гильза малышей не трогает.

Все трое взялись за дело. Вскоре весело потрескивали в печке дрова, а в огромном ведре закипала глухарина похлебка. Дедушка бросил в ведро пучок травы, какой-то корешок и горсточку соли. Потом, опираясь о стол, дошел до порога, приоткрыл дверь.

— Гильза, никого не пущать.

Булькая пузырями, варилась похлебка. Блики огня через открытую дверку печки отражались на противоположной стенке избушки. Таня вслух читала дневник погибшего командира Михаила Биль-Былинского. Шелестели пожелтевшие, ветхие от времени страницы. Закутавшись в меховое одеяло, дед Торбеев сидел на скрипучих нарах и внимательно слушал.

«...На юго-восточной окраине города канонада усилилась. Белые стремятся окружить город со всех сторон, чтобы отрезать Красной Армии выход на железнодорожную магистраль.

В городе появились какие-то типы. Среди мелкой буржуазии — оживление, по-видимому, готовятся поднять мятеж в тылу красных отрядов. Сегодня в 19 часов вечера, на последнем заседании большевиков, принято решение: не дать сомкнуться белогвардейцам и под покровом ночи отвести сражающиеся красные отряды к линии железной дороги. Мост, связывающий город со станцией, намечено после отхода взорвать.

Лично мне приказано организовать срочно отряд и вывезти из города золото и драгоценности, конфискованные у местного купечества и частных банков. Задача сложная. Нужно где-то разыскать много кожаных мешков и, самое главное, лошадей. Где искать, когда пушки бьют прямой наводкой по городу? Бьют наугад, но разрушения есть. Проводником мне рекомендовали сухонького молодого человека с бегающими глазками. Фамилия у него Мулеков. Глядя на него, я почему-то подумал о нем плохо. Проклятая настороженность, в каждом я уже вижу плохое! Спросил о нем в отделе. Сказали, что Мулеков человек большой храбрости, бежал от белых, убив охрану кинжалом. В ряды Красной Армии пришел добровольно. Я смутился, услышав похвальную характеристику человеку, которого я чуть не посчитал скверным...»

Последнюю строчку Таня прочитать не могла, слова были стертыми от времени. Читалась только одна фраза: «...выполняет с охотой». Это, наверное, говорилось о проводнике Мулекове. Таня перевернула страницу.

«Ночь. Три ноль-ноль. Через час последний заградительный отряд покинет город. У нас все готово благодаря энергии Мулекова. Ему удалось раздобыть еще пятнадцать лошадей с большими переметными сумками. В ограде банка, где лошади загружаются золотом, собрался наш отряд. Каждому я выдал оружие: кинжал и наган. Мулеков от нагана отказался и взял только кинжал. Наконец последняя сумка засыпана золотом и увязана. Потихоньку, без разговоров, двинулись в путь. Успеем ли пройти в темноте три улицы и выйти к заросшему болоту? Отряд шел без звука, как в кинематографе. Молодец Мулеков — копыта всех лошадей обмотал тряпками. Тишина. Только где-то сзади ухали пушки и короткими очередями строчил пулемет. Лошади торопятся, как будто понима-

*Таня вслух читала дневник погибшего командира
Михаила Биль-Былинского*

ют опасность нашего положения. Наконец, мы в спасительном лесу. Стрельбы и взрывов давно не слышно, а Мулеков все еще торопит и торопит людей. Поднявшееся солнце неимоверно печет затылок. Бойцы-погонщики еле тащат ноги. Я дважды, оступившись, падал — сказались бессонные ночи последних суток. Мулеков неустойчив: идет, идет, идет. Хочется пить. Наконец, проводник махнул рукой. Привал. Люди повалились на траву, как убитые. Мулеков, набрав в котелки холодной воды, напоил всех лежащих. Сегодня пройдено очень много. Я распорядился распрячь лошадей, дать им отдохнуть и потом напоить холодной водой.

Бойцы, немного утолив голод, засыпали тут же на месте. Вдвоем с Мулековым мы сносили мешки с золотом в кучу, закрывали ветками. Мулеков с готовностью согласился охранять наш бивак один всю ночь, без смены. В его бегающих глазах — ни капли усталости. Я согласился. Проводник с кинжалом в руках сел на корень и почти слился с деревом. Сейчас допишу эти строки и лягу спать...»

Таня подняла глаза на Торбеева.

— Ночью же он их мог убить, забрать золото и вернуться к своим белякам.

Торбеев потрогал раненое плечо.

— Наверное, у него, душегуба, другая задача была. Рассмотрел я его. Вот тут на чурке сидел. — Дед рукой показал на Петькино место. — Коварен...

В следующий день в дневнике у командира записи не было. Вместо нее шел список отряда: «...Командир Биль-Былинский — сорок шесть лет. Сопровождающие бойцы: Юрий Кондратьев — двадцать лет, уроженец Волочаевки, Тимофей Черепанов — двадцать один год, из города Хабаровска. Иван Тархаев — девятнадцать лет, уроженец Верхнеудинска. Владимир Воробьев — двадцать лет, из города Иркутска. Тарас Величко — двадцать шесть лет, уроженец города Якутска. Лаврентий Муле...» Конец листка был кем-то оторван, и Таня стала читать на другой странице.

«День шестой. Нас окружают непроходимые дебри. Лошади выдыхаются. Преследования у нас не было, а проводник почему-то торопит отряд. Вечером подошли к бурной речке,

скачущей с уступа на уступ. Странно, что проводник название речки не знает. Берег и место, где мы остановились, мне не понравились. Кругом нависли мрачные скалы, а впереди — бурная река. Брось с любой скалы камень — и в отряде будут жертвы. Мы оказались словно в ловушке. Не раздумывая, я приказал переходить речку и торопиться, чтобы дотемна перейти. Люди зароптали. Мулеков сначала тоже возражал, говорил, что бойцы устали и переправы могут не выдержать, а потом вдруг сам стал уговаривать товарищей переправляться.

Переправа была, действительно, трудной, лошади, борясь с сильным течением, скользили ногами по каменному дну. Моя лошадь попала в водоворот, не смогла справиться с течением, и ее понесло к водопаду. Она ржала, прося о помощи. Я победил, но, опередив меня, в воду бросился бурят Иван Тархаев с длинной веревкой. Конец веревки он сунул мне в руки. Течение подхватило Тархаева и сразу бросило в водоворот. Я, испугавшись за него, хотел тянуть за веревку. Но он каким-то невероятным прыжком приблизился к конской голове, торчащей из воды. Веревка задрожала, и мы потянули лошадь к себе. Ваня рукой держался за переметные суммы. Вытянули обоих едва живых. Запылали костры, наскоро поужинав, люди крепко заснули. Мулеков, уже в который раз, добровольно вызывался охранять ночной лагерь, но я велел ему спать. Всю ночь я сам сидел у костра и вел эту запись. От ночного ветерка колышутся листья деревьев, а мне кажется, что это разговаривает кто-то на том берегу реки. Забавно спит Мулеков. Лежит на животе, подобрав под себя руки и ноги, и в темноте походит на зверька».

Тревожной была запись, сделанная на двух оборванных сверху страницах.

«Я подошел к Тархаеву, наклонился, и он сказал мне на ухо: «Командир, мы, однако, неправильно идем». «Почему ты так думаешь?» — тоже шепотом спросил я. Он подошел к старой сосне: «Тут север, — он указал на голую сторону сосны, — а мы, командир, идем совсем не туда. Мы, однако, кружим». Чтобы не поднимать среди бойцов панику, я попросил Тархаева молчать. Подозвали к себе Мулекова. Они заспорили. Решив уточнить маршрут, я полез в свою полевую сумку за компа-

сом. В сумке не только компаса, но и планшета не оказалось! Бойцы обшарили траву, просмотрели кусты. Переправа, проклятая переправа! «Но ведь сумка была закрыта», — сказал мне Тархаев. Какая-то чертовщина! Из закрытой сумки на глазах у всех исчез компас и планшет, на котором я отмечал наш путь. Я с красноармейцем Юрием Кондратьевым переправился обратно на низкий берег. Поиск ничего не дал. Может, перед переправой я положил их не в сумку, а по привычке в широченный карман своего кожана и они выпали в мутную воду! Проклятая переправа! Теперь идти будем вслепую, доверяясь только проводнику. Мулеков, обходя шагавший караван, подошел к моей лошади и стал поправлять сбрую. Странно, что на этот раз лошадь от него шарахнулась. Иван Тархаев незаметно отвел меня в сторону...»

Дальше все было залито пятнами, похожими на кровь, и читалось только два слова: «Тархаев просил...»

Что просил Тархаев, было непонятно. Таня подошла к окошечку, стараясь рассмотреть запись. Дед Торбеев, склоняясь над берестой, наносил черным угольком предполагаемый маршрут отряда.

— Хорек специально водил отряд по таежным дебрям, старался измотать людей, запутать их, чтобы, в случае чего, ни один из них из тайги не вышел, — глядя на дедовскую карту, сказал Петька.

— Это понятно, варнак есть варнак.

Торбеев отодвинул в сторону кусочки белой коры, на которых что-то вычерчивал, и попросил Таню достать с полки большую бересту. Береста, варенная в кипятке, была мягкая, как кожа. Взяв уголек, Торбеев в левом нижнем углу бересты поставил черную точку и стал вслух рассуждать:

— Вышли они из города напрямиком в болото. На юго-запад они не пойдут, там белые. Значит, — дед о чем-то подумал и нанес на бересту тоненькую черную линию, и быстро обозначил большим овалом болото. — После командир пишет: «Солнце печет в затылок», значит, был полдень, утром и вечером солнце не может из-за хребта «печь в затылок».

Торбеев нанес еще несколько линий и нарисовал извилистый ручей. Петька с радостью следил за его рукой.

Таня продолжала читать.

«Давно не вел дневник. Сегодня решил продолжить. По моим подсчетам, мы уже тридцать дней в тайге. На высоких скалах появился снег, а выхода все нет и нет. Вчера Тархаев снова попросился назначить его проводником отряда. Не видя другого выхода, я согласился. Но сегодня случилось несчастье. Рано утром, когда все еще спали, Тархаев теперь уже как проводник пошел обследовать ущелье, он уверял, что «из ущелья есть выход „по земле“, и нечего нам лазить через хребет». Я был на ногах и проверял пули в пистолете, когда раздался ужасный крик. Пробежав метров двести по ущелью, я обнаружил Ваню Тархаева, лежащим лицом к земле. Затылок его был разбит. Кровь заливала траву. Все попытки привести его в сознание успеха не дали. Через несколько минут сердце остановилось. Ваню похоронили на первом широком уступе скалы. Со дна ущелья на плащ-палатках наносили землю и засыпали тело.

Мулеков утром шел вместе с Тархаевым и рассказал, как случилось несчастье: «Я хотел пройти до конца ущелья, а Тархаев, чтобы не терять зря времени, предложил забраться на верхний уступ и оттуда смотреть. «Если, говорит, есть выход, то мы его обязательно увидим с уступа». И Тархаев стал подниматься на уступ. Поднялся уже метров на десять, и вдруг нога его соскользнула, он полетел вниз и ударился затылком о камень».

Смерть Тархаева удручающе подействовала на людей; в глазах Мулекова я заметил страх, он, по-видимому, боялся, что из ущелья мы не выйдем».

Через две залитых страницы шла небрежная запись. Буквы стояли вкривь и вкось. Видно, командир очень торопился.

«...Тархаев был прав, мы нашли выход из ущелья, и вышли на озеро, о котором он спорил с Мулековым. Впереди опять хребты с заснеженными вершинами. Боюсь, что мы никогда не выйдем из этих бесконечных таежных дебрей. Боимся не за себя, а за золото, его сотня килограммов. Мулеков советовал спрятать золото в ущелье, там, где лежит сейчас боец Тархаев, а самим налегке искать выход. «Золото не гниет, за ним можно прийти хоть через год, хоть через два», — поддержал Мулекова Тарас Величко. Я посмотрел на худые лица, заросшие щетиной, на вва-

лившиеся глаза и все-таки отказал. В Иркутске нас, наверное, давно потеряли. Завтра отряд поведу сам. Шифровать маршрут буду по методу лесника Потапова. В случае чего, обращайтесь к нему. Он живет на Байкале, в поселке Большие Коты. Можно разгадать по его картам. Шифровать мне необходимо, боюсь, что документы могут попасть в руки врага.

Завтра, как только проснемся, поведу отряд по направлению СЗ, как советовал мне погибший Ваня Тархаев».

Таня перестала читать. Торбеев, загибая пальцы, что-то считал в уме, посмотрел на Таню, потом на Петьку:

— Выходит, ребята, что целый месяц он ничего не писал в дневнике. Ущелье? А где оно? Слева или справа? Ясно только, что оно не по пути, убивец специально их запутывал.

— Может, СЗ обозначает северо-запад? — сказала Таня.

— А как же он без компаса точно определил северо-запад? И при том такое каждый поймет; здесь, Таня, что-то другое, потому что в дневнике есть и другие обозначения. — Петька стал угольком писать на столе: СГ, СЛГ, СПГ, СЛУ.

Торбеев нарисовал волнистую линию и сказал вдруг твердо:

— Ущелье, в котором Хорек убил Тархаева, тянется на северо-запад, то есть как раз по пути. Иначе бы Хорек не стал убивать красноармейца. Мулеков испугался, что Тархаев выбрал правильный путь. Назови-ка мне, Петя, остальные буквы.

Петька, прикрывая глаза, чтобы не сбиться, повторил: СГ, СЛГ, СПГ, СЛУ...

Торбеев перестал записывать, за дверью раздался лай собаки.

— Гильза, Гильза, — кто-то звал ее детским голосом.

Но Гильза рычала еще сильнее. Дед, кряхтя, слез с нар, показал глазами на стол:

— Живо запрячь! — и пошел к порогу.

Петька едва успел сунуть дневник за пазуху, как широко распахнулись двери: вошли Люба Тороева и Тимка Булахов. Перебивая друг друга, они сообщили, что Таню и Петьку срочно зовет бабушка.

Торбеев сел на край скрипучих нар.

— Так уж и скоро? Похлебкой глухаринной угощу, а там все вместе и пошагаете. Притом, Тимка, скажи маме, пускай придет ко мне, болячка гноится, и жар по телу идет.

— Петька, а Петька, — затормошила его Люба, — вам телеграмму принесли, с фронта пришла, и бабушка звала быстро-быстро.

Таня вскочила со своего места, а у Петьки от Любиного сообщения вдруг сухо стало во рту.

— Погодите вы бежать, — дед взял с полки большой котелок, поставил его на печь и деревянной ложкой положил в него три больших куска мяса из похлебки. Залил их из ведра кипящим бульоном. Котелок подал Тане: — Гостинцев бабушке отнесите!

Глава 10

— Петя, Танечка, не беспокойтесь, ничего страшного не случилось!

Бабушка стояла на крыльце, в опущенных худых руках подрагивал листок серой бумаги. Глаза были сухими, и Петька знал: если бабушка не плачет, значит, произошло что-то очень серьезное.

— Дети, мне срочно нужно ехать в город Красноярск. Твоего, Петя, отца привезли туда в госпиталь. За ним я буду ухаживать.

Петька растерялся. Он почему-то думал, что папа у него самый сильный и его никогда не ранят.

Бабушка подала ему серый листок. Телеграмма показалась очень короткой: «Краснокардонск. Музей. Жмыхиной. Копия. Иркутская область. Большие Коты. Жмыхиной. Ваш сын доставлен с фронта в красноярский госпиталь. Состояние тяжелое. Сообщите возможность приезда. Врач майор Зоринцев».

Бабушка прижала к себе Петьку и Таню.

— Детишки мои родные, сможете ли вы прожить без меня? Я еду завтра и, может, надолго. — Вера Ивановна всхлипнула. — Господи! Хоть бы остался живой. Я попросила тетю Нюшу присмотреть за вами. Ты, Петенька, помогай ей по хозяйству.

В кухне возле печки лежал небольшой узел, рядом стояли маленькие блестящие галоши.

— В кладовке сейчас прибиралась, — сказала Вера Ивановна, — одежку вам кое-какую подобрала. Галоши эти почти новые. Ты их, Танечка, в дождь надевай, ноги хоть будут сухие. — Ах, ты! Забыла самое главное. Муки я достала, ребятки, полкуля! Пеките лепешки, делайте кашу заваруху.

— Мука? Откуда?

— Швейную машину я сегодня сменяла. Приплыл утром родственник Подметкиных, у него запасы муки, говорят, еще довоенные.

Вера Ивановна с грустью посмотрела на пустое место у комода, где всегда стояла швейная машинка. Петька уверенно сказал:

— Не волнуйся. Победим фашистов, тебе новую машинку купим и не какую-нибудь, а ножную подольскую.

...Потом Вера Ивановна с Таней пекли в дорогу лепешки, а етъка читал бабушкину старую книгу:

«...Если голод тебя в тайге дойма, не готовься помирять. На горах произрастает зелень: листья под вид капустных, хрустящие, корень веревочный, баданом называется. Тех корней надери из земли много и в ручье вымой, очистив от шкуры. Подожди малую толику, чтобы в воде сей корень освободился от кислоты. Хлебец или каша получаются из него отменные. Не забудь сразу заготовить такого хлеба впрок, он не портится. Если сей корень не вымочить, а напарить, от болезни живота применять можно, когда понос случится».

Петька перевернул страницу.

«В горном ручье рыбу без снасти поймать можно, и голод отступит. Собери сухие...»

— Петька, а Петька!

— Что, бабушка?

— В тайгу, пока я не вернусь, не ходите. Ты знаешь, я сама всю жизнь в тайге, вдоль и поперек ее прошла, а терялась сколько... — Бабушка сняла с плиты несколько лепешек: — В лес ходить можешь, только недалеко. Я тебе и оружие нашла. Арбалетом называется. Мой дед с ним еще охотился. Тетива у него сохранилась хорошо. И стрелы есть, я не считала, но, кажется, штук десять-двенадцать.

У Петьки заблестели глаза:

— Где он?

— Не торопись. Сейчас принесу.

Бабушка сходила в кладовку и вынесла оттуда не ружье, как ожидала Таня, а целое сооружение. Большой красиво выгнутый старинный боевой лук был прикреплен к самодельной ложе ружья. Тетива, сделанная из жилы оленя, гудела как струна. Стрелы с металлическими наконечниками выглядели очень внушительно.

— Бабушка, а из него зверя можно убить?

— Можно.

Схватив стрелы, Петька с Таней выскочили на крыльцо, прислонили к ведру кусок старой фанеры и стали заряжать арбалет. Сначала Петька один оттягивал тетиву, но ничего сделать не смог, позвал Таню. Вдвоем они еле-еле зацепили тетиву за крючок, но неудачно. Как только Петька повернул арбалет, тетива сорвалась. На помощь пришла бабушка. Арбалет прикладом она уперла в крыльцо, и вдвоем они легко натянули тугую жилу.

Первым стрелять Петька отказался. Таня тоже побоялась. Тогда Вера Ивановна взяла арбалет, показала, как с ним надо обращаться, и прицелилась в фанеру. Тяжело ударив, стрела насквозь пробила фанеру и стенку ведра. Бабушка, глядя на струйку воды, бежавшую из ведра, сокрушенно покачала головой:

— Правильно говорят, что малый, что старей — последнее ведро испортили.

Ночью, лежа на печке, Петька долго не мог заснуть, он слышал, что бабушка тоже ворочается на своей скрипучей кровати и тяжело вздыхает. Вот она встала и, шлепая босыми ногами по полу, прошла в кухню, к фанерному шкафчику. Зазвенела стаканом, зачерпнула ковшиком воды. В кухне запахло вальс-ряновыми каплями.

Утром через тайгу бабушка пошла в поселок Листвянку. Ее сопровождал целый отряд: Люба, Таня, Петька, Тимка и Шурка Подметкин. Высокие сосны не пропускали вниз солнечные лучи, и по хорошо протоптанной тропинке идти было легко. Когда тропинка, извиваясь по вершинам, подошла к Байкалу, Тане вдруг стало страшно. Тимка крепко схватил ее, велел не

смотреть вниз и, придерживая за руку, осторожно провел над пропастью.

В Листвянке Вере Ивановне повезло, у пристани, дымя трубами, стоял пароход «Красная звезда». Он загружался каким-то специальным грузом, потому что солдаты никого к берегу не подпускали. Капитан, стоя у поручней, помахал бабушке рукой и сказал, что когда люки будут запечатаны, он ее проведет к себе в каюту. Наконец пароход дал короткий гудок. Бабушка быстро обняла Петьку и Таню и уже с парохода прокричала:

— Как доеду, pošлю телеграмму, ждите!

Обратно шли по старой, заросшей кустами дороге. Мальчики внимательно слушали Петькин рассказ про командира Биль-Былинского.

Шурка наклонился к Петьке и зашептал:

— Если отыщем пещеру, себе маленько золота возьмем.

— На фронте, Шурка, самолетов не хватает.

Шурка смутился и покраснел.

Тимка Булахов серьезно, как взрослый, сказал:

— В тайгу идти — дело трудное. У меня есть ичиги, у Шурки есть, а вам, — он посмотрел на голые ноги Петьки и Тани, — надобно добывать...

...Солнце шло на закат. Ребята молчали. Каждый думал о своем. Петька волновался за отца и представлял, как он лежит на койке в неизвестном госпитале, стонет и зовет Петьку, Петькину маму и бабушку. Куда его ранило? Если в голову, то это совсем страшно...

К Петьке приблизилась Таня:

— Тимку и Шурку спрашивал?

— Они согласны с нами идти, но нужны ичиги.

— А что такое ичиги?

— Сапоги такие самодельные, тонкие, как чулки, их дегтем смазывают, и они воду не пропускают.

Шурка Подметкин вдруг сообщил:

— Петька, я смекнул, ичиги добудем. У моего дедушки их цельная прорва, в кладовке к потолку привязанные болтаются.

— К потолку? — удивилась Таня.

— К потолку, а то мыши слопают. Я возьму две пары на вас. Он не углядит.

— Украдешь, что ли?

— А чего.

— Нам краденого не надо. Лучше попросить.

Шурка усмехнулся.

— Наших, Подметкиных, не знаешь? Моя бабка прижилила вашего козленочка. А токмо вы тогда утопали, она улыбалась от радости, что вас обдурила.

— Все равно нам краденого не надо.

В разговор вмешался Тимка Булахов.

— В тайге без ичигов делать нечего. Пускай Шурка возьмет, а после с ихним дедом расквитаемся.

Уже совсем стемнело, когда ребята подошли к поселку. На прощание договорились: поторопить Торбеева с картой и выйти в поход в четверг. Последний четверг месяца — как будто бы говорил Тимкин отец — счастливое начало для зверолова.

Дома Таня с Петькой зажгли самодельную керосиновую лампу и сели ужинать. Достали большую лепешку и, откусывая от нее по очереди, запивали вкусным глухариным бульоном из торбеевского котелка. Тихо стукнула калитка. Петька прислушался. На крыльце заскрипели доски, и в дверь постучали. Таня посмотрела на Петьку и не шевельнулась. Стук повторился.

— Эй, отворите. Это я, Шурка Подметкин.

Петька сбросил крючок. В руках у Шурки было что-то большое, завернутое в желтый мешок, от которого резко пахло дегтем.

— Ичиги вам припер. Ненадеванные ни разу. Примеряйте.

Таня натянула на ноги странную обувь, которую никогда не видела. Шурка пощупал носок ичига на Таниной ноге.

— С суконной портянкой как раз будет. — Он вынул из куля два больших куса серого сукна. — У бабки упер, — и, как бы оправдываясь, добавил: — У ней все равно сопреет.

Петька вынул складной нож, и каждый кусок они разрезали на половину. Портянки Шурка даже не дал примерить и положил их обратно в мешок. Затем вытащил оттуда ичиги для Петьки, по-хозяйски ощупал и сказал:

— С двойной подошвой, надолго хватит. Завтра добуду спичек, а к мешку лямки привяжем. Тимка сулился веревки добыть.

Пламя в коптилке задрожало. Огонек сделался маленьким и вдруг потух.

— Керосин кончился, — сказала Таня.

Шурка, глядя на темное окно, вдруг вскрикнул, потому что оттуда глянула ушастая морда с большими рогами. Тонкая длинная борода мелко подрагивала, в круглых глазах отражалась луна!

— Черт! — Шурка подскочил к двери и набросил крючок. — Черт, воистину черт! Нечистая сила! — и стал креститься.

Таня хохотала до слез.

— Шурка, ты с ума сошел! Шурка, это же наша коза Майка! Опять из дровяника выбралась, ей, видать, там скучно.

Петька смело вышел во двор, завел Майку в дровяник. Слышно было, что чем-то он стучал по перекладине. А когда вернулся, тихо сказал:

— Когда пойдем в поход, Майку отдадим, Шурка, твоему деду за ичиги, чтобы даром от него ничего не брать.

— Ты что, Петька, а Вера Ивановна что скажет?

— Не беспокойся, Таня. Там, в Листвянке, бабушка мне шепнула, что в госпитале она будет месяца два. Мы вернемся тоже осенью. Майка без нас совсем одичает, а то и волки могут сожрать. Лучше мы ее отдадим и рассчитаемся с Шуркиным дедом.

Во дворе послышались удары. Майка, обидевшись, что ее заперли, опять била рогами в дверь дровяника.

Шурка с дрожью в голосе сказал:

— Поди, Майка ваша ноне не совсем коза.

— Что ты, Шурка, мелешь. Кто же она, корова, что ли?

Шурка пододвинулся ближе к окну, где было светлее от луны, и зашептал:

— У нас единыжды была коза красная и лохматая. Молока видимо-невидимо давала. Подметкины радешеньки были. И с радости запомняли, что не бывает красных коз, им лишь бы молоко. — Шурка, по-видимому, верил в свою историю, потому что зубы у него начинали тихонько стучать. — Коза как коза, — продолжал он, — токмо не любила, когда ей прямо в глазищи вытаращишься, а эдак никого не пужалась: ни волков, ни рыси, ни росوماхи. Пужалась токмо старуху Солуяни-

ху. Та маленькая, сухонькая — царство ей небесное, — а коза ее пужалась, потому как Солуяниха каждый день богу молилась. Понятно, нечистая сила эдаких людей пужается. Зима прика-тила, выпал снег, и тута во дворе у нас стали ночью появляться козьи следья, хотя коз дед запирали в сарае, и замок цельный был. «Откудова чертовщина? — гадали все. — Собаки ночью лают, а следья появляются». Тута приперся к нам дед Парамонов. Сидит ночью у окна с моим дедом, сивуху глушит и говорит тихо-тихо: «А коза у вас и вовсе не коза, а сила нечистая». Всех затрясло, а отец мой эдак и шлепнулся на пол от страха. И теперя морока с ним: шлепнется откудова ни на есть, лежит и дрыгает руками и ногами.

— Шурка, ты про козу рассказывай.

— Опосля надумали ночью доглядеть за козой. На дру-гой вечер заперли сарай на два замка. Наглotalись самогон-ки и сели у окна. Лампу керосиновую потушили и ожидают. Час проходит — никого. Два проходит — никого. Луна светит, тишина. И вдруг дверь сарая сама по себе тихонько распахну-лась, и оттудова выходит наша красная коза. Идет, как чело-век, на задних ногах, глазищами вращает, по сторонам глаза-ет и прет через двор, через огород, через лужайку и... и... под-хо-ди-т, — зубы у Шурки опять мелко застучали, — и... и подходит к старому кладбищу. Подошла к могиле и тута давай танцевать, и тихо петь человеческим голосом:

*Сундуки у меня все окованы.
В них полным-полно чиста золота.
Но одной лежать шибко холодно.*

И дедушка признал голос своей матери, которую в живых про-звали байкальской колдуньей. Пока коза танцевала, дедушка шмыгнул на улицу и перекрестил отворенную дверь сарая. А коза от этого как прыгнет, и огненным пламенем ушла в небо...

Шурка замолчал, но, услышав, как Майка стучит в дверь, по-просил:

— Петька, проводи меня домой, а то я в темноте не найду вашу калитку.

— А ты через плетень перелезь, — сказала Таня.

Но Петька уже открыл двери и вышел на крыльцо. Потом брякнул в сенях дверной крючок.

— Таня, тебе не страшно от Шуркиного рассказа?

— Чуть-чуть страшно. А почему красные козы не бывают?

— Один студент, который с папой ездил в экспедиции, мне рассказывал, что раньше, тысячи лет назад, у одного египетского фараона были красные козы, и их считали святыми, и на них молились, как на бога.

— Петька, а бог есть или нету, как ты думаешь?

— Я не знаю, Таня. Если есть, то он, наверно, злой.

Глава 11

— Петька, вставай лепешки делать на дорогу.

Петька легко спрыгнул с печки на пол.

— Еще же козу доить надо.

— Засоня, я уже подоила.

Через два часа шестьдесят больших лепешек, величиной с блюдце, были готовы. Таня подсчитала, что в тайте их хватит на целый месяц, а то и больше.

Вежливо постучав в дверь, зашел Тимка Булахов. Поздоровавшись, он положил на стол коробочку с солью, камушек, мягкую ватную веревочку, полукруглую железку, похожую на маленькую подкову, и две деревянные ложки. Тимка пощупал верхнюю лепешку и велел их все положить на плиту, но чтобы не горели, а сохли.

— А то в дороге заплесневеют, — объяснил он.

Кроме всего прочего, Тимка принес еще длинную крепкую веревку метров в тридцать.

— Мальчишки, а зачем камушек, железка и вата?

Тимка взял камушек, положил на него скрученную ватку и ловко ударил железкой. Искорки полетели на ватку, Тимка стал ее раздувать, и она задымилась.

— Вишь, Таня, огонь получили без спичек.

Петька вытащил из-под лавки Шуркин желтый мешок, и мальчишки стали укладывать туда все необходимое: старую Петькину рубашку, длинную веревку, котелок, деревянные

ложки, коробочку с солью, шило и другие мелкие вещи. Сверху Таня положила небольшой мешочек с мукой. Нож, компас, арбалет решено было нести в руках.

— Достать бы маненько пороху! — Тимка показал на кончик пальца: — Хотя бы пол-ложки. Торбеев зарядил бы патрона три. Нам бы хватило за глаза. Торбеев, он фартовый, мимо еще ни разу не стрелил.

У Петьки вдруг заблестели глаза. Он повернулся на месте, бросился в комнату, схватил свой узелок, привезенный из Краснокардонска, и стал развязывать. Таня и Тимка с удивлением следили за ним. Вот Петька развернул маленький газетный сверток, разорвал синюю тряпочку и радостно воскликнул:

— Целые!

Он показал на ладони обойму от фашистской винтовки с пятью толстыми патронами.

— Мы из них порох только вытащим, а Торбеев насыплет его в свои патроны.

— Петька, они взорвутся, когда их разбирать начнем. Боязно.

— Если головка пули красная, тогда опасно. Я сейчас покажу, как их разряжать.

Петька взял пулю, засунул ее в шель и стал осторожно заламывать. Острая пуля медленно вылезла из гильзы. Порох оказался какой-то зеленый, с резким неприятным запахом. Петька осторожно ссыпал его в маленькую бутылочку. Остальные патроны разрядил Тимка. Пороху получилась чуть ли не полная бутылочка. Взяв с собой дневник командира, ребята быстро пошли к деду Торбееву. По дороге к ним присоединился Шурка Подметкин.

Торбеев лежал на нарах и накладывал себе на плечо какую-то примочку из травы.

— Худо мне, совсем худо. Грешным делом думал, что ночью помру. Разболелись мои болячки, жар пошел. — Торбеев пощупал свой морщинистый лоб. — Окаянный убивец!

— Дедушка, мы лепешек вам принесли.

— Ох, Танечка, не беспокойся, я и без хлебушка проживу, себе оставьте. Корешков я нынче заварил хлебных, дня на три мне хватит. Спасибо, родные.

— Спасибочки опосля говорить, дедуля, будешь, — сказал Шурка Подметкин и положил лепешки на полку.

— Дедушка! — Петька стал шарить в кармане: — Мы пороху винтовочного принесли.

Рассматривая крохотную бутылочку-пузырек, Торбеев несколько порошинок вытряхнул на стол, попробовал раздавить их пальцем.

— Добрый порошок, зарядов на восемь хватит. Вечерком, ежели полегчает, патроны заряжу.

Через несколько минут, когда переговорили о всех неотложных делах, Таня начала читать дневник. Командир Биль-Былинский записал:

«...Стал вести карту, черчу ее на крайней странице дневника. Мулеков охотно мне помогает». Таня стала переворачивать листы, чтобы разыскать карту, но Петька ее остановил:

— Не ищи. Карту вырвал Мулеков и, наверно, потерял ее или не может расшифровать. — Петька кивнул головой на дверь. — Не зря же он сюда приходил.

Таня стала читать дальше.

«Путь, пройденный по моему маршруту, оказался счастливым. Вышли в большую, еще зеленую долину. Здесь почему-то теплей, чем везде. Приказал остановиться на двухдневный отдых. Развьюченные лошади стали жадно щипать мягкую траву. Люди повеселели, чинили себе обувь и одежду. Одежда вызывает во мне тревогу. У многих уже видны голые локти и колени. Но с пищей опять повезло. На привале один из бойцов увидел в долине какую-то серую точку. Она двигалась. Иногда становилась больше, иногда меньше. Я, никому не говоря, взял карабин, позвал с собой бойца Воробьева и по кустам стал подкрадываться. Огромный медведь пасся на склоне. Лапами он разрывал землю так энергично, что мелкие камушки чуть не долетали до меня. Медведь был увлечен своим делом и ничего не замечал. Вытаскивая из земли какие-то белые корешки, он ел их, громко чавкая. Я заполз за камень и, обернувшись, рукой показал бойцу Воробьеву, что буду стрелять. Он кивнул.

Я прицелился. Зверь повернулся ко мне своей огромной мордой и, видать, почуял нас, маленькие ушки прижались, шерсть на загривке встала дыбом. От выстрела, казалось, обрушились

скалы. Медведь попятился, взревел и прыгнул в сторону. Меня он не увидел, и я успел выстрелить второй раз. Он прыгнул в мою сторону и на задних лапах пошел на меня. Передернув затвор, я опять выстрелил; как мне показалось, попал в голову. Он заревел и на мгновение остановился. Выстрелив четвертый раз, я бросился за дерево. Одним прыжком зверь настиг меня. Ударом лапы переломил сосну, разделявшую нас, и тут я последнюю пулю всадил ему прямо в лоб, уперев ствол в голову. От удара его лапы карабин разлетелся в щепки. Я упал, пытаясь выхватить нож. И тут между мной и медведем возник красноармеец Воробьев с наганами в обеих руках. От первого же выстрела медведь рухнул и перевернулся на спину, задрав лапы так, что я видел его запачканные глиной подошвы. Бистро я вскочил на ноги и стал себя ощупывать. Кости были целы. «А синяки, товарищ командир, сойдут», — пошутил Воробьев.

Подошли к медведю. Что за черт! Я всегда хорошо стрелял, а тут какое-то колдовство. Наклонившись к огромной разинутой пасти медведя, я двумя руками ощупал его череп. Кости были переломаны, потому что под ладонями они ходили ходуном. Позднее, когда мы сняли с него шкуру, все пять моих пуль обнаружили в голове. Какой живучестью наделила природа этого зверя! Пуля из нагана Воробьева сидела в самой середине звериного сердца.

Уставшие бойцы пировали до вечера, делали шашлыки, жарили мясо на камнях. Мулеков почему-то был угрюмым. Его я спросил, доводилось ли ему коптить мясо в таежных условиях, чтобы приготовить пищу впрок. «К сожалению, коптить не умею», — ответил он.

Вынимая документы из переметной сумки, я заметил, что лошадь моя дрожит. Я сказал об этом Мулекову, он, небрежно посмотрев на лошадь, ответил, что она напугалась медведя. Но красноармеец Величко возразил, что лошадь мою стало трясти до медведя и причина, вероятно, кроется в чем-то другом. Вечерняя заря гасла, сгущались сумерки. Слева, на низкой горе, мы услышали, как под чьими-то ногами скрипит и осыпается вниз щебень. Мы насторожились, держа наганы наготове. И вдруг раздался голос человека: «Эй, эге-е-гей! Стрелять, однахо, не надо!»

Человек! Первый человек, встретившийся нам в этой проклятой заколдованной тайге! В волнении мы вскочили на ноги и закричали охрипшими голосами. Захрустел валежник, качнулись ветки, и к огню вышел небольшой сухонький человек: «Стластуй, люди. Моя охотник. Сетене мою звать». Я определил, что он удэгеец. Сетене, указывая пальцем на моих людей, спросил: «Экспедис?»

— Нет, не экспедиция, груз везем срочный.

— Куда, начальник?

— К Байкалу надо выйти.

Старик вдруг вскочил на ноги:

— Совсем, совсем не туда идете. Кто так покасывает?

Я указал на Мулекова.

— Твоя шибко плохо покасывает.

Я посмотрел на лохмотья, в которые был одет удэгеец.

— Сетене, — спросил я, — а ты как сюда попал, тоже заблудился?

— Один здесь живу, совсем один. Давно ушел я с Амура. У меня все умерли с голоду. А купеза Порошин шибко плохой человек, требует: дай белка, дай соболя.

— Тайгу, Сетене, знаешь?

— Мало-мало снаю.

— Где мы сейчас находимся?

— Моя курить пудет и говорить пудет. — Он вытащил из-за пояса тонкую, сделанную из корня древовидного вереска трубку, отвязал от пояса кисет и, не торопясь, стал набивать трубку пахучим табаком. — Моя думает, люди совсем нигде не находятся.

Хворостиной он стал быстро чертить возле самого костра. Нарисовал извилистую линию. Против нее — неровный эллипс. Я сразу же понял, что это Байкал.

— Сдесь, — он ткнул хворостиной в извилистую линию, — вода, море, оке-а-ан.

— Как оно называется?

— По-русски совсем запыл.

— Охотское?

Он быстро закивал головой:

— Та-та-та, — начальник хорошо сказала.

Про себя я ужаснулся: выходит, что все время мы или кружили на месте, или шли в противоположную сторону.

— Твоя, начальник, толжна путь тержать вот так, — он прутиком провел по земле, — каждую речку пересекать.

Он повернулся к Мулекову:

— Твоя плохая провотник, совсем нигте не вела. — Сетене не посмотрел на одежды бойцов. — Холодно скоро пудет, как идти пудете? — Подогнув ноги под себя, он горестно качал головой: — Снег пудет, лошадь кушать нечего пудет.

Я подал ему кусок медвежатины. Он вежливо взял, почтительно кивнул головой:

— Спасипо.

Я спросил, что он делает в тайге. Сетене ответил, что будет ставить капканы на соболя, куницу, горностаю, чтобы расчитаться с амурским купцом Порошиным.

— Может, с нами пойдешь? — спросил я его, но он замахал обеими руками, как будто отгонял комара.

— Таких денег у начальника нет, сколько нужно отдать купезе Порошину.

— Много ты ему должен?

— Мноко, ой мноко! — Он показал три пальца. — Столько зим я пуду ловить соболя, чтопы с Порошей расчитаться.

Я смотрел на удэгейца, и совсем не мирные мысли обуревали меня. Про себя я решил: «Если охотник откажется провозать наш караван, задержу его силой. Ему от этого хуже не будет. И сделал бы это я не во имя спасения отряда и не во имя спасения себя, но во имя спасения золотой валюты республики».

— Сколько соболей ты ловишь в зиму?

— Мноко, ой мноко!

— Сколько все-таки?

— Однако, тесять.

— Три зимы, говоришь, надо на Порошина работать?

— Та-та-та, — и опять снова показал три худых пальца.

— Хорошо, мы заплатим тебе за тридцать соболей и еще раз за тридцать, пойдешь с нами?

— Я пойду, а купеза не таст потом на Амуре рыпачить и ружье, отнако, отнимет.

— Я тебе берданку дам новую и денег.

— Начальник, пертанку восьму, спасипо, больсая спасипо, а тенек не нато.

— Пойдем завтра.

— Холосо, начальник.

Я не верил в счастье! Бойцы смотрели на удэгейца, как на спасителя, спустившегося с неба. А он, поев мяса, улыбнулся и сказал:

— Моя слышал, как вы его, — он показал на медвежью шкуру, — стреляли. Его ревела: у-у-у-у.

Сетене снял свою старую котомку, вынул оттуда мягкую, уже местами облезшую козью шкуру и, отойдя от костра, расстелил ее на поляне возле сосны, что-то пробормотал про себя и лег.

Его чертеж на земле я перенес на всякий случай к себе в дневник».

Таня посмотрела на притихших ребят, на деда Торбеева и перелистнула страницу.

«Проклятый день! Опять несчастье. Погиб удэгеец Сетене. Как будто какой-то жестокий рок закрывает нам выход из тайги. Смерть неотступно преследует наш отряд.

На рассвете нас разбудил пронзительный крик Мулекова. Все вскочили на ноги. Лошади храпели. Мулеков рассказал, что в тайге раздалось какое-то хрюканье. Моя лошадь, дрожавшая с вечера, от страха вздыбилась, оборвала привязь и стала метаться. Прыгнув к сосне, задними подковами ударила удэгейца. Мы бросились к нему. Голова его была разбита ударом подковы. Из ушей и рта текла кровь.

Рухнула наша надежда!

Мою лошадь мы нашли в километре от бивака. Она забилась в густой орешник и дрожала всем телом. Когда к ней попытался подойти Мулеков, она дико захрапела и вздыбилась. Он едва успел увернуться от ее подков. Бойца Воробьева — подпустила без страха. «Медведь ее напугал, — сказал Мулеков, — вот и бесится, человека угробила».

У меня же сомнение стало холодить сердце. «Неужели среди нас кто-то оказался предателем?» Своими мыслями я поделился с Мулековым. По-кошачьи зевнув, он совершенно спокойно ответил, что в тайге с лошадьми такое бывает часто, от устало-

сти ваши сомнения. Кому же охота в тайге оставаться. Меня его доводы немного успокоили.

Похоронив удэгейца, мы спешно снарядились и вышли. О том, что карту охотника я вечером перерисовал к себе в дневник, решил никому не говорить.

Вышли. Направление я взял СЛУ. Это совпадает с картой удэгейца. После обеда будем идти СГ».

— Погоди, Таня, — дед Торбеев взял свой уголек, пододвинул бересту: — Повтори буквы.

— Взял направление СЛУ, а после обеда СГ.

Торбеев отметил что-то на своей берестовой карте, положил уголек на стол.

— А ведь Хорек угробил удэгейца. Кровопивец поганый! — Дед потрогал опять разболевшееся плечо: — Был бы я помоложе, не ушел бы Хорек от меня, расквитался бы я с ним сполна. Собаку я зря тогда в сарайчик запер. Она как чуяла — визжит от злости, доски кусает.

В избышке стало тихо. Слышно только было, как за дверью на крыльце повизгивает во сне спящая дедовская собака Гильза. Может быть, ей снилась погоня за зайцем, а может быть, схватка с медведем или коварной рысью.

«Вчерашний день был удачным, прошли верст сорок. Вышли на ручей. Я сориентировался. Его русло идет по направлению СЛГ. Отряд поведу вдоль него. Левый берег пологий. Лошади идут охотно».

Слушая, дед Торбеев делал пометки на бересте.

«Сегодня по направлению СЗ прошли около двадцати пяти верст. Последние четыре версты продвигались по кромке ущелья. Лошадь бойца Кадникова, оступившись правой задней ногой, дернулась в испуге, в ущелье посыпались камни, и она сорвалась, но сумела зацепиться передними ногами за кромку ущелья и повисла. Кадников тянул ее за повод изо всех сил, она ржала и пыталась выкарабкаться. Мы не успели опомниться, как подскочил Мулеков. Рискую жизнью, повисая над пропастью, он сумел обвязать лошадь за круп. Выскочив оттуда, второй конец веревки прикрепил к своей лошади и стал быстро погонять. Лошадь Кадникова скребла задними ногами по шершавой стенке ущелья. Наконец ее вытащили. Я осмотрел ноги

лошади. Подковы с задних ног слетели. Только благодаря Мулекову лошадь и сорок два килограмма золота были спасены».

Торбеев, колдуя над картой, переспросил Таню, какой ногой соскользнула лошадь.

— Правой, — почти в голос сказали Таня, Шурка и Тимка.

— Значится и ущелье было справа. Чует моя душа, промышлял я там, в давние времена. Почитай-ка, Танюша, еще.

«Курс держали СЗ, но, обходя горный хребет, сбились. Погода портится. Мулеков сказал, что будет снег. Лошадей погоняли не жалея. Через час горы расступились. Впереди лежало горное озеро. Наконец-то мы на правильном пути. Об озере упоминал удэгеец. Мулеков оказался прав, началась легкая метель. Проходя между берегом и скалами, я увидел большую пещеру. У входа в нее лежали какие-то старые кости. В глубине пещеры я обнаружил следы от больших костров. Угли были покрыты толстым слоем пыли, по-видимому, костры жгли лет сто назад. Второго выхода из пещеры не было, потому что, пройдя вглубь метров семьдесят, я не заметил сквозняка. Лошадей завели в пещеру и развьючили. У входа в пещеру разложили костер. Через неровную арку входа было видно, как тихо кружатся снежинки.

Два дня метель продержала нас в пещере. Люди мерзнут, но настоящего мороза еще не было. Обошли озеро справа. С высоты рассмотрели бесконечные цепи гор, покрытых ранним снегом. Идем осторожно. Ориентир примерный СЛУ. Если все будет хорошо, через три дня выйдем на водораздел. Там можно ориентироваться по ручьям. Воробьев говорит, что за водоразделом можно встретить стойбище охотников. Ему кажется, что в детстве с отцом он там бывал и обещал вспомнить эти места. Если вспомнит, мы спасены!..»

Половина страницы дневника была вырвана, а дальше шло синим карандашом.

«Ночь прошла очень дурно. Холод донимает людей. Многие кашляют. Лошадь Воробьева, не видя под снегом узкой щели, провалилась и упала, сломав передние ноги. Покалеченное животное я велел пристрелить. Но никто на это не решился.

Пришлось пристрелить самому. Тушу разделали с Мулековым. Мясо разложили по лошадям. Направление держу СЛГ».

На двух других страницах дневника шла какая-то совсем стертая схема.

«...Третий день идем по горному хребту. Высота огромная. Не хватает воздуха. Снега здесь нет, его снесло. Ветер пронизывает до костей. Лошади голодные, потому что под ногами только голые камни. Мы на водоразделе. Воробьев, по-видимому, действительно в детстве здесь охотился с отцом. Он сказал, как спустимся с водораздела, будут кварцевые скалы, образующие ущелье, по которому мы и пойдем. Рассказ Воробьева воодушевил бойцов. Идти стало веселее. Воробьев подкашливает. Боюсь, как бы не разболелся совсем. Направление держали СЛГ. Спускаясь, обошли трещину, и направление взяли СЛУ».

Таня осторожно перевернула ветхую желтую страницу.

«Сегодня вышли к белым кварцевым скалам. Издали они похожи на ледяные океанские айсберги. Снега здесь почти совсем нет. И хотя до вечера еще далеко, я велел разнуздать лошадей. Бедняги с жадностью стали есть желтую траву. Воробьев доволен, что вывел нас к белым скалам. Удивительная память таежников. Был, оказывается, здесь семилетним ребенком, а ведь запомнил! Завтра, по словам Воробьева, будем идти до темна и выйдем на старые гари. Примерно я приброесил направление. Надо идти СПУ.

Осмотрев лош... я наше... резким ударом...

Снег... тож... следы... не...»

Таня подняла голову:

— Стерлось все.

— Читай, Таня, на следующем листке. Здесь мой папа даже через увеличительное стекло не смог прочитать.

«...Утром мы обнаружили пропажу Воробьева. Обшарили все камни, трещины. Он исчез бесследно. Личных его вещей тоже не было.

— Он ушел, вероятно, с вечера, — сказал Мулеков.

Бойцы сосчитали лошадей. Все на месте. Кожаные сумки с золотом не тронуты.

— Может, его скараулил медведь или рысь, — сказал вслух кто-то из бойцов. Мулеков ухмыльнулся:

— А кто же вещи унес? Не медведь же?

Проводник прав.

Неужели Володя мог пойти на предательство и бросить нас на верную гибель? Нет, нет и нет. Здесь что-то другое. Может, вечером, при яркой луне, он пошел посмотреть ориентиры и заблудился? Навряд ли. Бросил, чтобы только спасти себя? Но я вспомнил, как он с двумя наганами кинулся на медведя, защищая меня. Нет, Володя предать не мог. Я сидел у затухающего костра. Один за одним возвращались люди и говорили, что никаких следов не обнаружено.

Может, пошел добыть зверя, и его нужно ждать! И бойцы молча сели у костра, ожидая товарища. И вдруг я понял! Ждать Воробьева не надо! Я приказал собираться и быстро, пока не разошелся снег, идти вперед. Думая о происшедшем, я понял, что Воробьев убит. Кто-то в отряде получил, наверное, задание белых погубить нас в тайге. Но зачем? Политические убеждения? Золото? Да. Ради него кто-то идет на преступление. Но кто? Неизвестно. Но я уверен, что он знает дорогу и, как только мы выходим на правильный путь, совершает убийство.

В скорбном молчании наш отряд медленно двинулся вперед. Отстав от отряда, я на сосне сделал засечку и написал: «Здесь убит комсомолец Воробьев». Уходим. Направление беру примерно СЛУ».

Таня вздрогнула, потому что за дверью отрывисто залаяла собака. Послышался голос:

— Гильза, Гильза! Да ты в уме ли своим?

Петька выхватил у Тани дневник, спрятал за рубаху. Торбеев ловко закинул свою берестяную карту на полку.

— Эй, дедушка, живой ты али нет?

Шурка, подскочив, открыл дверь.

— О-о-о, сколько, однако, у тебя гостей-то? — Зашла мама Любы Тороевой. — В лес иду, саранок накопать надо, да решила рану твою посмотреть.

— Спасибо, что заглянула, а то болячки опять покою не дают.

Любина мама осторожно сняла повязку, рана затянулась, но худое плечо деда было ярко-красным. Любина мама пощупала опухоль пальцем и сказала:

— Плохая это примета, шибко плохая. Чалотник надо парить да накладывать сверху, а то шибко беда будет. Сейчас я сделаю припарку. У тебя есть чалотник?

Дед рукой показал на маленький мешочек, висящий в углу на деревянном колышке.

Мама Любы Тороевой стала готовить из травы лекарство, а ребят отправила домой, но попросила вечером обязательно попроведывать больного.

— Ах, дедушка, дедушка! — говорила она. — Какого ты, однако, нехорошего человека приютил, кушал у тебя, а потом ножом.

Глава 12

Вечером к ребятам пришел Шурка Подметкин. Он чинно сел на порог, поджал босые ноги и сообщил:

— Дедушка Торбеев шибче захворал. Мама Любы Тороевой говорит, что у деда дурная болезнь от раны началась. Ему то холодно, то жарко и зовет он тебя, Петька, одного. И чтобы, говорит, взял с собой большую бумагу и карандаш, карту делать.

Петька заторопился и стал упрекать Шурку, что тот не сразу сообщил, а заходил еще к Тимке. Взяв в бабушкином комодe лист крепкой толстой бумаги и большую лепешку для деда, Петька выскочил на улицу и помчался во всю прыть. Перебегая по бревну ручей, он услышал, как, сидя на крыльце, скулит и даже слегка воет собака Гильза.

Увидев Петьку, она, вильнув хвостом, бросилась к нему, потом отскочила и стала лапами скрести дверь. Петька, не понимая, остановился. Тогда Гильза вновь подскочила к нему, схватила осторожно зубами за рубаху и потянула к порогу. Петька понял, она зовет его быстрее идти к деду.

Вместе с Петькой в избушку залетела Гильза. Радостно взвизгнув, заскочила к деду на нары, лизнула его в лицо и легла рядом. Торбеев был закутан в меховое одеяло. Казалось, он спал, но когда Петька подошел вплотную, он открыл опухшие глаза и тихо сказал:

— Худо мне, внучек, не дай бог, что приключится. Карту надобно составить. Возьми бересту мою, поставь у меня перед глазами, я тебе говорить буду, а ты рисууй.

Петька вспомнил, что в кармане у него лепешка, достал ее и предложил больному. Торбеев поблагодарил, но отказался:

— Не до еды мне, Петенька, хоть бы карту вам успеть составить.

Петька положил на стол бумагу. Торбеев, подолгу всматриваясь в берестяную карту, медленно и едва слышно говорил, куда тянуть карандашную линию: на север, на юг или на восток. На конце одной линии, идущей строго на запад, Торбеев велел поставить две буквы КС — кварцевые скалы.

Больной вдруг перестал разговаривать. Петька взглянул на него и испугался. Рука деда свесилась с нар и касалась пола, он дышал хрипло и часто. Глаза были закрыты.

Петька схватил холщовую тряпку, которая служила полотенцем, намочил ее холодной водой и положил деду на горячий лоб. Через минуту больной открыл глаза. Пощупал мокрую тряпку:

— Фу, совсем чуть богу душу не отдал.

— Дедушка, я позову кого-нибудь?

— Не надо, Петенька, теперь никто не поможет, от проклятого поранения лихоманка приключилась. Карту давай, внучок, скорее делать. Проводи линию на юг.

Петька вопросительно посмотрел на деда.

— Проводи, сынок, не пужайся. Командир написал: «шли СГ». Я разгадал вчера значение всех букв. Я тебе расскажу, а то, наверно, думаешь, что дед бредит от сильного жару. Вечером или в непогоду Биль-Былинский каждый раз пишет, что направление берет «примерно», а в ясную погоду буквицы свои ставит точно. Почему так? — Торбеев едва заметно улыбнулся: — Да потому, что буква «С» обозначает всегда солнце. Например, он пишет направление СЗ — это не значит, что северо-запад, как мы считали, а проще — солнце светит в затылок. Сокращенно и выходит СЗ. А вот СЛГ разгадывается, что солнце светит в левый глаз, а СПУ — значит, что солнце светит в правое ухо. — Дед перевел дыхание. — А когда солнышка не было, он брал примерно.

Петька был поражен открытием Торбеева. Сколько людей мучилось, разгадывало, а оказалось все очень просто. Целый час Петька, слушая указания деда, чертил карту. Особенно они

намучились с реками. Биль-Былинский называл четыре реки, текущие строго на запад, а Торбеев знал три таких реки: Малая Нахорка, Средняя и Большая Нахорка. Текли они совершенно параллельно, но откуда командир взял четвертую реку? Может, Хорек их так запутал, что они одну и ту же реку перешли два раза?

— На крайность, Петя, запомни, что Малая Нахорка от средней отделяется двумя хребтами, Средняя Нахорка от Большой — тремя хребтами. Дальше идет лощина, в конце ее — узкий коридор между скалами. — Дед попросил воды, выпил целую кружку и продолжал говорить, с трудом выговаривая слова: — Не вздумайте переваливать хребты — бесполезно. Там вечный снег, ищите ущелья, соединяющие долины Нахорок, они есть. Мне еще до революции, помнится, говорил Потапов.

Много таежных секретов передал Петьке в этот вечер старый байкальский охотник.

Прощаясь, он сказал:

— Путь тяжелый, но верный. Малая Нахорка — последний мне знакомый пункт. Дальше пойдете вслепую, но, Петя, придерживайтесь моего плана и помни мой наказ. И за меня не беспокойтесь. За мной присмотрит мама Любы Тороевой. А как только оклемаюсь, постараюсь нагнать вас в тайге.

В четверг, как и договаривались, ребята покинули поселок. О том, что они идут в поход, не знала ни одна живая душа, кроме, конечно, Торбеева. Тимка у себя дома сказал, что уходит на речку Брусничную. Мама Тимку не задерживала, потому что каждое лето он жил там, у своего деда Егора Булахова. Она была вовсе не против, чтобы сын взял туда друзей, только предупредила:

— Следи за Таней и Петькой в оба глаза, в лесу далеко от себя не отпускай.

Шурке Подметкину, когда он стал отпрашиваться, дед пробурчал:

— Живи хоть у черта на куличках, дома убытков меньше будет.

Домик Веры Ивановны Жмыхиной снова стоял сиротливый и одинокий. Окно на кухне было закрыто ставней. Дверь в дровяник подперта поленом, а калитка аккуратно завязана веревочкой. Легкий ветерок с Байкала, пробегая по пустому дворику, колыхал ромашки, выросшие у крыльца, ударялся

в закрытую дверь, на которой Петька написал: «Бабушка, ключ у Тороевых, а коза у Подметкиных».

Ласково шелестели березы, и крохотный бурундучок, как будто учуявший, что хозяева покинули домик надолго, шмыгал по ступенькам крыльца, брал в лапки прошлогодние орешки, рассыпанные кем-то, воровато оглядываясь по сторонам, быстро засовывал их за щеку и, блеснув глазками-бусинками, убегал под коряжину, лежавшую у дровяника. Через секунду появлялся снова на крыльце, прислушиваясь к тишине, легонько свистел и опять хватал орех.

Глава 13

Петькин отряд медленно продвигается вдоль хребта. Ноги скользят по наклонной каменистой поверхности. Серым дождем сыплется вниз теплый от солнца щебень. Крупные камни, задетые ногой, скачут вниз с уступа на уступ. Иногда они делают сразу большой прыжок и беззвучно летят в пропасть. Оттуда доносится слабый удар, а иногда и короткое бульканье. Тимка осторожно подошел к острому краю ущелья, посмотрел вниз и сказал, что на дне растет мох, какие-то кусты и там, наверное, болото.

«Весной, когда тает снег или при сильных дождях, по ущельям несет такой бешеный поток воды, что стволы деревьев ломаются, как спички», — вспомнил Петька рассказ Торбеева.

— Сроду в ущелине не ночуй, — прошептал Шурка. — Ежели ночью ливень, токмо и поминай как тебя звали.

Таня впервые в жизни видела горы такой высоты и речки, несущие в белой пене тяжелые камни. Впервые видела бездонные ущелья и жуткую тайгу, где дикие звери совсем не боятся человека. Почти каждый день им встречались глухари. Большие таежные птицы, разглядывая ребят, не думали улетать, а только неуклюже отбегали в сторону. Таня заметила, что у глухарей есть брови, и притом ярко-красные, хотя сами птицы черные.

Как-то утром, когда путь им преградили поваленные бурей деревья, они вдруг увидели рысь. Тимка сразу всех остановил и приказал не двигаться с места. Рысь стояла на другом конце

завала, на упавшем дереве, и, фыркая по-кошачьи, била передней лапой по стволу, сдирая когтями сухую кору. Ребята замерли. Рысь свирепела, рычала, из-под когтей горстями летела древесная труха.

— Надоть уйти, — зашептал Шурка, — у нее тут гнездо и, наверно, там дитятки.

Прыгая с одного поваленного дерева на другое, ребята сошли с завала на землю и спрятались за толстые сосны. Рысь мгновенно запрыгнула на макушку обломленного дерева и скрылась в дупле. Петька на всякий случай держал наготове арбалет. В отверстии дупла снова показалась ушастая голова рыси. Петька увидел, как мелко подрагивают кисточки на концах ее ушей.

— Злишься, нечистая ты сила! — сказал громко Тимка и заколотил камнем о камень.

Таня схватила его за руку:

— Ты что, с ума сошел?

Но Тимка продолжал стучать. И странное дело — рысь вдруг испугалась и спряталась в гнездо. Тимка засмеялся:

— Потопали. Теперь она с дерева не слезет. Я их замашки знаю.

В дупле опять заметалась голова рыси, засверкали ее глаза. От злости она кусала клыками край дупла, нехорошо редела, но с дерева не спускалась. Обходя стороной завалы, ребята быстро ушли от опасного места. Задумавшись, Таня запнулась и упала, но успела схватиться рукой за острый выступ скалы. Подскочил Петька, оттащил ее от края ущелья, помог встать:

— Потерпи, Таня, сейчас немного поднимемся и отдохнем.

Сгущались сумерки, и ребята торопились. Петька, уцепившись за полусухие кусты, первым вскарабкался на ровную площадку хребта. Таня и Тимка тоже поднялись сами, а Шурку Подметкина пришлось затягивать, он совсем ослаб. Едва ребята успели развести костер, как наступила ночь такая темная, что Тимка не велел никому отходить от костра, мало ли что может случиться. Оступись ногой или запнишься — и полетишь в бездонное ущелье. В темноте казалось, что оно совсем рядом, что его темный край начинается сразу же за костром.

Ночь. О чем-то слегка грустит большая старая сосна, поскрипывая ветками. Легкое дуновение, поднимающееся из ущелья,

подхватывает искры костра, уносит вверх, кружит их над ущельем. Языки огня, прыгая по сухим коряжинам, озаряют лица четырех маленьких скитальцев. Стоя на коленях перед костром, Шурка немигаючи смотрит на огонь. Тимка тоже задумчив. Он сидит рядом с Шуркой на траве и держит в руках Петькин заряженный арбалет. Сам Петька, отмахиваясь рукой от дыма, наносит на свою карту пройденный за день путь.

Таня сидит на обнаженных корнях сосны и читает вслух дневник командира Биль-Былинского.

«...Третий день бушует вьюга. Мокрый снег облепил нас с головы до ног, так что люди походят на белых призраков, осторожно идущих вперед. Ветер сменился, и сразу же усилился мороз. Шерсть лошадей и наша одежда покрылись ледяным панцирем. Чуть не случилась беда. Рудаков, идущий позади отряда, вдруг исчез в снежной пурге, и никто этого не заметил. Случайно обнаружив исчезновение бойца, я остановил отряд и приказал всем искать. Люди, привязав лошадей к дереву, закрывая лица от секущего снега, двинулись на поиск.

В белой мгле, ощупывая каждый занесенный снегом валун, мы прошли метров двести. Неожиданно справа послышался выстрел из нагана: Мулеков звал нас к небольшому снежному холмику. Руками разгребли тяжелый сырой снег. Рудаков лежал, свернувшись в комочек, прижав окоченевшие колени к подбородку.

Мулеков своими маленькими руками сквозь дыру в шинели стал ощупывать Рудакова. Он был живой — упал от усталости. Начали разминать тело руками, растирать лицо. Когда он зашевелился, попробовали его поднять и поставить на ноги. Но он, поджимая ноги под себя, что-то шептал посиневшими губами и снова валился. Я едва разобрал его шепот: «Не могу. Оставьте меня здесь». Пробовали тащить его волоком — тяжело, потому что сами едва стояли на ногах. На все наши уговоры он невнятно шептал: «Оставьте. Не пойду!»

— Апатия у него, — прокричал мне на ухо Мулеков. — Ему теперь все равно. Надо попробовать его напугать. Иногда помогает. — Он подскочил к Рудакову, выхватил наган и наставил в голову лежащему: — Не пойдешь, пристрелим! Ну? — Рудаков не шевелился. Только мигал от летящих в глаза снежинок. — Ну? — снова крикнул Мулеков.

Я не успел подскочить, как проводник выстрелил. Но Рудаков тотчас вскочил, глаза его теперь блестели:

— Ты чего?..

Мулеков спокойно засунул за пояс наган:

— Иначе бы ты не встал, а теперь пойдешь быстрее медведя.

И действительно, Рудаков сам стряхнул с себя снег и, не глядя на нас, пошел к ожидавшим лошадям. Мне его стало жалко. Он самый молодой. Ему только исполнилось семнадцать лет. Я хотел догнать его, подбодрить. Но Мулеков остановил меня:

— Не надо! Раскиснет от утешения, выстрелом второй раз не поднимешь...»

Таня перестала читать, посмотрела на лица мальчиков, на искры, летящие в темноте, и спросил Петьку:

— Почему Мулеков вдруг стал помогать отряду?

Петька, подумав, ответил:

— Еще в Краснокардонске один человек, который собирался с папой идти искать пещеру говорил, что Мулеков, измотав отряд, решил под конец подвести его ближе к известной ему какой-то тропе, чтобы легче было взять потом золото. Но мой папа с ним не соглашался и говорил, что Мулеков своим поступком просто снял с себя подозрение.

Таня снова наклонилась над дневником.

«Сегодня опять снег. Он летит с какой-то песчаной пылью и больно режет глаза.

Устали люди. Выбились из сил голодные лошади. Что делать? Когда подняли второй раз Рудакова, он плакал и просил его пристрелить. Возле отвесной скалы сделали привал. Изможденные лошади с хрустом жевали мелкий кустарник. Когда я сидел у костра и записывал эти строки, ко мне подошел Рудаков и предложил план спасения.

Золото он предложил спрятать в скалах. И, дав отдохнуть лошадям, отправиться верхами, вдоль русла занесенного снегом ручья. Ручей наверняка впадает в речку, а речка в крупную реку. Продвигаясь на лошадях вдоль реки, говорил он, мы обязательно подойдем к какому-нибудь стойбищу охотников.

Многие план Рудакова поддержали. Против были только двое бойцов, потом к ним присоединился Мулеков. Я тоже

возразил. Но сама идея Рудакова навела меня на решение, как я понимаю, единственно возможное. О своем решении пока записывать не буду.

Мулеков удивляет меня своими способностями. Ночью, когда согревшись у костра все спали, он своим длинным кинжалом вырезал из толстой лошадиной шкуры унты. Заготовки ловко сшил узким ремешком. Я попросил его сделать такие же унты для Рудакова. Он согласился и, горько усмехнувшись, сказал: «Скоро кожи для унтов будет сколько угодно», — и головой кивнул в сторону наших тощих лошадей, жующих кустарник. Я поинтересовался у Мулекова, почему он против плана Рудакова. Он, прокалывая кинжалом дырочку в коже, спросил:

— А как золото потом будем искать?

— Составим карту.

— Без компаса?

— По приметам. Нас же много и каждый что-то запомнит.

— Товарищ командир, вы впервые в тайге и поэтому думаете, что все закончится благополучно? Мы же все обморожены, кашляем. Лошади едва тащат ноги.

— Тогда, — сказал я ему, — мы должны принять план Рудакова.

Он с выражением горечи покачал головой:

— Командир, если мы вернемся в Иркутск без золота, нас расстреляют свои же.

— Почему?

— Разве они поверят, что мы спрятали золото?

— Поверят. Иначе не логично. Сами, выходит, украли и сами пришли на расправу.

— Время горячее, командир, разбираться не будут.

— Будут. Ведь местонахождение золота будем знать только мы. А весной приведем сюда людей и докажем свою правоту.

Мулеков втянул голову в плечи:

— Золото нужно республике сейчас, а не через год.

— Что же ты предлагаешь? — спросил я его.

— Идти! — Он отложил в сторону готовый унт. — Идти, насколько хватит сил. А план Рудакова, — он с силой воткнул кинжал в коряжину, — план труса. Шкуру свою спасать, не думая об ответственности за порученное дело. Если бы все ручьи

вели к цели, мы бы давно были в Иркутске. И не хоронили бы здесь своих людей».

В дневнике одна страница была кем-то оборвана. Перевернув оставшуюся половинку листка, Таня продолжала читать:

«...Глядя на меня, он сказал тихо, что в смерти Рудакова по-дозревать никого не надо. Он сам искал смерти и, по-видимому, специально лег ночью подальше от костра, чтобы замерзнуть и не мучиться. «Если он сделал это нарочно, то его поступок достоин презрения», — сказал я бойцам у его могилы.

А если тут опять рука предателя?

...Вечером пришлось пристрелить лошадь, самую, в общем-то, крепкую. Поскользнувшись, она перевернулась на спину и сломала себе шею. Груз распределили на...»

Несколько слов стерлись, но ясно было указано направление маршрута — С Г.

Потом шли неровные строчки.

«Сильный мороз. Вокруг голые скалы. Согрелись только у костра. Мулеков подбадривал всех тем, что ночью слышали шум незамерзшей еще реки. Стали торопиться. Лошади скользили, падали. Их поднимали и погоняли снова. Река — спасение и для лошадей. На берегу под снегом может быть сухая трава. У меня очень болит голова, начался кашель».

Через страницу шла запись графитным карандашом, она была, пожалуй, самая длинная из всех, которые делал командир Биль-Былинский.

«Река здесь, по-видимому, замерзнет только при сильном морозе. Правда, забереги в одном месте почти касаются друг друга. Грохочут водопады, их три. Речка пенистая, широкая, но неглубокая. Левый берег высокий и ровный, как стол. Снег там мелкий. Местами даже видно желтую траву.

Видно пещеру, в которой можно переночевать. Но как туда, на этот левый берег, переправиться? А переправляться надо, потому что наш берег заливает наледь — ледяная каша из снега, воды и кусочков льда: ее Мулеков называл шугой, она обходит наш отряд и сзади. Есть опасность, что ночью эти два потока соединятся, и мы будем отрезаны от тайги. Для нас это значит смерть. Свою мысль я высказал вслух. Но никто, даже Мулеков, не про-реагировали. Все лежали возле своих лошадей, тяжело дышали

и не могли себя заставить встать. Тогда я громко, насколько позволил мне хриплый голос, приказал: «Будем переправляться на тот берег». Но никто не шевельнулся. Я стал уговаривать людей. Но все, абсолютно все молчали и на меня смотрели, как на сумасшедшего.

Илья Холомянский, державшийся всегда бодро, здесь от усталости заснул. Я стал его будить. Одежда на нем совершенно прохудилась. Местами видать голое тело. «Здесь мы замерзнем, нас зальет вода!» Но ничего не помогало. Мулеков тоже был против переправы. «Отдохнем, командир, идти я больше не могу, — заявил он мне.

Я смотрю на лежащих в снегу бойцов, на покрытых инеем лошадей и не знаю, как их заставить встать. Они понимают, что это конец. И Мулеков понимает, что смерть всего отряда неминуема, но, видать, всему бывает предел, человеческой выносливости тоже.

Тогда я решил показать людям пример. Разгрузив одну из лошадей, я положил сумку с золотом на две другие, более сильные. Связал лошадей вместе. С трудом забрался на первую и стал погонять ее к ледяной кромке реки. Хрупкий лед крошился под ее ногами, и она не захотела идти в воду. Я понукал ее, но, сунувшись в холодную жижу, она пятилась назад. Лошади, привязанные сзади, тоже сопротивлялись. И тогда я впервые рукояткой нагана ударил лошадь по крутому крупу. Она пошла. Вода была лошадям только чуть выше колен. Но сильное течение заставило их сопротивляться. У меня от температуры кружилась голова, и я боялся упасть с лошади. Посередине реки все три лошади вдруг заупрямились, захрапели, задержали головами. Сначала я подумал, что там, в темной воде, они почувствовали глубину и стал погонять. Но они еще яростней затоптались на месте. Я видел, что на конце хвостов у них образовывается ледок, почувствовал, что лошади слабнут, и прыгнул в холодную, парившую на морозе воду. Взял лошадь под уздцы и, скользя ногами по камням, вывел их на правый берег. От мороза промокшие ноги стало сводить. Я сдернул разбитые сапоги и хотел выжать воду из своих ветхих портянок, но они на морозе сразу же заледенели. Тогда я пробежал к скалам босиком по снегу, нарвал сухой травы и, растерев ноги,

обмотал их, надернул сапоги. Подскочив к лошадям, я сбросил груз, развязал уздечку. Подрагивая шкурой, лошади стали с жадностью щипать траву, присыпанную немного снегом.

Возле скалы окоченевшими руками я собрал сухой мох, он здесь висел на скале, как огромные бороды великанов. Я сумел поджечь его. И прямо в огонь сунул руки. Куча еще тлела, а я, уже отогрев руки, набросил сверху сухих веточек, а потом положил большую смолистую коряжину. Пламя рванулось вверх. Я стал кричать на тот берег. Но люди не шевелились. Тогда я перенес костер под самую скалу, где лежало несколько стволов сухих деревьев. Огонь, крутясь от ветерка, лизал скалу, прогревалась земля. Из переметной сумы, снятой с лошади, достал несколько кусков замерзшего, как камень, лошадиного мяса. Разложил их на горячие камни возле костра. Через минуту запах жареного мяса пополз на тот берег. Люди зашевелились.

Переправа прошла, в общем-то, удачно. Если не считать, что мне второй раз пришлось лезть в холодную воду. Дело в том, что Мулеков нечаянно на перекате уронил в воду сумку с моими документами и с этим дневником, который я сейчас заполняю».

Таня перевернула страничку дневника.

«Ночь прошла хорошо. Земля, прогретая костром, грела спины, скала тоже отражала тепло в нашу сторону. Лошади подзаправились неплохо, бока у них поднялись. Ночью они почему-то храпели. Утром я пытался выяснить, что их пугало, но никаких следов не обнаружил. Только в сером рассвете летали над нашим биваком четыре вороны. Три больших и одна маленькая, которая постоянно каркала. Ворон я невзлюбил. Они появлялись над нами перед тем, как погиб удэгеец, каркали они незадолго перед смертью бойца Воробьева, совсем низко летали перед гибелью Рудакова. Видя, что люди уже проснулись, я решил прогнать наглых вестников беды. Хорошо прицелившись из нагана, я выстрелил. Тяжелым эхом ответили холодные скалы. Маленькая ворона, крутясь в воздухе, полетела вниз и упала возле меня. Тут же я услышал крик бойцов. Обернулся. Прямо на меня несея огромный медведь. Почти не целясь, я выстрелил и хотел отпрыгнуть в сторону, но поскользнулся, и в тот же момент медвежья туша рухнула на меня и заскребла огромной

лапой почти у самого моего лица. Направив ствол нагана вверх, я опять выстрелил. Туша дернулась и затихла. Подскочившие бойцы вытащили меня. Медведь лежал, разинув совершенно беззубую пасть. Он был тощий. И больше походил на скелет, обтянутый шкурой. Шатун. Сняв шкуру, мы стали пробовать мясо. Оно было с таким неприятным запахом, что есть его никто не стал. Бросив тушу и свернув шкуру, мы стали упаковываться. Три большие вороны, не боясь нас, сидели и клевали мясо больного медведя».

И снова шли торопливые строчки, командир, по-видимому, опять нервничал.

«...Второй день идем вдоль берега. Река стала шире, глубже. «Та ли эта река?» — спрашиваю у Мулекова. Он, виновато мигая, ответил, что сам теперь во всем сомневается. Мороз крепчает. И опять новый сюрприз: река разъединилась на сотни ручейков и уходит куда-то в скалы. Снег стал сыпучим как песок».

Следующий день был записан почему-то синим карандашом, и читать было трудно.

«Сижу у костра. Закутавшись в лохмотья, спят бойцы. Меня знобит. Тощие лошади грызут кору у звенящих от мороза сосен. Теперь я понял, что нам не выйти. Лошади падают от истощения. Сейчас здесь, у костра, я должен что-то решить. Мысль, подсказанная Рудаковым, не дает мне покоя. Где-то в горах бухают громы — это деревья лопаются от мороза. Сегодня утром я скажу свое решение бойцам».

Вдруг Таня вздрогнула. Петька и Шурка вскочили на ноги и тоже посмотрели в сторону ущелья. Тимка Булахов, повернувшись на траве, поднял в руках заряженный арбалет. Из темноты ущелья явственно доносилось какое-то силовое дыхание. Как будто оттуда, по крутой стенке, поднимался запыхавшийся человек.

Ребята замерли, устремив взгляды в темноту. Там посыпались камушки, и наступила такая жуткая тишина, что Таня слышала даже, как бьется сердце.

— Тимка, что это? — шепотом спросила она.

— Не знаю, может, горный козел подходил.

— Тимка, а может, медведь?

— Не-ет, — неуверенно ответил Тимка. — Медведь, он непременно бы, уходя, рывкнул.

Петька вдруг снова поднял кверху палец. Ребята прислушались, но на этот раз ничего подозрительного не услышали. Шурка спросил тихо:

— Петька, а ежели нас Хорек скрадывает? — Шуркины слова показались страшными, и ребята снова посмотрели в пугающую темноту.

Тишина. Только слегка поскрипывает старая сосна. Таня повернулась к костру:

— Ребята, я думаю, дневник командира и наши карты надо на ночь прятать под какой-нибудь камень. Если нас сонных захватят, чтобы ничего не нашли.

Шурка, Петька и Тимка с уважением посмотрели на Таню.

Страх у Тани действительно прошел. Она подняла с травы дневник командира.

— Давайте дочитаем до конца, осталось всего несколько листочков.

Мальчики снова придвинулись к костру.

«Сегодня последний день нашего каравана. Бойцы об этом пока не знают. Морды и ресницы лошадей покрылись инеем. Бедные животные, им тяжело дышать. Река снова появилась, но теперь слева от нас. А может, это другая река? Сейчас я меньше всего смотрю вперед на заснеженную тайгу, я шарю глазами по скалам, мне нужно найти там, на неприступной высоте, небольшую пещеру. Справа, рядом с нами, тянется стена горного массива. Сейчас...»

Только в конце страницы Таня разобрала несколько строчек:

«Почти под самыми облаками прямо в отвесной стене — пещера. Она неприступна ни человеку, ни зверю. Я оставил отряд прямо под скалой. Пещера находилась над нами. Бойцы недоуменно смотрели на меня. Подошел Мулеков.

— Командир, почему остановились? Мы теперь на правильном пути. Надо торопиться.

Когда вокруг меня собрались все бойцы, я обратился к ним:

— Товарищи, мы везем золото, принадлежащее Советской Республике. Нас преследуют мороз, голод. Лошади без

кормов долго не протянут. Может случиться так, что упадет сразу несколько лошадей. Куда мы переложим золото? Сложить под первую попавшуюся кочку, чтобы потом потерять навсегда? Чтобы оно доступно было врагу?

Подошел Мулеков.

— Что же, командир, придумал?

В его голосе слышалось неподдельное волнение.

— Мы обязаны сохранить золото для республики, поэтому должны спрятать его в надежном месте. — Я рукой указал вверх, на пещеру, находящуюся в облачной выси. Мулеков неприятно улыбнулся:

— Как же мы заберемся, чтобы там сложить мешки с золотом?

— Что-нибудь придумаем, — ответил я (свой секрет раньше времени раскрывать не хотелось).

Приказал разгружать лошадей. У костра, невдалеке от намеченной мною скалы, мы кое-как отогрелись. Был полдень, но мороз не сбавлял. Я спросил у Мулекова, сколько примерно градусов. Он, задумавшись, чего с ним никогда не бывало, не расслышал моего вопроса и попросил повторить. Посмотрев по сторонам, быстро ответил:

— Градусов пятьдесят будет.

Лошади стояли понуро, не пытаясь даже искать под снегом траву. А может, они чувствовали свой ужасный конец. Бойцы отогрелись, и я открыл им свой замысел. Они не верили тому, что я им сказал, и глядели на меня, как на человека, потерявшего рассудок. Мулекова стало трясти, словно в лихорадке:

— Командир, что это даст нашей республике?

— Во-первых, мы сохраним людей, во-вторых, спрячем золото в одном месте, недоступном человеку и запомним координаты. По нашему маршруту придет экспедиция со специальным оборудованием и снимет золото. — Я указал на большую поляну слева: — Там можно даже сесть на аэроплане.

Бойцы продолжали молчать, глядя то на меня, то на лошадей. Мулеков подсел ко мне совсем близко:

— Командир, отмени приказ. Я вспомню дорогу. Мы будем двигаться насколько хватит сил, а там уже спрячем. Ко-

мандир, отмени, — он умоляюще сложил руки на груди.

Бойцы продолжали молчать. И я повторил им свое страшное, но единственно правильное решение:

— Мы сейчас уьем лошадей, будем рубить их на куски и теплое мясо примораживать к скале. Поднимаясь по примороженным кускам, как по лестнице, будем намораживать все выше и выше, пока не доберемся до пещеры. Потом один человек спустит оттуда веревку, связанную из уздечек. Здесь, внизу, мы будем привязывать к веревке мешки с золотом, а он их будет поднимать наверх и там складывать.

Мулеков нервно ходил вокруг костра и вдруг спросил:

— Командир, а как же он из пещеры спустится обратно, уставший и замерзший?

— Привяжет там веревку и спустится по ней.

Мулеков, видно, испугался, что я его пошлю лезть в пещеру и отговаривал меня всячески:

— Командир, мы спрячем золото и уйдем, а по нашим ступенькам и по веревке вдруг кто-нибудь залезет?

— Не залезет. После себя мы не оставим никаких следов. Разведем под самой скалой огромный костер, — и веревка сгорит, и ступеньки оттают, и упадут на землю. А самые верхние весной отвалятся.

На маленьком лице Мулекова я прочел какое-то непонятное мне отчаяние. Бойцы по моему приказу мешки с золотом сложили к подножию скалы. Будет ли примерзать мясо? Стараясь не смотреть на стоящих рядом лошадей, я прошел к скале и, поплевав на обшлаг шинели, прислонил его к скале. Через мгновение потянул обратно и не смог сразу оторвать. К скале подвели самую худую лошадь, покрытую инеем.

— Кто будет стрелять?

Но бойцы, те бойцы, которых я знал в бою, которые, не страшась пулеметного огня, шли в штыковую атаку, вдруг опустили глаза. Я понял, что ни у кого из них рука не поднимется на беззащитное животное.

Я выстрелил лошади в лоб. Она сразу же упала. Мулеков, видя, что я не отступил от своего плана, вдруг переменялся. Нервозность у него прошла, он вышел из-за сосны и, помогая мне, работал как фокусник своим кинжалом. Я подносил ква-

дратные куски к скале и с силой прижимал. Они мгновенно примерзали. Пока я нес следующий кусок, этот превращался почти в чугун.

Я стал осторожно ставить ноги на ступеньки. Один из бойцов поддержал меня. Я уже поднялся по ступенькам на два метра от земли, когда почувствовал, что руки мои совсем окоченели. Меня сменил Мулеков. Маленький, юркий, он спокойно держался на ступеньках без всякого страха. Нагибался, принимал кусок из рук тоже поднявшегося по ступенькам бойца и прижимал. Уже трое бойцов висели на ступеньках.

Вечерело. Усилился мороз. И я приказал прекратить намораживание ступеней. Ночью, высунув голову из-под лошадиной шкуры, к удивлению своему, увидел я, что Мулеков, сидя у костра, что-то чертит на бересте. Заметив меня, он быстро положил бересту возле костра и тревожно сказал:

— Командир, волки воют, как бы не напали на нас.

— Спите, — сказал я, — сюда они не придут, им хватит остатков от тех лошадей.

Грызня у скалы становилась яростней. Мулеков пошел по направлению к пещере и выстрелил из нагана два раза. Пока он ходил, я, немного выбравшись из-под шкуры, дотянулся рукой до бересты, на которой он что-то рисовал. Посмотрев, я вздрогнул. Линиями были обозначены три речки, по которым мы шли последние дни, хребты и скала, на которую мы намораживали ступени.

Странно. Я же приказал никому не составлять карт. Может, Мулеков боится, что я потеряю свою запись и золото пропадет? Бересту я быстро бросил в огонь и этим напугал лошадей. Они шарахнулись, задели ногами запас валежника, и он упал в костер, взметнулось пламя. Я залез снова под шкуру и видел, как Мулеков, вернувшись, шарил вокруг костра и, не найдя бересты, сердито ударил кулаком по морде лошади и выругался. Завтра, как только загрузим пещеру, бойцам скажу свое второе решение».

Дальше Таня не смогла читать, текст был залит, а посередине листа зияла дыра с рваными краями.

— Петька, а сколь танков можно наделать на золото, которое мы найдем? — спросил вдруг Шурка.

Посмотрев на черное небо, на котором сигнальными огоньками мигали большие звезды, Петька не очень уверенно сказал, что построить можно целую танковую армию.

— Петька, а сколь их в армии?

— Наверно, тысяча танков, а может, и больше.

— Тысяча! — раскрыл широко глаза Шурка. — А ежели...

Он не договорил, потому что Тимка вдруг прислушался. Ему показалось, что совсем рядом с ними хрустнула сухая веточка.

— Тимка, слышь, опять кто-то.

— Зверь, наверно, шарится. Давайте все вместе закричим, он от испуга уйдет.

В четыре голоса ребята закричали:

— О-о-о-о-о-го-го-го!

Послышался легкий треск. Ребята опять закричали. Шурка, чтобы скрыть свой страх, кричал громче всех: «О-о-го-го-го-о-о!» Прокричав несколько раз, прислушались. В тайге наступила тишина.

— Давайте спать, — сказал Петька, — а дневник я сам дорасскажу завтра.

В стороне от костра, где свет падал на небольшой валун, ребята спрятали дневник командира и карты своей экспедиции.

Свернувшись маленькими комочками у костра, ребята уже засыпали, когда Шурка спросил:

— А как мы будем сымать золото?

— Спи, Шурка, придумаем что-нибудь!

Но Шурка сквозь сон опять спросил:

— Петька, а ежели Мулеков за нами крадется?

— Пусть идет, а встретимся, арестуем.

— А мы одолеем его?

— Одолеем, Шурка, нас же четверо!

Немного помолчав, Шурка снова спросил:

— А у него пистоль есть?

— Спи ты, есть, конечно. У шпионов у всех пистолеты есть. Но мы его все равно арестуем, обманем как-нибудь и арестуем.

Через несколько минут ребята крепко спали. Ночной предрассветный ветерок тонким голосом гудел в глубоком ущелье.

Глава 14

Тимка проснулся первым. Ему очень жгло спину. Спросонья он подумал, что слишком близко подкатился к костру. Встал на коленки, посмотрел на небо и быстро вскочил. Прямо над ними висела тяжелая черная туча, Ее края клубились белыми барашками. Вторая туча, еще больше этой, мягко плыла в синем небе навстречу первой. Лес и горы стояли притихшими. Птицы тоже умолкли. Тимка стал будить ребят:

— Поднимайтесь живей. Драпать отсюда надо.

Таня и Петька, проснувшись, посмотрели на небо и сразу поняли всю опасность. Шурка никак не хотел просыпаться. Он перевернулся на спину, на теплые от солнца камни, что-то пробормотал и снова заснул. Тогда Петька и Таня взяли его за руки, подняли и посадили. Шурка открыл глаза, посмотрел на ребят, повалился на бок и опять заснул. Таня стала трясти его за плечи:

— Не смей спать!

Но Шурка, бормоча про какую-то шапку, крепко спал. Подскочил Тимка и выплеснул на Шуркину голову холодную воду из котелка. Шурка вскочил на ноги, протер глаза и спросил почему-то шепотом:

— Драпать надоть, да?

— Засоня! Гроза идет. Ливнем нас смоет.

— Тимка, не ругайся, я живо соберусь!

Ветер раскачивал кроны сосен. Огненный шар солнца наполовину утонул в чернильной мгле. Запахло хвоей и цветами.

Дети бежали вниз. Тонкой змейкой сверкнула молния. От удара грома вздрогнули деревья. Почти рядом с ребятами сорвался кусок скалы и, разваливаясь, полетел в ущелье.

— Тимка! — закричал Шурка Подметкин, — в низину нельзя. Нас водой уволочет.

— Совсем вниз мы не пойдем.

— А куда?

— В ту пещеру, которую вчера на подъеме видели.

Небо продолжало темнеть. Казалось, что наступает ночь. Когда второй раз ударила молния, ребята были в нескольких шагах

от пещеры. Из расселины вылетела птица с длинным клювом и, мелькнув в воздухе, камнем полетела в ущелье. Опять ударил гром, сотрясая старые горы. Забежав в темноту пещеры, ребята побросали вещи, выскочили обратно собрать немного валежника для костра. Гроза развернулась с полной силой. С неба лились потоки воды. Пещера дышала сыростью и холодком. Мимо пещеры по уступу неся пенистый ручеек. Шурка выглянул наружу, дождь был теплый. Таня тоже подошла к выходу и подставила ладошку под упругие струи дождя.

Дым от костра наружу почему-то не выходил, а скапливался под потолком. Его накопилось так много, что стало пощипывать горло. Вдруг огромная молния, похожая на десятикилометрового Змея Горыныча, осветила белым светом испуганные глаза ребят. Страшный грохот потряс скалы. С потолка пещеры посыпался песок, казалось, что она разрушается. С криком Шурка вскочил и бросился из пещеры под ливень. Петька с Тимкой ринулись за ним, поймали его и мокрого притащили обратно.

Второй удар грома потряс горы. В воздухе перед входом в пещеру промелькнули какие-то черные куски. Один с силой ударил в гранитную кромку входа. Ребят обдало брызгами и мелкими чешуйками древесной коры, обломки дерева сразу же подхватил пенистый поток и понес в ущелье.

— Не трусьте, — прокричал Тимка, — пещера не завалится.

Таня смотрела на град летящих в ливне камней и слушала, как в ущелье, перекрывая шум ливня, надрывно гудит ветер.

Удары грома становились все слабее и слабее, а когда совсем стихли, стало слышно, как шуршит дождь по зеленым листьям. Ручеек возле пещеры превратился в мутный поток, несущий зеленые ветки и небольшие камни.

Посветлело небо, и ребята, успокоившись, сели около костра. Таня, достав из мешка две лепешки, с треском переломила их и подала каждому по куску. Сквозь мелкую сетку дождя было видно, как над вершинами гор медленно поднимается легкий туман.

Ребята, притихшие от пережитого, сидели, не шевелясь, и слушали Петьку. Он рассказывал о последних трагических днях командира.

— ...Когда наморозили все ступеньки, в живых осталось четыре лошади. Биль-Былинский приказал Мулекову разы-

скать под снегом и собрать лошадям хоть немного травы. «Эти лошади, — сказал командир, — наше спасение». Они были единственными, у которых не болели ноги и сохранились все подковы. «Слабые бойцы будут ехать верхом. А в случае надобности одна из лошадей пойдет на пищу», — так думал Биль-Былинский. Мулеков только попросил, чтоб без него не загружали пещеру. Хорек стал очень старательным, и через полчаса лошади уже жевали сухую траву. Затем Мулеков сам попросился подняться по ступенькам в пещеру. Он ловко закарабкался туда и сбросил вниз веревку. Первую сумку он едва поднял, но, когда командир хотел послать ему на помощь еще одного бойца, Мулеков воспротивился. Следующие сумки он поднимал быстро.

Закончив дело, он спустился на землю возле костра, вступил в спор, что оттаивать ступеньки не надо. «Людей здесь нет, а весной они сами упадут, и время терять не стоит», — говорил он. Некоторые бойцы его поддержали. Но командир на этот раз оказался несговорчивым. И через некоторое время возле скалы они зажгли огромный костер. Но скала нагревалась медленно и ступеньки стали отпадывать только к вечеру. Отряду снова пришлось заночевать. Видя недовольное лицо Мулекова, командир сказал: «Золотом рисковать мы не имеем права, а упущенное время нагоним — слабые теперь поедут на лошадях».

А утром случилась большая беда. Ночью на отряд напали волки и перегрызли шеи двум лошадям. И тут командир понял, что в отряде находится лазутчик белых, это он погубил лошадей, а не волки.

— Петька, — перебил Шурка Подметкин, — а как командир смекнул?

— Командир знал повадки зверей, потому что изучал зоологию и в молодости мечтал быть ученым. Когда Мулеков сообщил о волках, командир не поверил и подумал: «Здесь на всю тайгу пахнет горелым мясом и шерстью, любой зверь уйдет, а во-вторых, зачем волкам подходить близко к костру и рисковать, нападать на лошадей, когда там, в далеких кустах, лежит целая гора лошадиных потрохов. Ведь в первую ночь, когда даже большого костра не было, волки не нападали, а жрали только потроха. И раны на шеях у лошадей больше походи-

ли на удары ножа». Биль-Былинский вслух ничего не сказал. На кого подумаешь? Ножи в лошадиной крови у всех, одежда тоже. Но то, что лошадей убил кто-то нарочно, командир не сомневался. И тут Биль-Былинский догадался, что предатель убьет всех, чтобы, подходя к тропе, остаться одному. Сборы в дорогу прошли в сомнениях. Командир искал выход: нужно перехитрить преступника. Но как?

Вскоре отряд Биль-Былинского вышел к широкой реке. Она была глубокой, еще не успела замерзнуть и парила на морозе. Командир остановил отряд и приказал лежащие на берегу сухие деревья связать в большой плот.

«Мы будем сплавляться по реке?» — спросил Мулеков. Командир посмотрел в маленькие глаза Хорька и громко ответил, чтобы слышали все: «Да, весь отряд поплывет на плоту».

Мулеков усердно стал помогать. Плот для крепости связывали кожаными ремнями и уздечками. Сверху бревна накрыли конскими шкурами в два ряда, шерстью кверху. Шкуры ловко прикрепил к плоту Мулеков. Их положили, чтобы не мочить ноги и вещи. Когда плот спустили на воду, Мулеков спросил командира, что делать с лошадьми. И тогда Биль-Былинский сказал бойцам: «Все поплывут по реке, а мы вдвоем с Мулековым поедem вдоль хребта. Кому из нас повезет, тот и сообщит в городе о пещере».

Мулеков растерялся и со злостью спросил: «Почему разделяется отряд?»

«В этом варианте, — ответил Биль-Былинский, — есть возможность кому-то остаться в живых, а значит, сообщить правительству о золоте».

Старшим по плоту командир назначил Тигунова. Ему он доверял полностью.

Петька прислушался к шумевшему дождю, помолчал, вспоминая подробности, подкинул в костер веточек.

— Отведя в сторону Тигунова, командир поделился с ним своими мыслями и незаметно передал ему наскоро сделанную карту. Остальным бойцам он тоже велел в любом случае сообщить в ЧК об отряде и рассказать обо всем, что им известно. Когда на плот погрузили мясо и длинные шесты, Мулеков стал говорить, что плохо отправлять людей «на ночь глядя». Он стал

уговаривать остаться на берегу и переночевать всем вместе. Но командир приказал на плоту развести костер и отплывать. На каменных плитах, которые положили на самом конце плота, Тугунов разжег костер и, попрощавшись, оттолкнул плот. Командир стоял на берегу до тех пор, пока плот не скрылся за далеким поворотом. Биль-Былинский и предатель Мулеков остались на берегу вдвоем.

— Петька, обожди-ка! Петька, — сказала Таня, — значит, о золоте и о пещере знают еще они, а не только Мулеков.

— Папа говорил, что о тех, кто уплыл на плоту, точных сведений нет. Рассказывали, что какой-то отряд перед самой весной вышел к Байкалу. Папа думает, что это был отряд Тигунова. Так вот этот отряд сходу вступил в бой с какими-то бандитами, в перестрелке многие погибли. А теперь о командире. Хорек ночью подвел к краю ущелья его лошадь и толкнул вниз. Свою лошадь он привязал к сосне. Вернувшись к сонному командиру, нанес ему удар кинжалом. Но во время удара поскользнулся и только ранил Биль-Былинского. Началась борьба. Командир сумел выбить кинжал и выхватил из-под кожи наган с единственной пулей. Мулеков успел, как кошка, прыгнуть за камень и закричал: «Командир, тебе все равно крышка. Лошадь твою я угробил. Отдай мне дневник и карту. Я тебе оставлю свою лошадь и уйду. А нет — брошу тебя здесь, все равно сдохнешь».

Раненый командир стал подниматься и, держа наган наготове, пошел к камню, за которым прятался Хорек. Но Мулекова за камнем уже не было. Маленькие следы Хорька шли по самой кромке ущелья в тайгу. Внимательно осмотрев заснеженные деревья и завалы, Биль-Былинский вернулся назад. Помогая зубами, кое-как перевязал себе ремнем руку. У него закружилась голова, а когда он пришел в себя, то увидел на вершине горы Мулекова, сидящего неподвижно на коне.

«Командир, — кричал он, — зря сопротивляешься! Отдай карту и дневник, получишь коня».

Биль-Былинский стрелять не стал, было далеко для нагана.

«Отдай, иначе я тебя буду преследовать. День буду за тобой идти, два дня, неделю — все равно ты сдохнешь, и золото будет мое. Я опережу твоих плотовщиков. Согласись, дело про-

играно. Отдай, а я оставляю тебе коня. Тропа вот она, рядом». Но когда командир стал двигаться к нему, он, поспешно стегая лошадь, уехал.

Шел густой снег. Пушистые невесомые снежинки обсыпали деревья. Большой, раненый командир шел вперед, держа наготове револьвер. Неотступно по его следам крался на лошади предатель.

На четвертый день Биль-Былинский потерял сознание. Очнувшись от храпа лошади, встал на колени, но Мулеков, видя опасность, опять отъехал подальше. Тогда, собрав все свои силы, командир записал события последних дней в дневник, вырвал и уничтожил некоторые страницы и записал, что попробует сегодня сделать засаду на Хорька, если до вечера не умрет.

В сумерках он разжег костер, расчистил снег и лег. А когда совсем стемнело, оставил у костра шинель, отполз за соседнюю толстую сосну и стал ждать. Мулеков подкрадывался к костру тихо и осторожно, оставив лошадь далеко в кустах. В правой руке предателя Биль-Былинский различил блестящий кинжал. Не доходя метров двадцать, Хорек спрятался за обломок скалы и нарочно хрустнул веткой. Шинель на снегу, которую оставил командир, понятно, не шевельнулась.

Мулеков вышел и стал прыжками приближаться. Как только он очутился возле костра, командир выстрелил. Хорек вскрикнул, свалился в костер, но тут же, подпрыгнув, бросился в кусты на четвереньках, волоча ногу. Командир едва выбрался обратно к костру и, взяв в руки острую коряжину, забылся. Очнувшись он утром. Кружилась голова, но он пошел по следу Хорька. След вел в распадок. На снегу, где Хорек останавливался, были пятна крови. В одном месте валялись куски окровавленной материи. Командир побрел дальше и на бугорке увидел лошадиные следы, а на березе, на нижней ветке, узелок от узды. Видать, Мулеков не в силах был развязать ремешок и отрезал его кинжалом.

Три дня брел в тайге Биль-Былинский. Рана от ножа у него загноилась и кровоточила. Выйдя к тропе, он сделал об этом запись.

Петька, вспоминая, наморщил лоб, и слово в слово повторил последние строки командира:

— «Снова показался Мулеков. В руках у него охотничье ружье. Попытаюсь спрятать документы. Нашедшего мой дневник именем революции прошу передать в органы ЧК. Золото должно принадлежать...».

Петька перевел дыхание.

— Дальше мы с папой разобрать не могли. Мулеков, наверно, убил командира, забрал его сумку и удрал.

Глядя сквозь редкий теперь дождик, на несущиеся по ясному небу облака, ребята молчали, думая о коварстве Хорька и о гибели командира. Вдруг Шурка сказал:

— А ежели Мулеков с нами встретится, он же нас угробит!

Презрение появилось в синих глазах Тани:

— Трусись, Шурка? Зачем тогда согласился идти?

Петька не дал вспыхнуть ссоре. Шевеля палочкой почерневшие угли, он медленно стал говорить:

— С Мулековым мы, может быть, и не встретимся. А если встретимся, ни слова не говорить о пещере, о золоте и вообще о всяких сокровищах, про которые пишут в книгах. Мы должны следить за ним. Ни днем, ни ночью не спускать с него глаз.

— Петька, а если он спросит, почему мы в лесу и зачем так далеко ушли от всех городов и поселков?

— Надо что-нибудь придумать.

Ребята задумались. Действительно, чем они могли усыпить бдительность Хорька? Тимка вдруг улыбнулся.

— Ты что-нибудь придумал? — спросила Таня.

Тимка поднялся на ноги и стал говорить четко, как будто отвечал урок в школе.

— Ему скажем, мы, мол, из Иркутска и удрали из детского дома.

— А если он спросит из какого?

— Надобно сказать: детский дом номер пять, — Тимка показал пять пальцев на руке. — Стоит на улице Коммунистической. Двухэтажный, бревенчатый. Покрытый зеленой краской. Ворота и заплот дощатые, покрашенные тоже зеленою. Недалече протекает река Ангара. Там остров, на нем лесопильня. Наискосок от детского дома двухэтажная школа из кирпичей, номер у нее восемнадцать. Мы в той школе не обучались. Смекнули теперь?

— Смекнули, — ответил Шурка.

— Тимка, а про детский дом — это точно?

— Точно, Петька, я там целый месяц гостевал. Моя бабушка там работает.

Петька вдруг предложил:

— Давайте, я буду как будто Мулеков и вас буду спрашивать, а вы отвечайте. — Петька скосил глаза, сделал страшное лицо и подошел к костру. — Ты откуда, Шурка?

— Мы, дядя, удрали с детского дома, с Иркутска.

— А где он расположен?

— На улице Коммунистической, недалеко от Ангары.

— Знаю, знаю, — грубым голосом сказал Петька. — Он такой каменный с балконом.

Но Шурка не поддался на уловку и ответил:

— Нет, дядя, он бревенчатый.

Таня с Тимкой, слушая их разговор, засмеялись. Петька вошел в азарт и быстро спросил:

— А мать тебя, Шурка, часто бьет?

Шурка, не чувствуя подвоха, ответил:

— Мамка не лупцует, а токмо дедушка с отцом.

Таня смеялась громче всех.

— Шурка, а почему ты в детском доме, если у тебя родители есть?

Шурка и сам понял, что попался, и смутился.

Когда ребята вышли из пещеры, ни одного облачка на небе уже не было. На ветках, на зеленых листьях сверкали от яркого солнца капли дождя. Свежий хвойный воздух слегка кружил голову. Скинув ичиги, ребята, ступая прямо в мутный теплый ручеек, снова поднимались в гору, туда, где они провели ночь. Местности они не узнали. Площадка, на которой ночевали, стала шире.

Остатки костра смыло водой. Мелкие березки и сосенки исчезли, вместо них из земли торчали только махонькие пеньки, словно кто-то безжалостно рубил деревья топором.

Таня оглянулась вокруг:

— А где сосна, которая ночью скрипела?

Вместо нее ребята обнаружили в кустах разбитый вдребезги широкий пень — все, что осталось от высоченного дерева. Метров за двести от пня стали попадаться огромные трехметровые щепки, вонзившиеся в трещины скал.

Глава 15

Петькин отряд долго шел по узенькому каменистому карнизу вдоль хребта. По карте, составленной Торбеевым, Петька знал, что скоро начнется спуск, потом несколько километров они пройдут по ложине, а там должно быть зимовье, построенное еще дедушкой лесника Потапова.

Ребята вышли из-за скалы и остановились пораженные: поперек их пути несся с грохотом поток воды. В кипящей пене крутились вырванные с корнем деревья, сшибались огромные камни. Поток образовался всего час назад от большого ливня.

Перекрывая грохот воды, Тимка прокричал на ухо Петьке:

— Надобно погодить, когда вода схлынет.

Выбрав место повыше, ребята усадились среди валунов и стали ждать.

— Собака! Смотрите, овчарка! — закричала Таня.

В волнах показалась голова собаки, снова исчезла и снова показалась. В огромной пасти она держала щенка. Всмотревшись, Тимка сказал:

— Не собака это, а волчица, волчонка выручает.

Волчица, не замечая ребят, изо всех сил гребла к торчащим из воды камням. Волны накрывали ее голову, и тогда волчонок тонко визжал по-собачьи. Наконец волчице удалось уцепиться за шершавый камень. Она подтянулась, но залезть на камень у нее не хватило сил. Тогда она подняла голову, напряглась, заколотила задними ногами и сумела затолкнуть волчонка на камень, туда, где не доставала вода. Сама от камня не отцеплялась, а, положив на него голову, отрывисто дышала. Щенок от страха полез было к ее голове, но она так рывкнула, что он отпрянул и свернулся клубочком на высокой верхушке камня. Новый поток воды оторвал волчицу. Теперь, когда в зубах у нее не было тяжелого груза, она быстро приближалась к суше. Вот она ловко взобралась на плывущее дерево, пробежала по нему и, оттолкнувшись всеми четырьмя лапами, прыгнула на берег; промчалась вверх по течению и, встав против камня, на котором сидел волчонок, предупреждающе зарычала ему. Он визгливо, по-щенячьи, ответил и еще плотнее прижался к камню. Волчица успокоилась, отряхнулась от воды и тут только увидела ребят.

Она слегка по-собачьи присела, потом легла в траву, быстро на животе поползла к куче камней и спряталась.

— Не глазейте в ее сторону, — сказал Тимка, — она трусит за волчонка.

Постепенно вода в потоке стала убывать, оголялись большие камни. Из-за кучи щебня зорко следили за волчонком глаза старой волчицы.

Ребята отошли подальше от берега, чтобы не пугать зверей, и разговорились о том, кто лучше плавает.

— Я плохо плаваю, — сказал Петька. — А Таня не умеет совсем.

— А я, — хвастливо сказал Шурка, — перемахнул бы Байкал, ежели бы вода была теплая.

— Врешь ты, наверно?

— Ей богу не вру, спроси Тимку.

И Тимка подтвердил, что Шурка действительно плавает лучше всех. Шурка от похвалы зарделся и стал рассказывать, как он в Байкале проплыл целый километр, правда, потом болел воспалением легких.

— А зачем ты плыл в такой холодной воде?

— Штормом лодку опрокинуло, она разом на дно. Я испугался и махнул к берегу. Едва выбрался, лежу и дышу, а дед Подметкин наскочил и давай меня лупцевать, и в воду скидывать, доставай, мол, лодку. — Шурка горестно вздохнул: — Не смог я достать, глубина там была, не дай господи!

— Смотрите! — зашептала Таня. — Волчица опять встала!

По обмелевшему потоку прыжками, поднимая тучи брызг, старая волчица подскочила к камню и, схватив за шиворот волчонка, серой стрелой вылетела на берег. Выпустила сына, отряхнулась и побежала к высоким кустам. Волчонок неуклюже бежал за ней, слегка косолапя.

Ребята, наблюдая за волчицей, не заметили, как ниже по ручью легкой тенью прыгнул с уступа и перелетел через поток человек. Взглянув в сторону ребят, он мгновенно исчез в кустах.

Когда ребята перешли ручей, им пришлось надеть ичи-ги, босиком идти стало невозможно: склон горы был завален кучами дробленых белых камней. На солнце их острые края блестели как кусочки весеннего льда. Ребята, прыгая с камня

на камень, внимательно смотрели по сторонам, но зимовья, о котором говорил Торбеев, нигде не было. По карте получалось правильно, а на самом деле слева вместо зимовья началось болото, а за ним опять шли каменистые белые кучи. По компасу определили направление, и Петька решил вести свой отряд через болото.

— Оно от дождя совсем жидкое сделалось, как бы не затянуло нас?

— А мы, Таня, по краю попробуем, может, и пройдем.

Пекло солнце. Тихо посвистывали кулики. Чавкала теплая болотная жижа под босыми ногами ребят. Первым шел Петька, последним Шурка. Когда вода стала доходить до пояса, а жижа все крепче затягивать ноги. Петька свернул вправо к одиноко торчащей среди болота сухой сосне, без веток. Собравшись на крохотном затопленном островке, ребята не знали, что делать дальше. От твердого каменистого берега их разделяло теперь настоящее озеро, по которому торопливо проплыла серая утка с выводком крохотных утят.

— Шибко глубоко, — сказал Тимка, — не перейти.

Петька молча подошел к сосне и стал ее раскачивать. Она только дрожала, но не гнулась, потому что была совершенно сухая. Тогда ребята нажали на нее все вместе, и она, лопнув внизу, стала падать. Треск сосны напугал утиную стаю, селезень, крикнув в кустах, взлетел в воздух. Выгнув над озером дугу, он мелькнул прямо над ребятами и плюхнулся тут же в двух шагах.

— Не отвлекай нас, — сказал Петька, — твои утята нам не нужны.

Из мешка Петька достал веревку, привязал один конец к сосне, лежащей в воде, и повернулся к Шурке.

— Ты сможешь переплыть озеро?

Шурка посмотрел на воду, слегка рябившую от тихого ветра:

— Перемахну, тут вода теплая.

Он снял рубашку, передал ее Тане, поднял повыше гачи штанов, обвязался веревкой и смело шагнул в воду. Он плыл быстро, на полную длину выбрасывая руки из воды. Тонкая веревка тянулась вслед за ним. Петька руками держал ствол

дерева, чтобы он не уплыл за Шуркой. Когда Шурка вылез на каменистый берег, Таня спросила, сможет ли он вытянуть сразу двоих — ее и Петьку?

— Неча делать, — прокричал Шурка.

Переправились быстро. Таня и Петька держались за сосну, которую на веревке тянул Шурка. Тимка плыл сзади и придерживал мешки с вещами, лежавшие на древесном стволе. Выбравшись на высокий берег, ребята сразу же взяли направление на круглую, как вулкан, красную гору.

Было жарко. Желтые мелкие мушки назойливо вились перед самым лицом. Давно взмокли спины. Хотелось пить. Но ни зимовья, ни холодного ключа, о котором говорил Торбеев, не было. Стало ясно, что где-то они сбились с маршрута.

Начались россыпи. Лес стоял безмолвный и черный: на деревьях ни веток, ни листьев. Он был словно заколдованный, не росла трава, не пели птицы, и даже назойливые мушки перестали виться перед глазами. Тимка сказал, что на этих местах два года назад, а может быть и больше, бушевал лесной пожар.

Вдруг Петька поднял кверху руку. Ребята притаились. Впереди на черной лужайке странно вела себя лисица. Она вставала на задние лапы и, стоя столбиком, махала головой, потом пригибалась, как кошка, и прыгала на несколько метров вперед, распушив в воздухе хвост. Лисица хватала что-то на земле. Сверкали ее белые зубки, и она опять вставала столбиком, рассматривая полянку и кустики.

— Тимка, почему она так танцует? — шепотом спросила Таня.

— После расскажу, поглядим еще.

Но лисица, услышав голоса, развернулась на месте. Мелькнул ее огненный хвост, качнулась какая-то обгоревшая былинка, и хищница исчезла.

Тимка объяснил:

— Она не танцует, а мышей ловит, мышкует. Встанет столбиком и выжидает, когда мышка выскочит из норки.

Горелый лес кончился. Сразу за журчащим ручейком пошел березняк. Огонь пожара сюда не проник, и земля была покрыта сочной зеленой травой. Раскаленными углями виднелись в траве нежные сибирские цветы — жарки.

Солнце медленно садилось за соседнюю небольшую гору. Справа, где к березам подбирался вплотную темный ельник, начинали сгущаться сумерки. На смену жаркому хвойному дыханию потянулись из распада струи прохладного воздуха.

Где же зимовье? Петька взобрался на обломок скалы, похожий на черный айсберг, и огляделся: зимовья нигде не было. Шурка прищурил глаза:

— Поди, его вовсе и нет. Торбеев сам...

Тимка перебил:

— Торбеев врать не станет. Он не как твой дед! Сыщет ягоду в одном месте, а скажет, что собирал в другом. Люди идут туда, а твой дед глазеем им вслед и лыбится, и прищуривается ехидно, как ты.

Шурка опешил. К нему на помощь поспешила Таня.

— Что же вы в тайге ругаться вздумали. Шурка не виноват, если у него такой дед. Сам-то Шурка хороший, а от усталости мало ли что можно сказать.

Петька спрыгнул с каменного айсберга:

— Ждите! Я пробегу по распадку.

— Захвати арбалет! — успел только крикнуть Тимка.

Петька не ответил, лишь слышалось легкое потрескивание валежника.

— Зря он пошел один, тайга-то тут чужая, — с досадой проговорил Тимка.

Не чувствуя Таниного беспокойства, Шурка стал рассказывать, как у отца Любы Тороевой однажды случилось несчастье — на него напал медведь.

— Летом разве медведи нападают?

— Знамо дело, токмо не все медведи, а хворые, которые к осени шатунами делаются...

Таня, не дослушав, решительно встала, взяла арбалет.

— Я пойду искать.

Тимка крепко схватил ее за руку.

— Ночь подступила, где же сыщешь? Маленько с Шуркой поорите, а я костер разожгу на камне, он издали приметит.

— Пе-ть-ка! Мы здесь, Петь-ка-а! — кричали Таня и Шурка.

Но из наступившей темноты не доносилось ни звука. Только пустынные горы вторили раскатистым эхом. Ребята

прислушивались. И снова над тайгой неслись два тоненьких голоса: «Пе-ть-ка! Где ты! Пе-ть-ка-а!»

Тимкин костер наверху, на Черном камне, как ребята называли позднее этот обломок скалы, быстро разгорался. Стоя перед ним на коленях, Тимка дул изо рта со всей силой. Когда пламя поднялось высоко, он осторожно спустился вниз.

— Не кричите теперь. Огонь видится далеко.

Таня стала уговаривать пойти искать. Но Тимка неожиданно спокойно сказал:

— Ныне лето, не зима — не зачоченеет, а утром сыщем. Хуже будет, ежели впотьмах все разбредемся.

Забравшись к костру на Черный камень, Тимка, Таня и Шурка кричали, долго аукали, но Петька словно растворился в чернильной темноте.

Пылал костер. Внизу о чем-то задумалась тайга. Шурка Подметкин, сжавшись, печально смотрел на огонь. Только Тимка Булахов был невозмутим и вел себя, как будто ничего страшного не случилось. Он развязал мешок, раздал каждому по куску лепешки и положил возле костра пучочек горного лука:

— Ешьте на здоровице.

Слева из-за горы выглянула желтая, как медный таз, луна. Ее свет тихо струился на листья берез, на посветлевшие скалы, отражался в синих глазах Тани. Вдруг явно слышались шаги человека и кашель. Ребята закричали, но шаги сразу стихли.

— Наверно, он нас дурачит, — сказал Шурка, — ходит кругами, кашляет, топает как медведь и не откликается.

Шурке не ответили. Таня и Тимка напряженно всматривались в кусты.

— Черт его поймет, — наконец произнес Тимка, — то ли зверь притаился, то ли человек, а может быть, и пень горелый. — Он повернулся к Тане: — Посмотри-ка вон туда, тень какая-то!

С удивлением Тимка заметил, что пока он оборачивался, тень бесшумно исчезла.

— Тимка, может, Мулеков здесь бродит?

— Он бы подошел! Нас бы он не испугался!

— А вдруг он?

Тимка, не отвечая, быстро схватил арбалет, вскинул к плечу, нажал спусковой крючок. Там, в темных кустах, кто-то громко

почти по-человечески вскрикнул от боли. Затрещали ветки и вновь наступила тишина.

Шурку затрясло:

— Тим, что тама?

— Зверюга. Росомаха, кажись, подкрадывалась.

...Проснувшись утром, Шурка не сразу сообразил, где он находится. Спросонья посмотрел на Тимку, на костер, на Таню, на посветлевшее небо и спросил хриплым голосом:

— Петька тут?

Тимка бодро встал, по-взрослому расправил плечи и сказал, стараясь казаться беззаботным:

— Сейчас отыщется.

Таня тоже заторопилась. Сложила в мешок вещи, написала Петьке записку, которую они укрепили веточками на краю Черного камня, и спустились вниз.

Ребята сходили к кустам, где Тимка вечером видел исчезнувшую тень, но никаких следов не обнаружили, стрелы тоже не было. Тимка обошел деревья вокруг и сказал, что стрела в кого-то попала, потому что исчезнуть она не может. Они стали шарить в кустах, и нашли ее возле упавшей гнилой березы. Стрела была переломлена. На стволе березы отпечатался кровавый след маленькой, как будто человеческой ладонки.

Таня отшатнулась и, испуганно глядя на кусты, зашептала:

— Тимка, я видела такие же отпечатки в Краснокардонске на стене в музее.

Тимка осмотрел пятно, прошел осторожно вперед и, вернувшись, сказал, что отпечаток оставил не человек, а россомаха: на остром наконечнике стрелы он обнаружил несколько темных шерстинок.

Ребята, прислушиваясь к каждому шороху, пошли по темному ельнику. На самом спуске в распадок Тимка обнаружил сломанную веточку. Ее конец, заостренный ножом, указывал направление, в котором вчера ушел Петька. Ветку, несомненно, оставил он, так всегда делают таежники, бродя в незнакомой тайге. Петьку этому научил еще отец. Вскоре ребята вышли на старое болото. Оно давно заросло, и зеле-

ный мох, слегка прогибаясь под ногами, легко держал всех троих.

Ночь, проведенная на камне, исчезновение Петьки как-то странно подействовали на Шурку Подметкина. Он стал непрерывно оглядываться назад и теперь не хотел идти последним.

Тимка остановился. Путь преградила скала. Ни вправо, ни влево обойти ее не смогли и вернулись назад, к небольшому холодному ключу. Вдруг Шурка, выпучив глаза, часто задышал, вытягивая с силой воздух. Таня испугалась:

— Что с тобой?

— Дым! Пахнет дымом!

Таня ничего не учуяла. Они прошли совсем немного и остановились пораженные. Между двух берез стоял и улыбался Петька Жмыхин. Рубаха на нем была разорвана, лицо в саже, волосы прилипли к потному лбу.

Петька рассказал, что вчера он, как только прошел заросшее болото, взял вправо и спустился с горы. Он думал, что успеет засветло добежать до конца и вернуться, но ошибся. В конце осинового леса, на развилке, чуть в стороне от маленького ручейка, он увидел зимовье. Добежал до него, заглянул внутрь и повернул назад. Но тут наступила такая темень, что Петька, пройдя немного, понял, что сбился с пути. Попытался вернуться в зимовье, но заблудился окончательно. Наткнувшись на огромный пенек, сел и, плотно прижавшись к нему спиной, уснул. А утром быстро развел костер и бросился искать друзей.

— Мы едва в сторону от тебя не ушли, — сказала Таня. — Хорошо, что дымом запахло, а Шурка учуял.

Теперь ребята шли бодро, весело болтая. Петька жевал сухую лепешку и внимательно слушал рассказ о звере, в которого стрелял Тимка.

Светило солнце, пели птицы, роса поблескивала на цветах шиповника. Мелкие, величиной с тарелку, лужицы, уже нагретые солнцем, были облеплены синими мотыльками. Они взлетали, сталкиваясь в воздухе, и снова садились, хлопая по увлажненной теплой земле нежными крылышками. Шурка уже давно устал и, смахивая со лба капли пота, умоляюще смотрел на ребят, но Петька сказал, что пока они не дойдут до зимовья, отдыхать не будут.

Зимовье оказалось не тем, о котором говорил дед Торбеев. До самой крыши оно было завалено землей, на которой рос колючий кустарник и мелкие деревца. Дверь едва открывалась. В зимовье было темно. Тимка, ощупывая руками стены, обнаружил узкую четырехугольную щель. Раньше она служила окошком. Когда ее расчистили, в избушку проник узкий луч солнца. В нем заискрились легкие пылинки, которые поднялись, когда Шурка сбросил с нар какую-то старую закопченную доску. Положив доску на место, Шурка рассмотрел дверь. Она была пробита в трех местах. Круглые дырочки едва просматривались. Но когда Шурка сунул туда тонкий прутик, он пролез насквозь.

— Глядите-ка, дырочки-то от винтовки!

В противоположной стене ребята тоже обнаружили такие же отверстия.

— Во хлещет! — Шурка поднял большой палец. — Насквозь взяла и двери и стенку.

Тимка тоже внимательно посмотрел: две пули расщепили толстые доски в изголовье нар и ушли в пол.

— В человека палили, — сказал он. — Сквозь двери его спящего ранили, а опосля открыли дверь и стрелили в упор.

— Тимка, а кто стрелял?

— Знамо дело, варнаки — пепеляевцы всякие, семеновцы. Когда их Красная Армия расколошматила, в тайгу кинулись спасаться. Шариться да пакостить стали по зимовьям, как росомахи, людей жестоко убивали. У охотников отымали пушнину, харчи и удирали куда глаза глядят.

— Теперя их нету, — успокаивая самого себя, сказал громко Шурка. — Да, Тимка?

— В тайге передохли, а которых переловили, как волков, иные, мне отец говорил, удрали в Монголию, а оттудова в Китай.

Петька вытряхнул все содержимое из мешков и сказал, что сегодня они дальше не пойдут, что нужно хорошо отдохнуть и напечь лепешек.

Вечером, когда горячие лепешки были уложены в мешок, ребята приступили к одному из своих тайных дел. В зимовье у порога они вырыли глубокую ямку и спрятали туда документы и дневник командира. Сверток, аккуратно завернутый в бересту, засыпали старой золой.

— Теперь двести годов пролежит и не сопреет, — пояснил Тимка.

Поверх всего он положил кусок глины и старательно утрамбовал.

Трещали в печурке дрова. Пламя сквозь щели неровно освещало лица ребят и черные от копоти стены. Где-то далеко-далеко, как будто на краю заснувшей земли, тихо свистела потревоженная кем-то птица. Вдруг в лесу что-то затрещало, что-то повалилось на крышу зимовья. Петька подскочил к порогу, быстро захлопнул тяжелую дверь и вставил в деревянную ручку палку. В тот же миг послышался удар по двери. Тимка схватил арбалет. Рядом встал Петька, зажав в руке раскрытый складной нож.

С бревенчатого потолка посыпалась труха. Кто-то вскочил на крышу и топтался там, тяжело пытая. Слышались удары, как будто сражались костяными мечами. Трещали ветки. Костяные удары усилились. Крыша перестала прогибаться, пыхтение слышалось теперь прямо возле двери. Иногда в дверь ударили так сильно, что зимовье тряслось и ходило ходуном.

Таня стояла позади ребят напрягившись, готовая броситься на невидимого врага, спасти Шурку, Петьку и Тимку. Теперь костяные удары сопровождались не только пыхтением, но и каким-то непонятным стоном. Сыпалась сквозь щели земля. В темном углу на нарах ежился от страха Шурка Подметкин.

— Люди это или кто? — спросила Таня.

— Наверное, нет. Звери пришли сюда. По-моему, косули дерутся.

— Может, закричать?

— Нельзя, — шепотом ответил Тимка. — Они одуревшие и ничего не боятся, растопчут нас в лепешку.

Вдали послышался протяжный крик. Рядом с дверью таким же жутким голосом кто-то ответил. Затрещали ветки, раздался топот, и вновь наступила тишина.

Петька с шумом выдохнул воздух:

— Ушли! — и хотел распахнуть дверь, но Тимка отдернул его.

— Не открывай, иногда они не все убегают и со злости бодают и топчут даже кусты. — Тимка зевнул: — Давайте спать!

...Когда Таня проснулась, дверь в зимовье была открыта настежь. Зажмурясь от солнца, она вышла и оглядела полянку: кругом кучки земли и глины. Кусты и маленькие деревца справа у зимовья затоптаны и смешаны с землей, как будто по ним прошелся тяжелый танк. Земля на крыше изрыта рогами и копытами зверей.

— Маль-чиш-ки! — крикнула Таня. — Мальчиш-ки, где вы?

Из кустов вышел Шурка Подметкин. За жабры он нес большую рыбину.

— Откуда? — удивилась Таня.

— Мы реку обнаружили и в ней добыли. А Петька с Тимкой плот мастерят, я тебе рыбу оставлю и тоже пойду. Им подсобить надобно.

— Плот? Зачем?

— Петька сказал, ежели по реке плыть, то можно попасть в другую реку, а опосля еще в другую и приплыть на Байкал.

— Так мы поплывем обратно домой?

— Нет, ему про это Торбеев говорил. Мы вниз спустимся до поворота, а там опять пешком попрем.

Глава 16

— Добрый плот, ни в какую волну не перевернемся. — Шурка Подметкин, широко расставив ноги, стоял посередине плота и раскачивал его на воде. В разные стороны по тихой заводи разбегались круги. В щелях между бревен пузырилась вода.

Ребята перенесли на покачивающийся плот свои вещи и сели на корточки ближе к центру. Только Тимка стоял во весь рост, отталкиваясь тонким шестом от глубокого дна. Когда плот вышел на середину течения, его почему-то развернуло задом наперед. Таня, крепко держась за веревку, стягивающую плот, беззвучно смеялась. Тимка перешел на противоположный конец, правя то к правому берегу, то к левому, чтобы не налететь на пороги. Временами плот ударялся о подводные камни, и деревья, из которых он был связан, скрипели, стараясь порвать веревку. Тимка от таких толчков едва удерживался на ногах, но успевал выровнять плот, и тот мчался вниз, только летела сзади легкая

пена да кружились глубокие воронки. Иногда навстречу плоту, когда он выплывал из-за поворота, попадались утиные стайки. Селезень всегда взлетал первым и делал над плотом круги, а утка, испуганно крикая, гнала пушистых утят к берегу. Однажды над плотом низко-низко, чуть не задев Тимку вытянутыми длинными ногами, пролетела серая цапля.

Петька рассматривал правый берег. Скалы, мимо которых они неслись, были неприступны и мрачны.

Неожиданно плот развернуло, накренило на повороте и вынесло на гладкое зеркало тихой заводи. Течение кончилось. Плот, качаясь, стоял на месте, как раз против широкого распада. Петька осторожно встал на ноги и внимательно рассматривал место, где им предстоит высадиться. С крутого берега гляделись в воду могучие высоченные кедры. Прямо по корням деревьев бежал холодный ключ и, громко булькая, стекал в реку.

Высадившись на берег, ребята решили сохранить плот: пусть дожидается их возвращения. В случае чего, на нем можно проплыть дальше, до реки Громатухи, как говорил Торбеев, а там, если не проворонить правый рукав реки, подплыть к седловине хребта, с которого в ясные дни видны заснеженные вершины байкальских гор.

Пока Шурка с Петькой закрепляли плот, на берегу уже пылал веселый костер. Выпив чая с лепешками, ребята разлеглись на траве у костра и вспоминали, как прошедшей ночью их напугали дикие косули.

— Тимка, — спросила Таня, — а почему они дерутся и так страшно стучат рогами?

— По-правдашнему драться еще рано. Они новые рога только пробуют, крепкие или нет.

— Тимка, а по-настоящему они зачем дерутся?

Тимка, подумав, ответил, что они вожака выбирают на всю зиму; он должен быть самым сильным, чтобы любого волка мог отогнать.

День угасал. Огненный шар солнца скатился в горы. Тимка, готовясь к ночи, укладывал на землю ветки кедра, расстилал одежду. Таня наклонилась к Петьке и зашептала:

— Когда мы собирали коряжины, я там, — Таня показала в сторону маленького ручейка, — видела остатки от костра.

— Может, год назад тут были геологи.

— Я тоже так думала, а когда угли рукой потрогала, они еще теплые.

Шурка, слушая разговор, вздрогнул, вскочил на ноги, пуливно оглянулся по сторонам и сел поближе к костру.

Позвали Тимку. Он, ни слова не говоря, почерпнул из реки котелок воды и залил свой костер, сверху завалил песком и камнями. Дождавшись сумерек, ребята крадучись пробрались к ручейку. Тимка пощупал золу и сказал, что костер жгли утром.

Спать ребята легли у самой воды, в кустах, чтобы подкрасться никто не смог. Глядя на далекую яркую звезду, Таня сказала, что, в случае чего, можно прыгнуть на плот и оттолкнуться, а на воде их никто не достанет.

— Да нас и здесь никто не тронет, — сказал Шурка, прижимаясь дрожащей спиной к Петьке.

Пекло солнце. От реки пахло рыбой и водорослями. Крутятся на сухой ветке, громко стрекотала сорока.

Вдруг Петька вскочил на ноги.

— Где Шурка?

Стали громко звать. Но Шурка не отвечал. Тимка, что-то сообразив, бросился к берегу. Плота не было. Только рядом с деревом, за которое он был привязан, лежал Петькин заряженный арбалет, нож и записка: «Уплыл домой. Нас могут убить, я боюсь».

Петька подбежал к кустам и остановился как вкопанный: мешка, в котором лежала вся их пища, не было!

Таня впервые увидела слезы в Петькиных глазах.

— Ты что, Петька? Достанем пищи, у нас арбалет есть, рыбы как-нибудь поймает.

Но Петька расстроился не из-за пищи. Выяснилась непоправимая ошибка. Вчера, когда устраивались на ночлег, он положил карту в карман пиджака. Пиджак был Шуркин. И Шурка забрал его с собой, сам не зная, что увозит карту маршрута.

— Может, он нарочно увез?

— Нет. Он не знал, что я туда положил.

Тимка подошел к лежащему на берегу сухому дереву и попробовал его сдвинуть в воду.

— Свяжем плот из двух бревен. Я попытаюсь Шурку нагнать.

— Это же очень долго будет.

И Тимка, и Таня понимали, что в таком положении, да еще без карты, искать пещеру Биль-Былинского бесполезно. Если сейчас Петька прикажет возвращаться назад, они этому не удивятся. Но то, что сказал Петька, поразило ребят еще больше, чем позорное бегство Шурки Подметкина. Тане сначала показалось, что Петька от злости так шутит, но он, печальными глазами глядя на ребят, повторил:

— Сейчас нужно догонять не Шурку, а Мулекова! Мы должны найти Хорька. Он маршрут знает. Скажем, как договорились, что мы сбежали из детского дома и пробираемся к океану. Он поверит. Ему наверняка нужны будут помощники, и он возьмет нас с собой до пещеры.

— Петька, а если ему помощники не нужны?

— А может, впереди идет не он, а кто-нибудь другой?

Вместо ответа Петька раздвинул кусты и показал пальцем следы на песке. Они были глубокие и маленькие, как следы карлика.

— Помнишь, Таня, мы такие видели в Краснокардонске?

Таня вспомнила свой страх, когда в лесу увидела парашют диверсанта и маленькие следы на песке.

Последний раз оглядев реку, как бы с ней прощаясь, Тимка догнал ушедших вперед Петьку и Таню и сказал, что к вечеру, если они не уйдут далеко, их застанет дождь. Шли, громко разговаривая о всякой чепухе, чтобы только говорить. Чтобы Мулеков, если он вблизи, услышал их и подошел к ним. Пробирались через буреломы, карабкались на скалистые кручи, брели по ручью, но никто их не слышал, никто не окликал.

Тайга, подернутая легкой дымкой, притихла. Ни человек, ни зверь, ни птица не попадались ребятам. Все вокруг притаилось, ожидая ненастья. Легкая дымка превратилась во мглу, которая, не торопясь, затягивала солнце. В глубокой пади вдруг совсем потемнело. Тяжелая и серая туча лениво переползла через левый хребет и повисла над ребятами. Рез-

ко запахло цветы, трава; откуда-то потянуло запахом болота, но дождя так и не было.

Прошагав до глубоких сумерек, ребята легли спать голодными. Второй день после бегства Шурки Подметкина начался тоже неудачно. Тимка, ушедший с арбалетом еще на рассвете, вернулся к костру пустой. Даже крикливые кукушки и те куда-то исчезли. В этот день ребята съели только пучок каких-то корешков, которые Тимка нашел в расселине скалы.

Таежная падь, по которой двигался Петькин отряд, изо дня в день становилась все уже и уже и превратилась в скалистый коридор, по дну которого бежал холодный говорливый ручеек. Тимка, шагая с заряженным арбалетом в руках, задира высоко голову, высматривая на уступах маленького горного оленя — кабаргу.

У всех троих от голода давно кружилась голова. В одном месте Тимка увидел длинную траву, растущую дудками. Это был горный лук. Наевшись его, ребята почувствовали себя лучше. И шагать стали быстрее. Но уже через час голод стал просто нестерпимым. Вечером Тимка, для виду порывшись в своем кармане, вытащил оттуда — Петька удивился — кусочек лепешки, который давала ему Таня еще в день бегства Шурки Подметкина. Тимка разделил его на три равные части и проследил, чтобы Таня и Петька их съели.

...Проснулась Таня от вкусного знакомого запаха. Она повернулась лицом к костру и увидела, как Тимка тонкой палочкой перемешивает в котелке какое-то варево.

— Вот корешков маленько нашел. Есть можно.

Тимкин суп показался ребятам вкусным дорогим кушаньем.

— Приятно как пахнет, — сказала Таня, — как борщ, который мы из крапивы варили в Краснокардонске. Помнишь, Петька?

Петька отхлебнул несколько ложек и признал, что Тимкин суп из корешков, пожалуй, вкуснее.

С охотой в этот день опять ничего не вышло. И зверь, и птица, как будто зная назначение арбалета в Тимкиных руках, вообще перестали попадаться на глаза.

Много дней вел Петька свой голодный отряд. Тимкины супы из корешков и травы сил не прибавляли. Через час после такого

супа снова мучительно хотелось есть. Однажды вечером у Тани вдруг заболел живот. От резкой боли она вздрагивала.

— Что с тобой, Таня? Ты съела, наверное, что-нибудь вредное?

— Ничего, Петька, вредного не ела.

Тимка зачем-то спросил, тошнит ее или нет, а потом набрал полкотелка холодной воды:

— Выпей всю, тут же полегчает. От голодухи такое получается.

Таня, мелко постукивая зубами о край котелка, стала пить. Петька смотрел на Тимку Булахова, как на кудесника. Через несколько минут Таня встала на ноги и засмеялась.

— Совсем не больно, теперь можно шагать.

Постепенно ребята дошли до истока ручейка. Маленькой струйкой он бил из-под белых отшлифованных камушков. Скалистый коридор вдруг так сузился, что ребята едва протиснулись между стоящих почти вплотную друг к другу скал. Первым проскочил Петька. То, что он увидел, поразило его. Перед ребятами лежала холмистая долина, залитая солнцем. Она была красная от цветов. Жужжали дикие пчелы, перелетая в тишине с цветка на цветок. На деревьях, растущих невдалеке, на холмике, нежно пели синеголовые пичуги.

Оставив ослабевшую Таню в тени деревьев, мальчики подошли к каменистой куче и стали внимательно рассматривать землю. Тимка взял зачем-то в рот несколько камешков, почмокал и выплюнул в кусты. Потом намочил слюной палец и поднял его кверху. Таня знала, что так определяют направление ветра. Подумав, Тимка стал присаживаться на корточки и смотреть то на край каменистого холмика, то на небо. И делал руками движения, как будто он целится. Петька тоже осматривал землю и тоже садился на корточки. Отмерив шесть шагов, Петька присел между огромными четырехугольными камнями так, что его совсем не стало видно, и в щель просунул арбалет. Тимка вытащил из кармана крохотный узелок с солью и, взяв щепотку, посыпал на щебень и том месте, куда был направлен арбалет.

Когда перестала кружиться голова, Таня поднялась на ноги и подошла к ребятам.

— Что собираетесь делать?

— Закрадку. Зверя вечером будем караулить. Косуля ходит, вишь, следы от копыт. Они тут соль языком лижут.

— Тимка, без ружья опасно, ты сам же говорил, что стоптать копытами могут.

— За такими камнями не стопчут.

Целый час ребята носили коряжины и делали крышу над камнями. Тимка то и дело спускался с холмика и придиричиво осматривал закладку: не слишком ли она видна снизу.

Закончив работу, сели отдохнуть, и тут Тимка заметил, что лицо у Тани стало совсем белое, а под глазами словно кто-то намазал чернилами синие пятна.

— Тимка, — сказала она, — может, эти красные цветы можно варить и есть? Ты вспомни, Тимка.

— Сейчас ничего нельзя варить, дым от костра поползет, запах будет, зверь учует и не придет. Потерпи маненько, только стемнеет, в закладку сядем. Зверя добудем, костер разложим, — Тимка сглотнул слюну, — жареным мясом запахнет. Все вороны сюда слетятся, росомаха припрется, и наш Хорек прискочит, как на приманку. — Тимка опять глотнул слюну. — До темноты потерпим, а там пировать начнем.

— А вдруг зверь не придет?

— Придет, Таня, я на закладках фартовый. Торбеев всегда брал меня на солонцы для фarta.

— А ты стрелял по зверю?

— По белкам и зайцам стрелял много, а по зверю только один раз, когда дед меня одного на солонце оставлял, а сам геологов, которые заплутали, к Байкалу выводил.

— И ты попал?

— В упор стрелять, кто не попадет!

Ребята тихо залезли в закладку. В наступившей темноте все смолкло. Неожиданно из-за макушек деревьев выплыла луна. Стало светло как днем. Петька даже видел на холмике комочек соли, которую бросил Тимка. Тишина. Только сердце стучит, и кажется, что стук раздается по сонной долине и отражается от заснувших скал.

Вдруг раздался такой крик, что Петька вздрогнул.

— Ре-ее-е-рек!

Тимка прилег у арбалета, шепнул:

— Зверь прет.

Второй раз зверь рывкнул совсем рядом. И вот застучали его копыта по камням. Он встал на бугорок и шумно втянул воздух. В лунном свете рогатая голова казалась большой и грозной. Тимка, затаив дыхание, держал руку на спусковом крючке арбалета.

Зверь начал бороздить мордой по щебню, ударил несколько раз копытами по камням, опять втянул воздух, рывкнул и стал прислушиваться. Петька видел, как злобно сверкнул глаз зверя, закачались рога, он встал на дыбы, приготовясь ударить копытами невидимого врага. Но в этот момент тонко дзенькнула тетива. Зверь рухнул.

Таню разбудили, когда похлебка была готова. На голодный желудок Тимка не велел есть мясо, и они поили Таню густым бульоном. Каждый из них выпил всего по несколько глотков, и приятный непреодолимый сон повалил ребят наземь, прямо тут же, возле затухающего костра, на зеленом пригорке.

*Зверь начал бороздить мордой по щебню,
ударил несколько раз копытами по камням*

Они крепко спали, когда из кустов осторожно вышел мужчина маленького роста. Короткими руками он отодвинул ветку и пристально посмотрел на спящих. Увидел в руке у Петьки раскрытый складной нож. Человек стоял неподвижно, его можно было принять за обгоревшую лесную коряжину. Ветка снова качнулась, встала на место, и прищелец исчез. То ли от его взгляда, то ли еще от чего Петька шевельнулся, подсунув под себя руку с ножом, и, слегка коснувшись Тимки, тихо произнес:

— Хорек!

Наступила сонная тишина. Лунный свет тихо лился на листву, на траву, на лица уже притворившихся спящими детей. Снова шевельнулась ветка, теперь совсем рядом с головами ребят. Маленький человечек, присев на корточки, воровато огляделся и, касаясь руками камней, легко, как собака на четырех лапах, подбежал к ребятам и стал рассматривать их лица, и как будто даже нюхал их своим носом, похожим на кнопку. Долго он разглядывал лицо Тимки Булахова и даже провел по нему пальцами, как делают слепые, узнавая знакомых.

Петька чуть приоткрыл глаза и крепче сжал нож. Но тот отошел от Тимки и, наклонившись низко, так, что даже чувствовалось его дыхание, стал пристально всматриваться в лицо Петьки. Петькины веки, по-видимому, дрогнули, потому что Хорек, а это был он, мгновенно выхватил из-за пояса кинжал, наклонился еще ниже и, касаясь губами Петькиного уха, сказал:

— Не бойся меня, мальчик. Я вижу, что ты не спишь. — Петька открыл глаза. Маленький рот Мулекова шептал: — Не кричи, мальчик, я геолог. Не буди остальных.

Петька как будто спросонок, протирая глаза кулаком, сел на землю и спросил:

— Геолог из экспедиции?

— Тихо, мальчик. Я из экспедиции, а вы как здесь оказались? Вас кто-нибудь сюда привел?

— Мы сами пришли, потому что из детского дома удрали.

— Из какого? — нетерпеливо, шепотом спросил Хорек.

Петька подозрительно посмотрел на прищельца и, как бы испугавшись, сжался и хотел отодвинуться, но Хорек цепко схватил за коленку.

— От меня не удержь.

— Дядя, — взмолился Петька, — не отправляйте нас обратно в детский дом. Мы к океану пробираемся.

— Зачем вам?

— Там, дядя, хорошо жить! Там рыбы много, капуста морской. Селедки...

— Селедка там есть, а все-таки, из какого детского дома?

— Скажу, дядя, скажу, только обратно не отсылайте.

— Тихо, мальчик! — Мулеков покосился на спящих. — В детский дом я не отправлю.

— Мы, дядя, из иркутского бежали. Нас туда привезли с запада. А мы несколько минут побыли и сбежали. Скучно там!

— На какой улице он находится?

Петька молчал.

— Ну, говори, — зашипел Хорек.

— Я, дядя, не помню, наш поезд по всяким городам останавливался. Социалистическая улица или Коммунистическая, кажется.

— Говори номер!

— Номер пять, а напротив школа восемнадцатая.

— Ладно, сойдет. Видать, не брешешь. — И вдруг Хорек спросил: — Как фамилия этого пацана? — он указал на Тимку. — Отвечай, только тихо.

Петька усмехнулся:

— Это Тимка, а фамилия у него Усольцев. У него дед раньше на Волге купцом был. А девочку звать Таня Котельникова.

— Вас трое сбежало или сколько?

Хорек вплотную пододвинул морщинистое лицо к глазам Петьки. Но Петька, зевая, ответил:

— Бежали четверо, а один парень, Шурка, фамилии мы не знаем...

— Где он? — перебил Хорек. — Разбился, заблудился, умер?

— Умер бы ладно, а то удрал от нас и лепешки украл.

— Ночью мясо жрали, кто дал?

— Зверя подстрелили из арбалета.

— Арбалет где взяли?

— У детдомовского сторожа стащили.

Тимка во сне перевернулся на бок лицом к Мулекову. Хорек быстро присел. Маленькой рукой ловко придавил к земле Петьку.

— Молчи!

Подождав, когда Тимка снова засопит, взял Петьку крепко за руку:

— Пошли! Только осторожно, вон к тем скалам! Как тебя звать?

— Петька.

Он завел Петьку в каменную расселину. И угрожая кинжалом, связал веревкой.

— Сиди здесь и не вздумай пикнуть. Спрошу у тех, если наврал, всех троих... — Мулеков расплылся в улыбке, — всех троих в детдом отправлю. Нечего вам но тайге шляться, честных геологов пугать.

Хрустнула веточка под ногой уходящего Мулекова. И потянулись долгие минуты. Петька мучительно ждал. Что там у костра сейчас происходит? Может, бандит уже расправился со всеми и, захватив пищу, уходит подальше.

Мулеков появился перед Петькой бесшумно, как тень:

— Не обижайся! У меня государственная тайна, я не должен каждому доверять.

— Я не обижаюсь, дяденька.

У костра, когда ели мясо, Хорек, глядя на разливающуюся на востоке зарю, по-видимому еще не доверяя, в которой раз спросил:

— Ребята, никто из взрослых не знает, куда вы убежали?

— Никто, дяденька, не знает.

Хорек маленькими остренькими зубами перегрызал мясные жилы, о чем-то долго думал, глядя то на Тимку, то на Таню. Петька острой палкой рыл ямку в земле, готовя самодельную коптильню.

— Копченого мяса вам все равно хватит ненадолго, и до океана вы не доберетесь даже при вашем немецком компасе.

— Дядя, а что же делать?

— Хочу вас с собой взять, да не знаю, пойдете или нет.

— Обратно, дядя, мы не пойдем.

— Не бойтесь, обратно я вас не поведу, кому вы в Иркутске нужны, кормить вас. У меня правительственное задание, и, если вы мне согласитесь помогать, я вам расскажу о нем.

Мулеков замолчал, поглядывая чаще всего на Тимку Булахова. Ему, наверное, казалось, что Тимку он где-то видел.

— Но учтите, проболтаетесь — смерть! — ловким движением Мулеков выхватил из-за пояса пистолет с тонким длинным стволом. — Застрелю сразу за разглашение. Ясно?

— Дядя, почему вы так говорите, мы понимаем и никому ничего не скажем.

Петька, взглянув на пистолет Мулекова, определил сразу: «Многозарядный парабеллум бельгийской конструкции. Из него, говорил капитан Ладейщиков, можно стрелять даже по низко летящим самолетам». На стволе пистолета была какая-то надпись на немецком языке.

— Ты почему меня невнимательно слушаешь?

Петька вздрогнул:

— Я внимательно!

— Повторяю: если в тайге кого встретим, говорите, что я учитель из вашего детского дома. Разыскал вас, а теперь тащу домой. Ясно?

— А как, простите, вас звать? — спросила Таня.

— Мое имя засекреченное и называть его тоже нельзя. Поэтому зовите меня Захар Поликарпович Калиткин. Запомнили, ребятишечки? — Глаза Хорька заблестели: — Вы, ребятишечки, пионеры?

— Да, пионеры! — гордо сказала Таня.

— Тогда поклянитесь, что тайну никому не выдадите. Ну, клянитесь!

Петька, Тимка и Таня, отдавая салют восходящему над горами яркому солнцу, в голос сказали:

— Клянемся служить Родине до конца и тайну не выдавать!

— Теперь садитесь.

Засунув пистолет за пазуху, Хорек стал рассказывать, постоянно оглядываясь по сторонам:

— Случилось такое, ребята, много лет назад. Спасали мы золото от белых гнид — белопогонников. Отрядом, который вывозил золото, командовал я. На лошадях мы повезли много золота: стаканы, кубки, браслеты, слитки — все так и сверкает... Вы представляете, какое богатство я ищу для нашей страны?

— Конечно, представляем, — сказала Таня. — На золото можно построить танки, самолеты.

Петька испуганно взглянул на Таню и быстро добавил:

— Велосипед можно купить, ножик перочинный.

— Вот именно, ребятишечки, вот именно! Но в отряде у меня завелась белая гнида, предатель, он уничтожил весь отряд.

— А где, дядя, золото?

— Золото я успел спрятать так, что оно и поныне там. Сам я едва спасся от этого изверга, ранил он меня тогда... — Мулеков маленькой ладошкой хлопнул себя по ноге. — С тех пор хромаю. На фронт из-за этого не взяли фашистов бить, а вызвали прямо в Москву и приказали во что бы то ни стало найти пещеру.

— А в пещеру страшно опускаться?

— Туда, девчущечка, не надо опускаться, в этом и секрет, туда надо подниматься. Она высоко под самым небом.

— А как же мы поднимемся?

— Меня не с пустыми руками послали. В рюкзаке у меня крохотный баллончик и оболочка от резинового шара. А в баллончике — сжатый водород. Впустишь его в оболочку — и поднимайся хоть на седьмое небо, к самому господу богу. Ясно?

— Ясно! — улыбнулся Петька.

— Согласны идти со мной и помочь стране?

— Согласны, Захар Поликарпович.

— Молодцы, хорошие вы, умные ребятишечки. Давайте теперь козлятину коптить.

Петька и Тимка вырыли возле одной ямки другую, поглубже, и соединили их маленькой глубокой канавкой. Канавку Мулеков осторожно, чтобы не осыпать края, накрыл толстым слоем дерна. В одну ямку набросали сухого хвороста, в другой на острых камнях разложили куски мяса. Яму с мясом Мулеков накрыл большим плоским камнем и поджег в другой яме сухой хворост. Когда костер разгорелся, он ее тоже закрыл камнем, оставив только узкую щель. Дым по закрытой канавке побежал в яму с мясом, накапливался там и тонкими струйками, едва заметными на солнце, выходил наружу.

Запахло вкусно, словно копченой колбасой.

Мулеков посмотрел на наручные часы:

— Как продукт будет готов, тронемся в путь. Надо торопиться. Страна ждать не может. Я и так много проплутал. Дорогу совсем забыл.

Глава 17

Мулеков, просунув руку под плиту, пощупал горячее мясо, выдернул кусочек, откусил, по-крысиному задвигал челюстью.

— Мясо, ребятишечки, готово! Можно мешочки загружать да и в путь-дорогу трогаться.

Из своего аккуратного рюкзака он выложил на траву прибор, похожий на фотографический аппарат, только с наушниками, клеенчатый сверток, застегнутый ремешком с эмблемой: летящий большекрылый змей... «Оболочка там от шара», — догадался Петька. В кожаном круглом, как бутылка, футляре оказался маленький, окрашенный серебряной краской баллончик. На нем тоже стояла эмблема: Змей Горыныч с открытой зубатой пастью. Из левого кармана рюкзака Мулеков вытащил желтую, всю в дырах, самодельную карту, развернул.

— Этой карте, ребята, цены нет, ей памятник нужно поставить, она вывела меня на верный путь. — Мулеков сморщил губы: — Не она, конечно, а ее хитрая шифровка. Видите надпись СЛУ. Что это такое? — Хорек развел коротенькими руками. — Сам черт не разберет, а я вот, старый геолог, разобрался. И еще одной вещице я поставлю памятник. — Он вытащил из рюкзака сверток и развернул материю.

Петька чуть не вскрикнул. Это была тетрадь Петькиного отца. В нее отец когда-то тщательно записывал все известия об исчезнувшем отряде Биль-Былинского. К счастью для Петьки, да и для всего его отряда, что он не назвал своей фамилии Мулекову. Потому что на обложке тетради стояла отчетливая роспись Петькиного отца. Хорек погладил тетрадь сморщенной ладошкой.

— Случайно ее забрали у одного бандита. В сговоре был с моим проводником. Ишь, роспись свою поставил «Жмыхин»!

Тимка заметил, как гневно сошлись брови у Петьки, как он полез рукой в карман, но Таня, как бы нечаянно, прикоснулась к нему и сказала:

— Петька, почему в твоей фамилии пишется буква «и», а не «е», Витров, лучше было бы Ветров, а то Витров.

Петька мгновенно понял, что чуть не совершил свою последнюю в жизни ошибку. Как бы нехотя он ответил:

— А у тебя-то фамилия — Котельникова, подумаешь, котелок какой-то!

— Не придирайся ко мне, — миролюбиво сказала Таня, — фамилию не я придумала, а кто-то в далекой древности.

Разложив копченое мясо, Мулеков тяжелый рюкзак взял себе на плечи, а легкий мешок с веревочными лямками дал Петьке и Тимке.

— Несите по очереди. А ты, Танюшечка, носи баллончик и свою игрушку, — он рукой показал на арбалет.

— Баллончик носи осторожней, ударишь — нас всех поднимет к небесам. Ясно? Ну, с богом тронулись!

Мулеков шел быстро. Даже на подъемах не сбавлял шага. Он ловко проскакивал между колючими елками, уклонялся от торчащих сухих коряжин, прыгал с кочки на кочку, как молодой козел. Когда Петька, выливая воду из ичига, отстал, Таня тихо его спросила:

— Может, баллон или оболочку «нечаянно» уронить где-нибудь в ущелье?

— Не надо. Как же золото доставать будем?

— Петька, у него пистолет и кинжал!

— Ничего, справимся, будь только осторожней!

Тропа пошла круто в гору и превратилась в настоящую дорогу, как будто здесь прошла целая лавина диких лошадей. Трава была выбита, и глина слегка пылила под ногами ребят.

— Откуда дорога взялась? — спросила Таня.

— Не дорога это, а звериная тропа. Здесь, — Хорек маленькой рукой показал куда-то в небо, — будет горный перевал. Прямо в облаках шагать будем. Тут, ребята, звери и переходят из одной горной системы в другую. Ночью опасно — затопчут, а если хищники будут — сожрут, костей не оставят.

Вскоре идти стало так трудно, что ребята останавливались через каждые два-три метра. На ровную площадку перевала, где влажным туманом стояли облака, Мулеков поднялся первым. Он сел на камень и спокойно ждал, когда к нему докарабкаются Тимка, Петька и Таня. Он не пытался им помочь. Только когда Таня, оступившись, едва не полетела вниз, Хорек ласково сказал:

— Танюшечка, осторожнее надо, свалишься туда, — он показал на дно ущелья. — Что мы будем делать без баллончика? —

Когда Таня выбралась к нему, он забрал у нее свою «сумочку», надел себе на правое плечо. — Тут ему будет спокойнее.

Он поправил лямку рюкзака, пощупал за пазухой пистолет и, не глядя на ребят, быстро полез вверх на седловину хребта.

— Мы еще не отдохнули, подождите, пожалуйста, — попросила Таня.

— Все скоро отдохнете, — прокричал он в ответ откуда-то из тумана.

Тимка забеспокоился.

— Пойдемте, а то удерет от нас.

— Не удерет, мы ему зачем-то нужны. — Петька посмотрел на темные камни; вдруг схватил мешок и бросился вперед: — Ребята, быстро за мной. Он нарочно ушел, чтобы там без нас по рации поговорить.

Туман немного рассеялся и внизу можно было рассмотреть тайгу. Она была так далека, что отсюда казалась мягкой зеленой ватой. Петька первым увидел Хорька. Он сидел, прижавшись к скале спиной, склоняясь над своим рюкзаком. На рюкзаке стоял маленький приборчик, похожий на фотоаппарат. Тонкий, словно бы шелковый шнур тянулся от аппарата к наушникам, которые были на голове Мулекова. Почти касаясь сухими губами мягкой металлической сеточки на аппарате, он монотонно повторял: «Цунами, Цунами, я — Прозелит, отвечайте». Таинственный Цунами, по-видимому, молчал, потому что Хорек переключал какой-то рычажок и повторял это же на другом языке: «Ахтунг, ахтунг! Их бин Прозелит, антвортен, антвортен! Цунами — антвортен!».

Ребята, затаив дыхание, наблюдали за шпионом. Вот он посмотрел на часы, плюнул, рывком снял наушники и сразу услышал шорох за спиной. Быстро схватил с земли парабеллум. Но, увидав три детских головы, засунул пистолет за пазуху и сказал:

— Добрались, ребятишечки. А я здесь пытался с Москвой связаться, доложить, как у нас идут дела. Просили меня регулярно докладывать, но я сегодня опоздал. В случае чего, подмогу пришлют.

— В тайге-то они нас как отыщут? — спросил Тимка, слегка толкнув локтем Петьку.

— Они, парень, не пешком пойдут, а самолетом и, где я им укажу, сядут на поляну или спрыгнут на парашютах. Ясно?

Мулеков выдал ребятам по кусочку копченой козлятины и по четырехугольному прянику, которые он называл галетами.

— Слышал? — шепнул Тимка. — Значит, как найдет золото, он вызовет самолет, наверно, с Японии, погрузит драгоценности — и поминай как звали.

— Ничего, — ответил Петька, — у самой пещеры мы сломаем его рацию. Я придумал как.

Мулеков застегнул рюкзак, забросил его на спину:

— Пойдемте дальше. Время — деньги, как говорят хорошие люди, а у нас время — золото.

На другой стороне хребта, как только они спустились ниже облаков, их встретил нудный дождь. Мулеков хмурился, внимательно рассматривал с высоты горные цепи, далекие хребты и заснеженные вершины каких-то гор, едва блеснувших на горизонте. Он явно заволновался и приказал ребятам отсюда, с головокружительной высоты, смотреть вниз и искать небольшое озеро. Сам Хорек, оставив рюкзак возле ребят, спускался несколько раз вниз, уходил в стороны, но озера, о котором он столько говорил, не было. От этого озера он знал дорогу к пещере наизусть. Но оно теперь куда-то исчезло. То самое озеро, где когда-то Биль-Былинский обнаружил пещеру, в которой ночевал отряд вместе с лошадьми.

— Проклятье! — прошипел, запыхавшись, Мулеков. Упершись ладошками в камень, он по-кошачьи запрыгнул к ребятам на площадку. — Проклятье! — повторил он. — Пойдемте к перевалу, выше облаков поднимемся, мокнуть не будем. Переночуем на перевале, а завтра отыщем озеро. Будь оно трижды проклято!

На перевале, как только они поднялись выше облаков, дождь прекратился. Собрав в кучу сухие стебли и куски коры, занесенные сюда ветром, зажгли костер. Мулеков распорядился ложиться спать. Петька лег так, чтобы видеть Мулекова, но Хорек в эту ночь, видно, не собирался выходить в эфир. Подогнув под себя руки и ноги, как делают хищные зверьки, он сразу заснул.

На следующий день, как только проснулись, Хорек вытащил из рюкзака карту, которую украл на чердаке бабушкиного дома, тетрадь с росписью «доцент Жмыхин» и по часам, как по компасу, стал искать ориентир.

— Проклятье! Проклятье! — шептал он. — Направление правильное, а озера нет.

Таня с Тимкой сидели на корточках рядом с Мулековым, а Петька бродил среди обломков скал и рассматривал разноцветные лишайники. Они, как высохшие капустные листья, покрывали черные валуны. Петька знал, что стоит дождю или снегу случайно на них попасть, лишайники возвратятся к жизни. Одни камни от лишайников были синие, другие какие-то фиолетовые, а южные склоны скальных обломков ярко рыжие, как будто их специально кто-то покрасил краской.

Петька прошел метров двести, а когда прыгнул с уступа, очень удивился: большая ровная площадка была усеяна небольшими, величиной с рюкзак, камнями красного цвета. И Петьке почудилось, что здесь шла жестокая битва, что мертвую тишину нарушали когда-то удары кованых мечей и тяжелое дыхание воинов. В тишине Петька прошелся по площадке до края, где следующий уступ шел круто вниз. Петька хотел пройти по уступу, но, оглянувшись на камни, заметил на одном из них странный предмет, похожий... Петька сделал огромный прыжок и схватил его. Да, это была подкова! Обыкновенная, совершенно ржавая лошадиная подкова! У Петьки учащенно забилося сердце: «Подкова! Значит, здесь, среди красных камней, проходил отряд Биль-Былинского. И тогда кто-то из его погибших бойцов, а может, и сам командир, положил оторвавшуюся подкову на камень. Положил, надеясь, что кто-то, может, пойдет по их маршруту».

Когда Петька подошел к ребятам, Мулеков все также чертыхался над своими бумагами.

— Как ты, Тимка, думаешь, откуда здесь взялись подковы?

Хорек вскочил на ноги, оглянулся, рука шмыгнула за рубашу:

— Какие подковы?

— Там лежат красные камни.

— Где красные... — Мулеков вдруг осекся и добавил: — камни?

Испуг Хорька ребята заметили.

— Про подкову я говорю, а не про камни.

Мулеков рассмотрел подкову.

— От лошади из моего отряда. — Он улыбнулся. — Молодец! Подброшу я тебе золотишка. Дай только срок. Он схватил свои пожитки и так рванулся вперед, что ребята едва за ним успевали.

Среди красных валунов Мулеков быстро стал шариться. Тане показалось, что он даже нюхает камни.

— Петенька, подойди ближе: на каком камне лежала подкова?

— На том, который у края. Видите, полукруг отпечатался.

Мулеков бросился к камню, маленькими ладошками приналег на него и сдвинул в сторону. Как кошка лапами, быстро разрыл щебень и вытащил какой-то сверток бересты. Начал ее разворачивать, но береста лопалась, тогда он, разозлясь, с хрустом переломил ее надвое. Внимательно рассмотрел какие-то знаки и нахмурился. Подошел к краю ущелья, сбросил туда бересту и вдруг подобрел:

— Хорошо, что я раньше, когда шел с бандитом, успел сюда спрятать записку. Золото теперь у нас! — Он сжал морщинистую ладошку в кулак: — А теперь, ребятишечки, будем спускаться вниз, с этого проклятого хребта. — Он забросил рюкзак на спину: — Два-три дня мы потеряли зря.

...Когда отряд спустился вниз, где росли деревья и цветы и где можно шагать, не боясь споткнуться, наступила такая темень, что даже Мулеков, видевший, как он говорил, во тьме, и тот дважды наткнулся на деревья. Послав кому-то проклятье, он велел остановиться. Тимка, Петька и Таня упали на траву и лежали, не шевелясь от усталости.

— Вставайте, вставайте, ребятишечки. Быстро собирайте дровишки, покушаем себе на здоровье и потом уж баиньки. Без костра здесь нельзя, звери бродят. — Он исчез в темноте, где-то брякнул котелком о камень, а через минуту так же бесшумно появился с полным котелком воды. Мулеков был расторопным, через полчаса ребята уже ели вареное мясо. Интересно Мулеков ел мясо. Не раздирал его, а откусывал передними острыми зубами сразу, как откусывают мягкий хлеб.

— Петька, дай-ка твой нож, я косточку обрежу, — попросил Тимка.

Петька полез в карман — ножа не было.

— Ты у меня, по-моему, уже брал.

— Нет, я не брал. — Тимка на всякий случай обшарил свои карманы. — Вишь, у меня нету. Ты его, наверно, посеял, Петька!

— Я его только что у вас, кажется, видела, — сказала Таня Мулекову.

— Кажется, так перекрестись! — ответил Хорек.

— Я подумала, если мясо нарезано, значит был нож.

— У меня свой, — уже миролюбиво ответил Мулеков, показывая на рукоятку кинжала. — Не переживай, Петя, скоро весь мир будет наш.

Легко, как воздушный шар, из-за края гор выплыла луна. Завороженная тишина странно подействовала на Хорька, он стал беспокойным, часто поглядывал на часы и, наконец, пошел к высокой скале. Ребята видели, как он легко, словно ночной хищник, перескакивал с камня на камень, пока не исчез в расщелине скалы.

— Наверно, скоро у него сеанс связи. Место ищет, — предположил Петька.

— Он идет обратно! Давайте притворимся спящими.

Мулеков бесшумно подошел к костру, посмотрел на ребят, носком маленького ботинка ткнул потихоньку Петьку и Таню, взглянул в лицо Тимки. Уставшие за сутки дети спали глубоким сном. Послушав их ровное дыхание, Мулеков достал из рюкзака радиопередатчик с наушниками, легко нырнул под ветки дерева, дал небольшой крюк и побежал в сторону высокой скалы. Петька едва заметно шевельнулся:

— Я пойду следить. Если оттуда закричу какой-нибудь птицей, хватайте рюкзаки и бегите вон в ту сторону. — Петька показал на скальную вершину горы, над которой висела круглая луна.

— Петька, у него же нож, пистолет. Давай пойдем все вместе.

— Нельзя. Лежите и, в случае чего, хватайте, как я сказал, баллон и оболочку и бегите... — Петька посмотрел туда, где лежал рюкзак и обомлел: рюкзака Мулекова не было!

Петька, подтянув штаны, так быстро исчез, словно и не стоял на поляне. Тимка с Таней, прижавшись к земле, ждали,

когда Петька появится на открытом пространстве у подхода к пещере. Диск луны поднялся еще выше, и казалось, что он медленно и беззвучно плывет к горному хребту.

Петька подкрался к скале, когда Хорек, развернув рацию, надевал наушники. Послышался щелчок, и на приборчике вспыхнул выпуклый красный глазок. Мулеков, глядя на часы, подождал, когда секундная стрелка сделает круг, и, нажав второй раз кнопку, проговорил:

— Цунами! Цунами! Внимание, внимание! Говорит Прозелит. Отвечайте.

Петька услышал, как в приборчике треснуло, и сразу вспыхнул зеленый глазок. Хорьку что-то говорили, потому что он, кивая головой, повторял: «Ясно, ясно, ясно».

Глазок потух. Мулеков оглянулся вокруг, перевел рычажок и вновь наклонился к прибору:

— У главной тропы встретил трех детей. — Видно, что-то сказали Хорьку, потому что, как только мигнул глазок, он ответил: — Сейчас они нужны. Как я докладывал, большой баллон водорода при посадке повредили, и несколько дней назад я его выбросил. На малом мне не подняться, а одного из ребят он поднимет легко до пещеры. Когда золото будет снято, вызову самолет, как договорились.

Опять вспыхнул глазок. Он горел долго. Мулеков внимательно слушал, поворачивая рогатую от наушников голову в Петькину сторону, и трогал рукой лежащий рядом пистолет, блестевший от лунного света.

Петька едва успел отпрыгнуть в сторону — Мулеков, сказав что-то непонятное, вероятно, пароль, снял быстро наушники и, вода по сторонам стволом пистолета, прислушался.

Когда он пришел к костру, ребята спали в тех же самых позах. Хорек посмотрел каждому в лицо, послушал дыхание и, успокоившись, прилег возле костра...

Только разгорелась заря, отряд двинулся по-новому маршруту, указанному Мулековым. Двенадцать суток тяжелого пути отделяли ребят от пещеры, в которой лежали сотни килограммов золота, нужного сражающейся Советской Армии.

Глава 18

Как-то недалеко от стоянки Тимка увидел угли костра. Рядом под плоским камнем он обнаружил старый совершенно изъеденный ржавчиной револьвер. Спусковой крючок отгнил совсем, рукоятка была пустая — механизм давно превратился в труху. Возле костра на сосне, на старом затесе, виднелась надпись, залитая капельками смолы. Мулекова, ушедшего проверять направление ручья, все еще не было, и Тимка рассказал Петьке и Тане о своей находке, Таня смогла на затесе прочитать всего два слова: «...направление... Биль-Былинский».

— Петька, а не здесь ли, как писалось в дневнике, Мулеков ночью убил молоденького бойца?

Они еще раз осмотрели остатки костра и подошли к краю ущелья. Там, внизу, в болотистой воде, куда предательская рука Мулекова столкнула бойца, отражались красные вечерние облака. Несколько минут ребята постояли молча и вернулись к своему биваку.

Где-то далеко хрустнула ветка: Мулеков торопился к костру.

— Соскучились без меня, ребятишечки? — Он вынырнул как из-под земли. — Сейчас зачаевничаем, завтра прямиком к золотишку двинемся.

Мулеков был возбужден, подбросил веток в костер, быстро, как паук лапками, расстегнул рюкзак, вытащил мясо, рядом положил пучок черемши.

— Питайтесь, ребятишечки!

Глотая горячий чай, заваренный молодыми побегами дикой смородины, Мулеков повернулся лицом к ребятам:

— Не хотел вас расстраивать, но скажу: памятное мне это место. Здесь погиб мой лучший друг. Он знал местность и мог вывести отряд на тропу. Но предатель-проводник столкнул моего друга в болото. Утром все засыпало снегом, и ищи-свищи ветра в поле. — Глаза Мулекова радостно засветились: — Завтра, ребятки, у нас свидание с золотом. Один из вас, вот ты, Петя, поднимешься на шаре в пещеру и по веревке оттуда спустишь вниз мешочки с золотом. Потом вызовем самолет. Там рядом добрая полянка, он легонько сядет. Снесем туда мешочки, запрыгнем в самолет и улетим, как птахи малые.

— А куда?

— Улетим мы, Танюшка, прямо в Москву. Не сразу, конечно, в столицу нашу белокаменную, а сперва в Иркутск или в Хабаровск.

— Можно я поднимусь на шаре вместо Петьки? — попросился Тимка. — Он трусит, а сказать стесняется.

— Ладно, полетишь ты. — Мулеков по-кошачьи облизнул губы.

Но на второй день свидания с золотом, как обещал Мулеков, не произошло. Уставший отряд подошел к реке, к тому самому месту, где много лет назад командир Биль-Былинский, спасая отряд, в мороз переправил бойцов...

Сейчас, спустя много лет, Хорек реку не узнал. Она изменилась. Стала грозная в своем спокойствии и теперь подмывала скалы обоих берегов. Тимка ткнул шестом в воду, но даже у самого берега дна не достал. Мулеков занервничал, заметался.

— Черт побери, кто мог подумать, что дурацкая речонка превратится в проклятое море!

Он сбросил рюкзак на камни и стал оглядывать берег. Как на-зло, здесь не было ни одного дерева, ни одной сухой коряжины, на которой можно было бы переплыть. Каменные глыбы, нагретые солнцем, для переправы, конечно, не годились, и Мулеков в ярости стал на них плевать, но, немного успокоившись, спросил:

— Вы умеете плавать?

Петька сразу понял, что Хорек испугался воды, а может быть, он и вовсе не умеет плавать, и поэтому ответил:

— Плаваем мы неважно, но реку переплыть можем, за нас вы не беспокойтесь.

Мулеков взбесился:

— За вас я еще буду беспокоиться! Мне самому надо перебраться, а я плыть теперь не могу, ранение у меня...

— Давайте, — сказал Тимка, — мы трое возьмем ваш рюкзак и перемахнем на тот берег, а оттуда я вам сухое бревно пригоню. Видите — вон там между камнем валяется. Вы за него уцепитесь, и я вас переплавлю. Ребята! Пошли к воде.

Хорек выхватил пистолет:

— Стой! — Он отпихнул Петьку от воды. — Меня бросить хотите одного в беде?

Тимка за спиной Мулекова шагнул за дерево и, собрав все силы, натянул тетиву арбалета. Но в этот момент Петька стал между ним и Мулековым.

— А вы скажите нам, как сделать, так мы и сделаем.

Мулеков посмотрел в верные глаза Петьки и засунул пистолет за пазуху. Его узенький лоб покрылся морщинками, кончики маленьких ушей подрагивали:

— Плывите! Но Таню я оставлю здесь. Ясно?

— Я один сплываю, — зло сказал Тимка.

— Веревка в правом кармане рюкзака, бери, Тимка, не бойся и плыви на здоровье.

...Загорелое худенькое тело Тимки то пропадало в волнах, то снова появлялось. Петька с Таней, волнуясь за своего верного друга, не сводили с него глаз.

Наконец Тимка вылез на противоположный берег, оглянулся, помахал рукой и исчез в прибрежных кустах, нависших над водой, и очень долго оттуда не показывался.

Петька заволновался. Мулеков, сощурился, тоже всматривался в каменистый берег.

Диверсант усмехнулся:

— Петенька, запомни: человек обычно терпит крушение, когда ему кажется, что он уже победил. Вон она — пещера, за темным увалом.

Из кустов показался Тимка, тянувший из заводи два связанных бревна. Вытащив их на открытое место, он распустил всю веревку и разложил ее на берегу. Помахав ребятам рукой, Тимка обмотал конец веревки вокруг пояса, смело шагнул в реку и поплыл. Веревка с берега тонкой змейкой бежала в воду. Но плот все еще стоял на месте.

— Петька, а вдруг ему веревки до этого берега не хватит?

Хорек быстро оглянулся на Таню:

— Хватит! Там триста метров. — И похвалил Тимку. — Технически грамотно преодолевает течение.

На сушу Тимка выбрался как раз против Мулекова, подал ему мокрый конец веревки.

— Причаливай корабль, дяденька.

Хорек, ловко перебирая руками, перетянул на эту сторону плот, уложил на него вещи и сел сам. Взял в руки пистолет и приказал:

— Ну, ребятки, поплыли!

Таня хотела сесть за спиной Мулекова, но он приказал «быть всегда перед глазами».

Петька с Тимкой забрели в реку, оттолкнули плот, взялись руками за край и, толкая впереди себя, забарабанили ногами по воде. Через двадцать минут по мулековским часам отряд достиг противоположного берега.

До наступления темноты успели перевалить только небольшую заваленную буреломом горку. Ночь прошла очень спокойно, потому что Хорек почти не спал и прислушивался к каждому шороху, держа наготове свой многозарядный парабеллум.

На следующий день, чтобы сократить путь к пещере, Мулеков не стал обходить многокилометровое болото, а повел отряд напрямик. Ребят он пустил вперед, а сам шел сзади, размахивая пистолетом. Но поспешность ни к чему не привела. Болото задержало отряд на двое суток.

Мулеков вел себя, как помешанный, он вздрагивал от малейшего шума, шарахался от темных кустов, принимая их за человека.

Но однажды утром, когда от солнечных лучей заискрились кварцевые зубья гор, ребята заметили наверху, в скале, черную, почти круглую дыру. Это была пещера Биль-Былинского!

Мулеков почти лишился рассудка, он то убегал вперед, то ему вдруг казалось, что за кустами кто-то сидит, и он бросался туда с нацеленным пистолетом.

— Она! — кричал Хорек. — Она! Родимая! Сколько лет снилась!

От счастья он погладил себе уши и вдруг выхватил пистолет:

— Ни с места! Перестреляю!

Ребята, прижавшись друг к другу, остановились.

— Девочка, иди ко мне!

Таня подошла. Мулеков, как паутиной, обвязал ее своей крепкой шелковой веревкой.

— Садись сюда, — он кивнул на большую кучу белых от солнца лошадиных черепов. — Если эти сбегут, — он стволом пистолета показал на Тимку и Петьку, — золото доставать будешь ты! — Он повернулся к мальчишкам:

— Быстро на поляну. Работать.

Хорек заставил ребят собирать хворост и складывать его в одну кучу посредине поляны:

— Сигналить, ребята, сегодня ночью будем самолетику.

Сам Мулеков откатывал тяжелые камни к краю поляны.

Когда вернулись к скале, Таня лежала на боку. Там, где была веревка, руки распухли и были красными. Хорек грубо ее растолкал:

— Живая? — Таня не ответила предателю. На лице у Мулекова появилась слащавая улыбка — Терпи, Танюшенька, Родина мне не простит, если я в последний момент ошибку сделаю и золотишко упущу.

«Предатель! — подумала Таня про себя. — Разве Родина у тебя может быть?»

Мулеков вытащил из рюкзака свои шпионские приспособления. Растянул по камням длинную шелковую веревку и начал заряжать шар. Петька, Тимка и Таня внимательно следили за его действиями. Специальной пилкой он подпилит черный колпачок на баллоне и ловким ударом отломил его. Под колпачком оказался небольшой бронзовый краник с приборчиком, похожим на часы. Мулеков осмотрел краник, выкрутил из его носика бронзовую пробочку с резиновой прокладкой и вместо пробочки вкрутил туда трубку от оболочки, потом стал вращать рукоятку краника. Что-то слегка бахнуло и зашипело как змея. Оболочка стала медленно наполняться. Мулеков неотрывно смотрел на стрелку приборчика. Наконец, оболочка расправилась вся, и шар стал большим. Тогда Хорек закрепил веревку за сухое упавшее дерево и полностью вывинтил рукоятку. Шар стал гладким, как огромный школьный глобус. Он рвался в небо, натягивал веревку и даже поднимал немного макушку сухого дерева. Внизу шара, там, где находилась трубка, были крепко пришиты две кожаные петли для ног.

Хорек так увлекся снаряжением шара, что не заметил, как Петька развязал Тане руки и рядом с ней под широкую бересту положил заряженный арбалет.

— В случае чего стреляй, Таня, сразу!

Вторую веревку Мулеков привязал к металлическому кольцу на шаре, там, где находился какой-то никелированный рычажок.

— Иди-ка сюда, — позвал он Петьку, — поддержи-ка шарик!

Петька едва удерживал шар, когда Хорек одевал Тимке кожаные петли. Застегивая пряжки, он ласково щебетал:

— Смотри, Тимочка, куролесить там у золотишко начнешь, ее, — он кивнул головой в сторону Тани, — не пожалею.

— Зачем куролесить, — обиделся Тимка, — мы же золото для страны достаем.

Шелковую веревку стали потихоньку отпускать, и шар потянул Тимку в поднебесье. Ухватившись обеими руками за горловину шара, он ногами касался шершавой стенки скалы. Серая пыль из трещин летела вниз и облаком опускалась к ногам, державшим веревку. Казалось, что Тимка по отвесной скале бежит вверх к облакам легко, как маленький лесной муравей.

Снизу Таня и Петька следили за каждым движением своего друга. Тимке с первого раза удалось зацепиться за острый край пещеры и подтянуться к скале. Мулеков ослабил веревку, и Тимка полностью заполз в пещеру. Держась за какой-то камень, он освобождал ноги от стременных петель. Мулеков, помогая ему, то тянул веревку на себя, то ослаблял ее. Как только расстегнулись петли, Тимка вскочил и схватился руками за вторую веревку, подтянул к себе шар и вынул из-за пояса кинжал, который дал ему Мулеков. Шар, освободившись от шелковых пут, рванулся вверх, ударился о шероховатую макушку скалы, отскочил в сторону метров на двадцать и поплыл в бездонное синее небо.

Мулекова трясло, он не мог стоять на месте и, бегая у подножия скалы, задрал лицо кверху, кричал:

— Тим-ка, Тимо-чка! Там? Золотишко, я спрашиваю, там?

Тимка Булахов как будто ничего не слышал и спокойно затягивал к себе веревку, к концу которой Хорек крепко привязал свой рюкзак.

— Ты что, подлец, молчишь? Там или нет?

— Здесь они! Здесь! Только кожа малость сопрела.

Мулеков, запинаясь о белые лошадиные черепа и кости, подбежал вплотную к скале и, сложив маленькие ладошки рупором, пронзительно закричал:

— Тимочка, родной, ты мешочки осторожней поднимай и сразу в рюкзачок.

*Шелковую веревку стали потихоньку отпускать,
и шар потянул Тимку в поднебесье*

Тимка исчез в темноте пещеры и почему-то долго не появлялся. Мулеков весь извелся. Кричал на Таню, стал придираться к Петьке. Наверно, чтобы успокоить нервы, вынул из кармана алюминиевую круглую коробочку и проглотил сразу четыре зеленых таблетки.

Показался Тимка:

— Дядя, мешок один рассыпался. Я собирал золото в рюкзак!

Тимка взялся за веревку, и тяжелый рюкзак, покачиваясь, задевая боками стенку скалы, пополз вниз. Хорек не мигая, как смотрит кошка на солнце, следил за покачивающимся грузом.

Петька, воспользовавшись этим, взял рацию Хорька и швырнул ее в кусты. Хорек уже схватил рюкзак с золотом, но вдруг резко оглянулся:

— О! Сволочь! — Он наклонился, чтобы рюкзак с золотом поставить на землю и выхватил пистолет.

Но тут раздался звонкий голос Тани:

— Ни с места, Хорек!

Тимка, смотревший сверху, видел, как пропела стрела и предатель упал на камни. Но вскочил, сделал невероятный прыжок в сторону и выстрелил в кусты, в которых исчезла Таня. Повернувшись, наставил пистолет на убегающего Петьку.

— Остановись! Иди сюда, бандит!

Петька подошел и вдруг ногой ударил Мулекова в живот. Уронив от неожиданности пистолет, Хорек бросился на Петьку. Мальчик прыгнул к пистолету, но схватить его не успел, железные ладошки Мулекова стиснули ему горло. Петька смог только пинком отбросить пистолет к кустам. В ярости предатель стал бить мальчика головой о камень.

Потерявшего сознание Петьку он швырнул в мох.

— Сам залезу, негодяи, и сниму золото.

Он подобрал пистолет, перевел прицельную планку на большую цифру и стал ласково звать Тимку.

— Тимочка, выгляни сюда, посмотри, что сделали эти негодяи. Они хотели украсть золото, принадлежащее нашей советской стране. — Хорек тщательно прицелился в отверстие пещеры:

— Тимочка, выгляни хоть на минутку!

Тимка, притаившийся за острым выступом, молчал. Но когда предатель, взяв в зубы пистолет, попробовал полезть по веревке, Тимка крикнул:

— Полезешь, Хорек, перерублю веревку, шмякнешься.

Ругаясь, Мулеков стал подальше отходить от скалы, держа под прицелом вход в пещеру.

Очнувшийся Петька видел, как Хорек, не спуская ствола пистолета с пещеры, поднял с земли рацию, поставил ее на камень, открыл крышку и нажал какой-то рычажок.

«Сейчас вызовет самолет, и все пропало», — подумал Петька. Он попытался встать, но руки и ноги оказались тяжелые, как свинец.

Хорек, злобно ругаясь, настраивал рацию. Загорелся красный огонек, и предатель заговорил по-русски:

— Цунами, Цунами, я — Прозелит. Нахожусь у пещеры. Щенки взбунтовались. Двоих ликвидировал, третий запрятался в пещере. Посадочная площадка готова. Вылетайте. Ночью зажгу костер в центре поляны. Запишите географические координаты для посадки самолета. Сорок пять градусов... северной... — Хорек не успел договорить: камень, запущенный Тимкой из пещеры, шлепнулся о гранитный валун, на котором сидел Хорек.

Осколки камня врезались ему в щеку. Не сбрасывая наушников, он схватил пистолет, вытянул руку по направлению к пещере. Раздался оглушительный выстрел. У Петьки сжалось сердце. Но что это? Хорек вдруг выронил пистолет и, взвизгнув, упал на зеленый мох, извиваясь как змея. Из опрокинутой радиации неслся хриплый голос: «Прозелит! Прозелит! Антвортен! Загте Цунами!»

Петька, собрав все силы, привстал и, упав, накрыл собой рацию и мулековский пистолет. Рация смолкла. Петька рукой почувствовал тяжелую рукоятку пистолета. Пальцы сжались, но поднять оружие не смог, опять закружилась голова. Петьке показалось, что с грохотом несутся на врага советские пушки-самоходки, а он, Жмыхин, боец легендарной Иркутской дивизии, ползет к вражескому доту со связкой гранат; но вот в голове у Петьки быстро-быстро закружились вершины кварцевых гор.

— Ре-бя-та! Держитесь! — раздался сверху голос Тимки Булахова. — Наши пришли! Ура!

Петька заставил себя подняться на ноги.

Качаясь от слабости, обвел взором поляну, лес, пики скал и, напрягшись, сделал шаг к кустам, где застонала Таня.

— Петька! Стой! Петька! Это мы! — Петька повернулся, на всякий случай поднимая вверх парабеллум. И увидел неясно, как будто сквозь слезы, стоящего на уступе деда Торбеева и рядом с ним бледное лицо Шурки Подметкина. Из ствола длинного торбеевского ружья вилась тонкая струйка дыма.

«Торбеев стрельнул в Мулекова», — падая от слабости, подумал Петька. И снова в голове загрохотал бой, закружились березы и даже послышался мамин голос:

*Румяной зарею покрылся восток,
В селе за рекою потух огонек...*

Когда Петька очнулся, он увидел стоящую перед ним на коленях Таню. Левая рука у нее была перевязана в двух местах. На худенькой шее, там, где всегда билась синяя жилка, — большая садина.

— Ты живая?

Таня улыбнулась:

— Нас дедушка Торбеев спас, его сюда Шурка Подметкин привел.

— А где Хорек?

— Вон лежит возле камня, связанный. Ремень грызет от злости.

Петька стал подниматься. Сев на землю, ощупал голову. Она была аккуратно перевязана. У скалы шла спешная работа. Тимка в пещере нагружал золотом рюкзак и отправлял вниз, а там его принимал дед Торбеев.

— Таня, а где Шурка?

— Обратно в поселок ускакал сообщить, что золото нашли, чтобы людей нам послать на помощь.

Петька слабо улыбнулся:

— А на чем он ускакал?

— На лошади. Они сюда на лошади пришли.

Петька устало закрыл глаза и снова лег на землю.

Живуч был Петька Жмыхин. Отлежался на зеленой траве и, когда разгрузка пещеры была закончена, мог уже самостоятельно вставать и ходить. Правда, лицо его заплыло от ударов и ссадин, а повязка на голове в одном месте насквозь пропиталась кровью.

Первым делом Петька подошел к связанному Хорьку, посмотрел на него и сказал презрительно:

— Предатель Родины, — и сплюнул в сторону.

Хорек испуганно смотрел на деда и умолял развязать его и божился, что не убежит. Всех называл ласково: Танечкой, Петенькой, а Тимку называл Тимонькой. Но на просьбы предателя дед Торбеев замахнулся прутом:

— Молчи, иуда!

Правая рука у Мулекова тоже была перевязана белой тряпкой. Дед Торбеев проверил, крепко ли связан бандит и сказал:

— Молись богу, что дробью тебя шибанул, а не картечью.

Мулеков стал ругать всех подряд и просил, чтобы его убили. Торбеев, раскуривая трубку, усмехнулся:

— Убить просишь, народного гнева боишься? Нет, Хорек, у нас законы другие — наши советские. Народ тебя судить будет! В Иркутске о своих пособниках расскажешь, посмотришь людям в глаза, зверь ты ненасытный, слушаешь, что они тебе скажут.

Мулеков молчал, стараясь зубами подтянуть ремень, связывающий руки. Потом вдруг рывком сел на землю.

— Дед, отпусти меня. Я помогу тебе захватить самурайский самолет! Вызову сейчас по рации, ночью он придет, вы всех перестреляете, и самолет ваш. А потом меня отпустите. — Мулеков облизнул губы: — Военный самолет, специальный, он же миллион стоит! Слышишь, дед?

— Молчи, Хорек! Надеешься, что они прилетят и нас перебьют? Иуда!

— Дед, пододвинь рацию, я им ложные координаты дам, они в скалы врежутся, и сами увидите, как они сгорят!

Никто Хорьку не ответил.

— Может, попробовать?

— Не верь ему, Тимка! У него наверняка запасной шифр есть. Скажет, и все. Здесь десант выбросят и нас захватят, и они, — забинтованной головой Петька кивнул в сторону

туго набитых кожаных мешков с золотом, — и они уйдут за границу.

Как только стемнело, Мулеков вдруг стал мелко трястись, жаловаться, что ему холодно.

— Согрейте, согрейте меня, проклятая лихорадка! — жаловался он. — Согрейте, иначе я умру. Я знаю много тайн. Не дайте мне умереть, я назову фамилии резидентов, работающих на Кругобайкальской железной дороге. Разведите мне костер. — Он трясся, судороги сводили ему руки и ноги. Зубы постукивали. — Костер, — умолял он, — согрейте меня. Я... я... я при-при-го-жусь, — задыхаясь, просил Мулеков.

Тимка, Таня и дед Торбеев стояли и растерянно смотрели на дергающегося Мулекова.

— Может, собрать костер, а то еще сдохнет до суда, как ты, Петька, думаешь?

Петька тяжело слез с камня, пошатываясь, подошел, наклонился над Мулековым и спокойно сказал:

— Придуривается.

— Петька, а зачем ему придуриваться, видишь, как его ко-режит?

— Не тепло ему нужно, а костер. Сигнал самолету дать. Слышите!

Торбеев поднял к небу лицо. Подставил ладонь к уху, прислушался. В темном небе отчетливо послышался мягкий рокот самолетного двигателя. Гул нарастал. Задрожали скалы. В темноте вспыхнул синий луч небольшого прожектора, и гул стал удаляться.

Потом видно было, как далеко на западе мелькнули огоньки разворачивающегося самолета, и снова шум стал нарастать. Мулеков рывком вскочил вдруг на связанные ноги и закричал во все горло:

— Я — Прозелит. Я — Прозелит! Применяйте парашюты! — Он кричал так пронзительно, что, казалось, заглушал шум двигателей вражеского самолета.

В небе словно услышали визг Хорька. Самолет дал круг и пошел на снижение. Теперь уже четыре прожектора, два синих и два зеленых, шарили по земле, высвечивая пики

скал и отдельные деревья. Через специальный усилитель с самолета раздался голос:

«Прозелит, Прозелит! Я — Цунами, зажигайте костры!»

Но Прозелит уже лежал в глубоком мху, накрытый сверху куртками ребят.

— Напрасно стараетесь, — глухо говорил он из-под курток. — Они сейчас выбросят десант: пять солдат и две собаки.

Но самолет больше не появлялся. Петька наклонился над Хорьком:

— Мулеков, куда он везет десант?

— Петенька, я тебе все расскажу. Золото теперь у вас. Зачем я нужен? Отпусти, я уйду за кордон — даю слово!

— Отвечай, Мулеков!

— Петенька, они диверсии будут устраивать, туннели взрывать на Кругобайкальской железной дороге. Ты, Петенька, меня отпустишь? Видишь, что я тебе сообщил. Я же предлагал зажечь костер на скале, они бы врезались в нее, и крышка.

Сообщение предателя насторожило. Самолет действительно ушел в сторону Байкала. Не знали встревоженные ребята, что на подходе к Иркутску, недалеко от поселка Горячий Ключ, перехватит лазутчика советский истребитель. Вражеский транспортировщик, тяжелый от баков с запасным горючим, будет долго огрызаться двумя пушками и шестью крупнокалиберными пулеметами.

Но у высоченной горы советский маленький истребитель пошел на таран. Вражеская машина, развалившись, вспыхнула синим пламенем и рухнула в темное ущелье. Через минуту оттуда донесся грохот страшного взрыва. Но и советский «ястребок» вдруг блестящей стрелкой скользнул с высоты и воткнулся в самую вершину горы со странным названием Аракчей.

Когда совсем рассвело, Торбеев разложил костер, приготовил вкусные лепешки. Хорек из рук есть отказался, требуя, чтоб его развязали.

— Убить тебя надобно, а ты еще требуешь! — сказал ему дед Торбеев. — Жри, гад, а то пристрелю, и мороки с тобой

не будет! — Дед сделал вид, что потянулся к своему длинноствольному ружью.

Накормив Мулекова, старик сходил к ручью, тщательно вымыл руки и подсел к ребятам пить чай. Торбеев рассказал о Шурке Подметкине.

— ...Когда он объявился, суматоха поднялась. Смекнули, что вас бросил, стали костерить на все лады. А он, худой, в лохмотьях, опустил голову и стоит, в глаза людям смотреть боится. Приехал на лошади милиционер. Шурка плачет и рассказывает ему о своей трусости. Тут я и решил за вами идти, не дожидаясь, когда милиция соберет отряд. — Дед поправил в костре дрова. — Говорить Шурке ничего не надо, сам казнится за свое малодушие.

В тот же день они построили недалеко от пещеры большой, высокий шалаш. Торбееву удалось подстрелить изюбра. Копченое мясо таежного зверя действовало как лекарство. Раны у Тани и у Петьки заживали быстро.

Днем Торбеев обычно спал в шалаше, а ночью один сидел у костра, карауля предателя.

Мулеков с каждым днем становился злее. Однажды он чуть не погубил ребят. Ночью, когда все крепко спали, он, видя, что дед задремал, сел на землю и, оглянувшись по сторонам, сунул свои ноги в костер и быстро отдернул обратно. Веревка, которой он был связан, затлела. Подогнув ноги к лицу, он стал раздувать огонек. Сбросив с ног перегоревшую веревку, он встал, подошел к костру, схватил зубами тлеющую головешку и швырнул на сухой шалаш. Пробежав к краю поляны, он сел спиной к скальному обломку и стал тереться руками об острые грани камня, стараясь перетереть ремень, стягивающий руки.

Торбеев открыл глаза, когда шалаш, в котором спали ребята, пылал как факел. Возле него, спасая вещи, гоношились три юркие фигурки. От огня ребята не пострадали, если не считать, что у Тани волосы немного обгорели и она стала походить на худенького мальчишку.

Едва рассвело, бросились на поимку предателя. Шли цепью, осматривая каждую кочку. Дед шел со своим длинным ружьем, рядом Таня с арбалетом. Петька нес парабеллум, а Тимка шел с кинжалом.

Вдруг Таня увидела Хорька. Он притаился за огромным пнем, и уже в свободных руках держал большой камень. Он ждал, когда к нему приблизится ничего не подозревающий Торбеев. Таня встала за деревом и, прислонив арбалет к сосне, тщательно прицелилась. Мулеков, подняв камень в обеих руках, размахнулся что было сил, целясь в голову Торбееву. Плавно, как учил ее Петька, Таня нажала спусковой крючок. Дернулась звенящая тетива, тонко запела стрела. От неожиданной боли взвизгнул Мулеков и упал навзничь.

На визг оглянулся Торбеев и, держа ружье наготове, подскочил к Хорьку. Стрела вонзилась ему чуть ниже поясницы. Торбеев посмотрел на предателя:

— Что, получил укол в мягкое место? Сам виноват, иуда.

Хорек от боли скрипел зубами.

— Танечка, — сказал дед, — иди к костру, завтрак готовь, а мы его лечить будем.

Когда девочка ушла, Торбеев приказал диверсанту:

— Снимай, подлец, штаны, стрелу вытаскивать будем.

Вернулись они через час. Мулеков шел, едва переставляя ноги и по-звериному косился на Таню.

После этого случая Хорек затих, затаился. Снова стал ласково разговаривать с ребятами, пытался втянуть в разговор деда Торбеева. Он опять что-то замышлял. Но все теперь были на чеку, возле него дежурили и днем и ночью.

Однажды на закате раздался в таежной пади радостный крик:

— Ребята! Это я, Шурка Подметкин, отряд привел!

Дед сложил рупором руки:

— Эге-гей! Шурка! Обожди, я к вам приду, проведу вас сюда!

Таня и Тимка тоже побежали вслед за дедом на Шуркин радостный крик. Мулеков, видя, что про него забыли, быстро вскочил на ноги, оглянулся... и вздрогнул.

Возле сосны, не спуская с него глаз, стоял в своей ветхой рубахе Петька Жмыхин. Подняв пистолет на уровень глаз, он произнес тихо:

— Сядь, Хорек, на место! И дураков здесь не ищи!

Услышав ржание лошадей и возгласы погонщиков, Хорек в ярости стал кататься по земле.

Эпилог

Было теплое летнее утро. Стрекозы, как будто стараясь поймать свою тень, носились над водой. Плывущие в синем небе облака отражались в глубине Байкала. Оставляя за собой искристую дорожку, к пристани причалил быстроходный катер. На берег сошел лейтенант со шрамами на лице. У прибежавших ребятишек он спросил, кто из них Жмыхин. Люба Тороева побежала по каменистой тропинке к домику Веры Ивановны звать Петьку. Поздоровавшись со всеми и с Петькой лично, лейтенант сказал, что привез специальный пакет на имя пионера Пети Жмыхина. Он попросил Петьку расписаться в тетради и вручил пакет с красными сургучными печатями. Петька не знал, как распечатываются такие пакеты, можно ли ломать печати и разрывать шелковый красный шнурок и попросил помочь офицера. Лейтенант с удовольствием выполнил Петькину просьбу.

В пакете лежал голубой бланк. Офицер, окинув взглядом поселок Большие Коты, посмотрел на стоящих вокруг себя мальчишек и девчонок, одернул китель и стал громко читать:

Наркомат танковой промышленности СССР благодарит пионеров Петю Жмыхина, Таню Котельникову, Тиму Булахова и школьника Шуру Подметкина за помощь фронту. На средства, найденные вами, построена танковая колонна, которой присвоено имя «Советский пионер».

С коммунистическим приветом нарком В. А. Малышев.

Слушая лейтенанта с обожженным в бою лицом, Петька видел как будто наяву идущие в бой советские танки, сметающие на своем пути фашистскую нечисть.

Представил Петька, как будут входить танки в освобожденные от фашистов города. Счастливые люди, вытирая слезы, радостно встретят своих освободителей, и боевые машины будут идти по улицам, слегка покачивая тяжелыми стволами. И все будут читать гордую надпись на каждом танке: «Советский пионер».